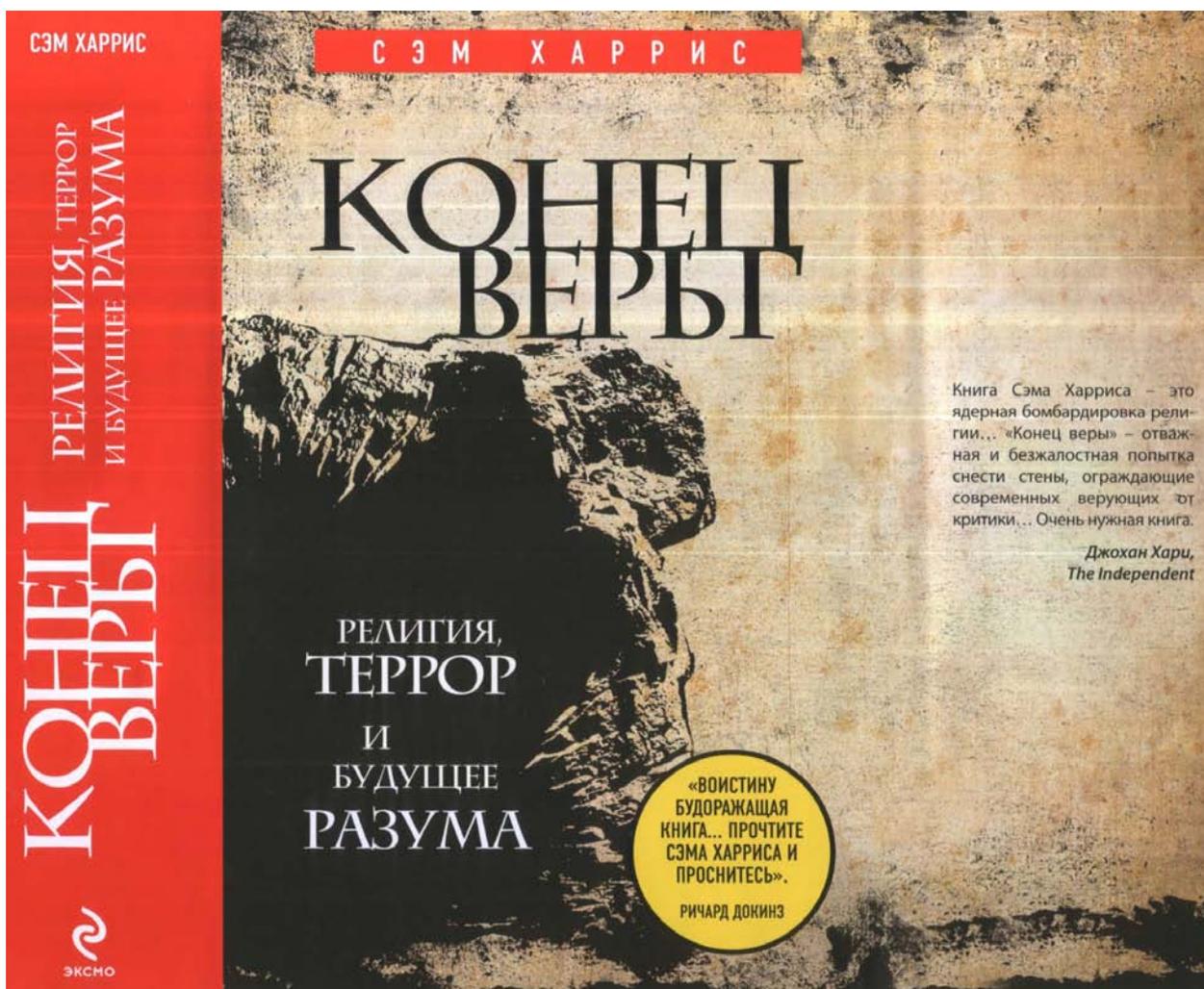

Спасибо, что скачали книгу в [Библиотеке скептика](#)

[Другие книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Конец Веры.

Религия, Террор и Будущее Разума

Эта знаменитая книга — блестящий анализ борьбы разума и религии в современном мире. Автор демонстрирует, сколь часто в истории мы отвергали доводы разума в пользу религиозной веры — даже если эта вера породила лишь зло и бедствия. Предостерегая против вмешательства организованной религии в мировую политику, Харрис, опираясь на доводы нейробиологии и философии призывает создать поистине современные основания для светской, гуманистической этики и духовности. «Конец веры» — отважная и безжалостная попытка снести стены, ограждающие верующих от критики. Блестящий анализ борьбы разума и религии от автора, чье имя находится в центре мировых дискуссий наряду с Ричардом Докинзом и Кристофером Хитченсом.

Посвящается моей матери

Оглавление

<i>Конец Веры. Религия, Террор и Будущее Разума</i>	1
1. Как вера изгоняет разум	3
Бог, рай, вера, грех.....	3
Миф об «умеренной» религиозности.....	6
Священные тени прошлого	10
Бремя рая	11
Исламский экстремизм	13
Смерть: кладезь иллюзий	17
Мир за рамками разума.....	19
Уступки вере	21
Пора начинать думать	22
2. Откуда берутся представления	24
Логика, истина, безумие и ложь.....	24
Власть представлений	25
Такие разные логические связи.....	26
Американское посольство	27
Представления и картина мира.....	29
Истина и ложь	31
Вера и доказательства.....	31
Вера и безумие.....	37
Почему мы верим в то, во что верим.....	38
3. В тени бога	41
Ведьмы, инквизиция, евреи, холокост	41
Ведьмы и евреи	45
Холокост.....	53
4. Проблема ислама	57
Джихад, Коран, отступничество, смертники.....	57
Края без центра.....	58
Джихад и энергия атома	68
Столкновение с Западом.....	69
Загадка «мусульманского унижения».....	70
Неразумие левых и странный случай Ноама Хомского.....	74
Совершенное оружие и «сопутствующий ущерб».....	76
Напрасная трата драгоценных ресурсов.....	79
Что же нам делать с исламом?	81
5. К Западу от Эдема	82
Верующие, преступление, наказание, наука.....	82

Вечный Законодатель.....	83
Война с грехом	85
Бог медицины	90
6. Наука о добре и зле	92
Религия, психика, разум, интуиция	92
Этика и наука о психике	94
Этическое сообщество.....	96
Демон релятивизма.....	97
Нужна ли разуму интуиция	100
Этика, нравственные проблемы и корыстный интерес.....	101
Нравственность и счастье.....	104
Лазейка для Торквемады?	105
Ложный выбор пацифизма	109
7. Эксперименты с сознанием	111
Счастье, сознание, мистика, медитация	111
Стремление к счастью	111
Тайна сознания	113
Что мы называем своим «я»?	115
Медитация.....	119
Эпилог	122
Послесловие	124
Слова благодарности.....	128

1. КАК ВЕРА ИЗГОНЯЕТ РАЗУМ

БОГ, РАЙ, ВЕРА, ГРЕХ

Юноша садится в автобус на автовокзале. Он в пальто. Под пальто спрятана бомба. Его карманы наполнены гвоздями, шариками от подшипников и крысиным ядом.

Переполненный автобус устремляется к центру города. Юноша сел позади от пожилой пары. Он ожидает следующей остановки. Сидящие перед ним муж с женой говорят о покупке холодильника. Женщина уже сделала свой выбор, но ее мужу кажется, что это слишком дорогая модель. Он показывает на другой холодильник в рекламном проспекте, лежащем на ее коленях. Автобус останавливается и открывает двери. Здесь женщине приходит в голову, что модель, выбранная ее мужем, не разместится под шкафчиками на кухне. Вошли новые пассажиры, и уже не осталось свободных мест, так что они стоят в проходе. Автобус переполнен. Молодой человек улыбается. Он жмет на кнопку — и уничтожает себя, пожилых супругов и еще около двадцати пассажиров. Гвозди, шарики и крысиный яд также разлетаются во все стороны, поражая прохожих и окружающие машины. Все прошло по плану.

Через какое-то время родители юноши узнают о том, что случилось с их сыном. Несмотря на боль потери, они переполнены гордостью за его поступок. Они знают, что их сын отправился на небо и приготовил путь, по которому они смогут последовать за ним. Кроме того, его жертвы будут вечно мучиться в аду. Это двойная победа. Соседи родителей юноши считают, что это торжественное событие, и, воздавая дань уважения герою, приносят им еду и деньги.

Это голые факты. Мы больше ничего точно не знаем об этом молодом человеке. Можем ли мы делать какие-то выводы о нем на основании его поведения? Пользовался ли он популярностью в школе среди одноклассников? Богат он или беден? Умен или не слишком? Его действия об этом ничего не говорят. Закончил ли он колледж? Был ли он инженером-механиком с блестящим будущим? Его поведение не позволяет ответить на все эти вопросы, как и на множество других¹. Но почему же при этом мы можем с большой — просто с абсолютной — уверенностью сказать, что этот молодой человек был верующим?²

Представления человека подобны рычагу: стоит один раз на него нажать, и все в жизни куда-то сдвигается. Вы ученый? Либерал? Расист? Это просто пример того, как представления претворяются в действия. Ваши представления определяют то, каким вы видите мир, и влияют на все ваши поступки и на то, что вы чувствуете по отношению к другим людям. Если вы в этом сомневаетесь, проделайте мысленный эксперимент. Представьте себе, как изменилась бы ваша жизнь, если бы вы верили, что, например:

- вам осталось жить только две недели;
- вы только что выиграли в лотерею сто миллионов долларов;
- инопланетяне имплантировали вам в мозг датчик, который позволяет им управлять вашими мыслями.

Все это просто слова — пока вы в них не поверите. Как только вы в них поверите, они станут частью самого вашего мыслительного аппарата и начнут определять ваши желания, страхи, ожидания и все поведение, которое из них следует.

Однако некоторые из самых дорогих нам представлений о мире порождают проблему: они неуклонно влекут за собой стремление убивать других людей. Стоит вспомнить историю или пролистать любую газету, и мы увидим, что если какие-то идеи отделяют одну группу от другой и пробуждают в группе желание убивать других, это наверняка идеи, связанные с религией. И, похоже, если роду человеческому когда-нибудь удастся избавиться от войны, это случится не потому, что так написано на звездах, но потому, что так написано в наших книгах. То, как мы сегодня обращаемся с такими словами, как «Бог», «рай» и «грех», определяет наше будущее.

Вот в какой ситуации мы живем: большинство людей на земле верит в то, что Творец вселенной написал книгу. К сожалению, таких книг много, и каждая претендует на свою исключительность и непогрешимость. Люди делятся на группы на основании того, какие из этих претензий они принимают, — а не на основании

¹ Как я покажу в главе 4, эти факты скорее свидетельствуют о том, что он не принадлежал к семье низших классов общества.

² Кто-то из читателей может мне возразить, сказав, что этот молодой человек мог принадлежать к «Тиграм освобождения» Тамил-Илама — к организации сепаратистов Шри-Ланки, которая организовала больше взрывов террористов-смертников, чем какая-либо еще группа. Действительно, «Тигров» постоянно упоминают, чтобы оспорить утверждение о том, что терроризм есть продукт религии. Однако называть «Тигров» Тамила «секулярной» группой — как то делает R. A. Pape (The Strategic Logic of Suicide Terrorism, American Political Science Review 97, no. 3 (2003): 20—32) и некоторые другие — было бы ошибкой. Действительно, у «Тигров» есть не только религиозные мотивы, но их члены исповедуют индуизм и разделяют многие сомнительные представления о жизни и смерти. На протяжении нескольких последних десятилетий они культивируют почитание мучеников, которое во многом окрашено особой религиозностью, свойственной людям, которые с легкостью отдают свою жизнь ради какой-то цели. Западные люди, чуждающиеся религии, часто не замечают того, что некоторые чужие культуры, пропитанные верой в загробный мир, относятся к смерти с пренебрежением, которое трудно объяснить разумными причинами. Однажды я путешествовал по Индии. В это время тамшнее правительство изменило систему экзаменов для студентов, которых готовили к государственной службе. С моей точки зрения, это было малозначительное событие на фоне всех нелепостей работы местной бюрократической машины, однако оно вызвало волну самоубийств в знак протеста среди молодых людей. Индусы, даже когда кажется, что они далеки от веры, часто несут в себе глубокие религиозные убеждения.

языка, цвета кожи, места обитания или рождения или других вещей, которые создают племена. Каждая такая книга предлагает своим читателям набор верований и практик, среди которых одни хороши, а многие другие нет. Тем не менее, все они единодушно согласны в одном: Бог отнюдь не поддерживает «уважение» к другим верованиям или взглядам неверующих. Хотя во многих религиях есть отдельные признаки стремления к экуменизму, в сердце любой религиозной традиции содержится убеждение в том, что все другие веры — это собрание ошибочных представлений или, в лучшем случае, что они глубоко неполноценны. Таким образом, нетерпимость глубоко присуща любой вере. Когда человек верит — действительно верит — в то, что определенные представления ведут к блаженству в вечности или к противоположному состоянию, он не может смириться с тем, что другие люди, которых он любит, могут сбиться с пути под воздействием неверующих. Твердая вера в иную жизнь просто несовместима с толерантностью в этой жизни.

Это явление ставит перед нами проблему по той причине, что сегодня наша культура категорически не позволяет критиковать чью-либо веру. В этом вопросе либералы и консерваторы на удивление единодушны: религиозные представления находятся просто за рамками рационального дискурса. Критиковать чьи-либо представления о Боге и загробной жизни считается неуместным, тогда как все считают себя вправе критиковать его представления о физике или истории. И потому, когда мусульманский террорист взрывает себя на улице Иерусалима, убивая при этом невинных людей, мы неизбежно слишком недооцениваем ту роль, которую в этом сыграла его вера. Мы объясняем это политическими, экономическими или личными причинами. Отчаявшиеся люди, говорим мы, делают ужасные вещи независимо от религии. Таким образом, мы всегда оправдываем веру.

Однако развитие техники порождает новые нравственные императивы. Мы настолько усовершенствовали технику военного искусства, что теперь религиозные различия — а потому и религиозные представления — стали угрозой нашему выживанию. Мы уже не можем отмахиваться от того факта, что миллиарды наших ближних верят в метафизику мученичества, или буквально понимают книгу *Откровение*, или в какие-то фантастические вещи, пленяющие умы верующих на протяжении тысячелетий, — поскольку наши ближние сегодня могут пользоваться химическим, биологическим и ядерным оружием. Это, несомненно, означает, что нам пора покончить с нашим легковерием. Слова «Бог» или «Аллах» должны занять то же место, что и слова «Аполлон» или «Ваал» — иначе они разрушат наш мир.

Если мы окинем мысленным взором историю ложных идей, которые оказались на свалке, мы поймем, что подобные концептуальные революции возможны. Возьмем алхимию: она будоражила умы людей на протяжении тысячи лет, однако если сегодня кто-нибудь заявит, что занимается алхимией, мало кто доверит такому человеку ответственность за судьбы других людей. Подобное могло бы произойти и с религиозной верой, ее тоже могли бы сдать в архив.

Какая же у нас существует альтернатива религии? Оказывается, этот вопрос просто неверно поставлен. Химия не была «альтернативой» алхимии, она просто вытеснила устаревшее невежество и заменила его подлинным знанием¹. Мы увидим, что говорить об «альтернативе» религиозной вере столь же неверно, как говорить об альтернативе алхимии.

Разумеется, верующие люди занимают разные места в определенном континууме. Одни, хотя и черпают утешение и вдохновение в какой-то религиозной традиции, все же вполне терпимы к разнообразию мнений, тогда как другие готовы спалить всю землю дотла ради уничтожения ереси. Другими словами, существуют умеренные верующие и религиозные экстремисты, которые отличаются друг от друга своими стремлениями и поступками. Однако в данной книге я хочу показать, что и умеренные верующие несут в себе ужасно неверную догму: они думают, что мы придем к миру, если научимся уважительно относиться к иррациональным верованиям других людей. Я хочу продемонстрировать, что сам идеал религиозной

¹ Здесь я называю словом «алхимия» совокупность древних причудливых практик манипуляции с металлами и химическими веществами с целью преобразить обычные металлы в золото или создать из земных материалов «эликсир жизни». Конечно, и сегодня есть люди, которые уверяют, что тексты алхимиков предвещали современные открытия в области фармакологии, физики твердого тела и других наук. Однако такая трактовка действительности, напоминающая трактовку пятен Роршаха, меня отнюдь не убеждает.

терпимости — рожденный на основе веры в то, что каждый человек свободен верить в Бога так, как он хочет, — это одна из тех сил, что толкают нас в пропасть.

Мы не готовы признать, что вера способствует бесчеловечному отношению к другим людям. Наша слепота естественна, ведь многие из нас привыкли думать, что вера — важная часть жизни человека. Существуют два мифа, которые оберегают веру от разумной критики, причем эти мифы свойственны и умеренным верующим, и экстремистам: (1) большинство из нас думает, что вера вносит в жизнь людей хорошие вещи (например, порождает сплоченные группы, укрепляет нравственность, дает духовный опыт), которые нельзя получить никаким другим путем; (2) многие из нас продолжают думать, что ужасные вещи, которые делаются во имя религии, порождает не сама вера, но испорченность человеческой природы — такие ее проявления, как жадность, ненависть и страх, — испорченность, которая лучше всего лечится верой (или лечится только с ее помощью). Эти два мифа надежно предохраняют веру от ее разумного публичного обсуждения.

Многие умеренные верующие открыто стоят за плюрализм и готовы признать равную ценность всех вер, но при этом они не обращают внимания на сектантские претензии каждой из них. Пока христианин верит в то, что только его крещеные собратья будут спасены в день Страшного суда, он не может «уважать» другие веры, поскольку знает, что эти чужие идеи поддерживают адское пламя, которое готово пожрать всех приверженцев неверных учений. Обычно мусульмане и иудеи не замечают того, за что они сами сражаются, но при этом страстно выискивают ошибки во всех иных верах, что продолжается тысячелетиями. Хотя эти соревнующиеся системы вероучений сами, разумеется, крепкой стеной ограждены от критики.

И, несмотря на все это, такие разные мыслители, как Герберт Уэллс, Альберт Эйнштейн, Макс Планк, Фримен Дайсон и Стивен Джей Гулд, заявляли, что война между разумом и верой осталась в далеком прошлом. Другими словами, наши представления о мире не должны складываться в последовательную систему. Кто-то может быть благочестивым христианином в воскресенье и ученым с утра понедельника, и ему не нужно отдавать отчет в том, что, пока он спал, между верой и наукой в его голове образовалась крепкая стена. Религия не мешает ему пользоваться разумом. Как мы увидим из первых глав этой книги, такая ситуация возможна лишь в силу того, что на Западе церковь сдерживают политические силы. Но есть такие страны, где ученого, усомнившегося в истинах Корана, могут побить камнями, и здесь слова о «союзе любви» (Гулд) между верой и разумом были бы полным бредом¹.

Это не значит, что вещи, которые заботят верующих — умеренный или радикальных, — тривиальны или ложны. Не следует отрицать того, что у большинства из нас есть эмоциональные и духовные потребности, на которые отвечают мировые религии — даже если эти ответы туманны и за них приходится дорого платить. И простое понимание нашего мира — научное или какое-либо еще — неспособно удовлетворить эти потребности. У нашего существования, несомненно, есть священное измерение, и человек вправе думать, что познание этого измерения составляет величайшую цель жизни. Но мы увидим, что для такого познания человек должен быть свободен от веры в непроверенные утверждения: скажем, что Иисус родился от девы или что Коран есть слово Бога.

МИФ ОБ «УМЕРЕННОЙ» РЕЛИГИОЗНОСТИ

Вера в то, что какая-либо религия опирается на непогрешимое слово Единого истинного Бога, возможна только в случае глубокого невежества в вопросах истории, мифологии и искусствоведения, поскольку все верования, ритуалы и образы нынешних религиозных традиций на протяжении веков были предметом «перекрестного опыления» между ними. Какой бы источник им ни приписывали, доктрины современных религий столь же безосновательны, как и те представления, которые с исчезновением их приверженцев уже тысячу лет назад поместили на свалку мифологии; для веры в буквальное существование Яхве или

¹ S. J. Gould, *Nonoverlapping Magisteria*, *Natural History*, March 1997.

сатаны у нас не больше оснований, чем для веры в Зевса, восседающего на горе на троне, или в Посейдона, колышущего морские воды.

По данным Гэллага, 35% американцев верят в то, что Библия в буквальном смысле есть безошибочное слово Творца вселенной¹. Другие 48% думают, что это «боговдохновенное» слово — обладающее той же безошибочностью, хотя некоторые места в Библии следует понимать символически, чтобы найти содержащуюся в них истину. И лишь 17% американцев сомневаются в том, что Бог как личность в его бесконечной премудрости действительно был автором этого текста — или что он создал жизнь на земле, где насчитывается 250 тысяч видов одних только жуков. Около 46% американцев понимают рассказ о сотворении мира буквально (40% верят в то, что он управлял процессом творения на протяжении миллионов лет). Это означает, что для 120 миллионов из нас Большой взрыв произошел через две с половиной тысячи лет после того, как вавилоняне и шумеры научились варить пиво. Если верить нашим социальным опросам, почти 230 миллионов американцев верят в то, что книга, в которой нет ни единства стиля, ни внутренней согласованности, была написана всеведущим, всемогущим и вездесущим божеством. Опросы среди индуистов, мусульман и иудеев по всему миру дают примерно такие же результаты. Это свидетельствует о том, что мы, вид *homo sapiens*, глубоко пропитаны мифами. Почему в этой сфере жизни наши представления о мире существуют за непроницаемой стеной от разума и доказательств?

Принимая во внимание такую удивительную картину мышления, мы можем понять, что означает религиозная «умеренность» в XXI веке. «Умеренные» приверженцы любой веры всегда гибко интерпретируют (или совсем игнорируют) большинство своих канонов ради того, чтобы им можно было жить в современном мире. Без сомнения, на это влияют невидимые экономические факторы: общество производит куда меньше продукции, если значительная его часть бросает повседневные занятия и вместо этого начинает убивать своих покупателей и кредиторов за ереси. Когда умеренные верующие отходят от буквального понимания священных текстов, они черпают вдохновение не из писаний, но из современной культуры, которая не позволяет воспринимать многие крайности Бога буквально. Кроме того, в Америке религиозная умеренность объясняется еще и тем фактом, что большинство христиан и иудеев не читают Библию целиком и потому просто ничего не знают о том, как ревностно Бог Авраама призывает верных искоренять ереси. Достаточно открыть Второзаконие, чтобы в этом убедиться. Скажем, если ваш сын или дочь приходят с занятий йогой, где пропагандируется культ Кришны, Библия призывает вас к весьма конкретным действиям:

Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои», богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, от одного края земли до другого, ~ то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывай его, но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа; побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвлечь тебя от Господа, Бога твоего... (Второзаконие 13:6-10)

Хотя в Америке побивание детей камнями за ересь давно вышло из моды, «умеренный» христианин или иудей не скажут, что такого рода отрывки следует понимать «символически». (Фактически такие толкования запретил сам Бог, который во Второзаконии 12:32 говорит: «Все, что я заповедую вам, старайтесь исполнить; не прибавляй к тому и не убавляй от того».) Приведенный выше отрывок обладает таким же каноническим статусом, как и другие тексты Библии, и чтобы примирить Хорошую Книгу с современной жизнью, верующим приходится игнорировать подобные варварства.

Сегодня верующие становятся «умеренными» только по той причине, что они питаются плодами развития человеческого мышления на протяжении двух последних тысячелетий (такими, как демократия, политика²,

¹ G. H. Gallup Jr., *Religion in America 1996* (Princeton: Princeton Religion Research Center, 1996).

² Разумеется, здесь не следует забывать о проблемах самой демократии, особенно когда ее преждевременно навязывают странам с высоким уровнем рождаемости и низким уровнем грамотности, с этническими и религиозными конфликтами и

любые достижения науки, забота о правах человека, преодоление культурной и географической изоляции и т. п.). Двери темницы буквального понимания писаний открываются не *изнутри*. Умеренность верующих, которым чужд фундаментализм, отнюдь не свидетельствует об эволюции веры, скорее это результат многочисленных ударов современности, которая поставила под вопрос многие положения веры. В числе прочего человечество начало ценить доказательства и принимать только те представления, которые опираются на факты. В этом смысле даже самые радикальные фундаменталисты пользуются разумом, только разумный подход не распространяется на странные положения их веры. Скажите благочестивому христианину, что его обманывает жена или что замороженный йогурт делает человека невидимым, и он попросит у вас доказательств, как все обычные люди, и поверит вам лишь в той мере, в какой вы сможете подтвердить свои слова фактами. Но скажите ему, что книжка, лежащая около его кровати, была написана невидимым божеством, которое накажет вечным огнем того, кто не верит в странные утверждения этой книги о вселенной, и верующий, вероятнее всего, не попросит у вас никаких доказательств.

Религиозная «умеренность» появилась лишь по той причине, что сегодня самый темный человек просто *знает* о некоторых вещах больше, чем кто-либо во всем мире две тысячи лет тому назад, — причем эти знания во многом противоречат Писанию. Если мы хоть понаслышке знакомы с открытиями в медицине нескольких последних столетий, мы уже не можем думать, что болезни порождает грех или демоны, вселившиеся в человека. Узнав о том, какие расстояния отделяют одну часть вселенной от другой, большинство из нас (около половины, если точнее) уже не может всерьез верить в то, что мир был создан шесть тысяч лет назад (и что за это время свет отдаленных звезд достиг земли). Подобные уступки современности ни в коей мере не предполагают, что вера совместима с разумом или что религиозные традиции в принципе открыты к новым знаниям, просто сегодня у верующих появилась чрезвычайно острая необходимость игнорировать (или «интерпретировать по-новому») некоторые положения веры.

Каждый человек, который совершал перелет в другой город, где ему делали операцию на открытом сердце, не может не признать (даже если он об этом не заявляет) того, что человечество узнало что-то новое о физике, географии, технике и медицине за те времена, что оно просуществовало после Моисея.

Не следует думать, что священные тексты сохранили свою убедительность за последние века (они ее утратили), но все дело в том, что мы их умело подкорректировали путем избирательного невнимания к некоторым отрывкам. Оставшиеся «хорошие отрывки» не были отброшены лишь по той причине, что мы все еще плохо понимаем нашу этическую интуицию и наши духовные способности. Если бы мы лучше знали, как работает человеческий мозг, мы бы, разумеется, нашли взаимосвязи между нашими состояниями сознания, нашими поступками и тем, как мы используем внимание. Что делает кого-то более счастливым, чем остальные? Почему любовь способствует счастью в большей мере, чем ненависть? Почему мы обычно предпочитаем красоту, а не уродство, порядок, а не хаос? Почему нам так приятно улыбаться и смеяться? И почему, когда смеемся вместе, это нас сближает? Что такое Это — иллюзия или реальность? И если оно иллюзия, что из этого следует для нас? Есть ли жизнь после смерти? В итоге это вопросы для зрелого ума. Если человечество когда-нибудь обретет такой ум, большинство из религиозных текстов будут так же мало значить для мистиков, как они уже мало значат для астрономов.

Хотя в свете всего того, что мы узнали (и не узнали) о вселенной, религиозная умеренность может показаться нам разумной позицией, она не защищает нас от религиозного экстремизма и насилия. Люди, которые стремятся жить по букве священного текста, воспринимают «умеренных» верующих, как фундаменталистов-неудачников, которые, вероятнее всего, будут гореть в аду вместе со всеми прочими неверующими. Религиозная умеренность не позволяет никому из нас достаточно сурово критиковать религиозный буквализм. Мы не вправе назвать фундаменталистов безумцами, потому что они просто используют свою свободу веры; мы даже не можем сказать, что они ошибочно понимают саму религию, потому что они знают Писание лучше кого бы то ни было. «Умеренные» верующие вправе сказать только одно: мы не готовы так много платить — на личном и общественном уровне — за верность всему тому, чего

нестабильной экономикой. Несомненно, существует такая вещь, как деспотизм для блага общества, и, возможно, это необходимый этап развития для многих стран. См. R. D. Kaplan, Was Democracy Just a Moment?, Atlantic Monthly, Dec. 1997, p. 55-80; F. Zakaria, The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad (New York: W. W. Norton, 2003).

от нас требует Писание. Это вовсе не новая форма веры и даже не новый подход к толкованию Писания, но просто капитуляция перед слишком человеческими вещами, которые в принципе не имеют никакого отношения к Богу. Религиозная умеренность есть продукт секулярного познания и неосведомленности относительно Писания — и потому мы не вправе, с религиозной точки зрения, ставить его на один уровень с фундаментализмом¹. Религиозные тексты однозначны и совершенны в каждой своей детали. В их свете религиозная умеренность предстает просто, как нежелание во всем подчиниться Божьему закону. И когда «умеренные» верующие отказываются жить по букве священного текста, терпимо относясь к тем, кто так поступает, они в равной мере предают и веру, и разум. Пока ключевые положения веры — например, что мы знаем о существовании Бога и знаем, чего он хочет от нас, — не ставятся под сомнение, религиозная умеренность не помогает нам выйти из тупика.

Благожелательность большинства «умеренных» верующих не мешает вере быть просто отчаянным союзом надежды и неведения и не предохраняет от опасности, которая нас подстерегает в тех случаях, когда мы ограничиваем рамки применения разума в наших отношениях с людьми. Религиозная умеренность с ее попыткой сохранить все то, что еще можно использовать в традиционных религиях, закрывает двери для более мудрого подхода к духовности, нравственности и созданию тесных связей между людьми. «Умеренные» верующие, похоже, считают, что нам не нужно радикально новое понимание этих вещей, но что здесь достаточно разбавленной водой философии железного века. Они не предлагают нам использовать все творческие способности, все силы ума, чтобы искать ответы на вопросы этики, солидарности людей или даже духовного опыта, но утверждают, что нам достаточно без излишней критики относиться к древним суевериям и табу, чтобы сохранить вероучение, которое досталось нам в наследство от людей, страдавших от своего незнания. В какой другой сфере жизни возможно такое раболепство перед традицией? В медицине? В технике? Сегодня даже политика свободна от тех анахронизмов, которые все еще доминируют в нас, когда мы размышляем об этике и духовности.

Вообразим себе, что мы могли бы воскресить образованного христианина XIV века. Мы бы увидели, что он ничего не понимает во всем, за исключением вопросов веры. Его представления о географии, астрономии и медицине поразили бы даже ребенка, но при этом он знал бы все, что нужно, о Боге. Если бы он сказал, что земля есть центр вселенной или что трепанация черепа² является разумной медицинской процедурой, его сочли бы дураком, но его религиозные представления сохранили бы свою безупречность. Этому можно, дать два объяснения: либо мы отточили до совершенства наши религиозные представления еще тысячу лет назад — тогда как наши познания в других сферах оставались крайне убогими, либо религия, которая хранит определенное вероучение, представляет собой особую область, в которой прогресс невозможен. Мы еще увидим, что второй вариант куда правдоподобнее первого.

Можем ли мы сказать, что религиозные представления с каждым днем обогащаются опытом людей? Если религия действительно связана с пониманием и отвечает на потребности человека, тогда ей должен быть присущ прогресс, ее доктрины должны становиться более, а не менее ценными для жизни. Прогресс в религии, как и во всех других сферах, должен был бы опираться на нынешние изыскания, а не на повторение доктрин прошлого. Любая истина здесь должна поддаваться проверке сегодня и ее описание не должно вступать в прямые противоречия со всем тем, что мы знаем о мире. Если рассматривать ее с этой точки зрения, мы увидим, что религия абсолютно неспособна продвигаться вперед. Она не справляется с изменениями в мире — культурными, технологическими и даже этическими. И это дает основания думать, что мы ее переживем.

¹ Bernard Lewis (The Revolt of Islam, New Yorker, Nov. 19, 2001, pp. 50—63; The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror, New York: Modern Library, 2003) указал на то, что термин «фундаменталист» был создан американскими протестантами и потому может порождать недоразумения, когда его прилагают к приверженцам иных религий. Тем не менее мне кажется, что этот термин уже стал универсальным и его можно приложить ко всем тем, кто буквально следует какому-либо религиозному тексту. Я использую этот термин исключительно в широком значении. О том, какое отношение он имеет к исламу, разговор пойдет в главе 4.

² Трепанация — это процедура, в процессе которой путем сверления в черепе делают отверстие. Археологические находки показывают, что это одна из древнейших хирургических операций. Предположительно, ее применяли для лечения эпилепсии и психических болезней путем изгнания демонов. Хотя эту операцию иногда применяют и сегодня, это никогда не делается с целью освободить человека от злого духа, который выйдет из хозяина через дырочку в голове.

«Умеренные» не желают никого убивать во имя Бога, однако они хотят, чтобы мы продолжали произносить слово «Бог» с таким видом, как будто мы понимаем, о чем идет речь. Кроме того, они не хотят, чтобы кто-то критиковал тех, кто **действительно** верит в Бога их отцов, потому что толерантность — священна (быть может, священнее всего остального). И если кто-то прямо и правдиво говорит о положении дел в нашем мире — скажем, о том, что и Библия, и Коран содержат целые горы тарабарщины, направленной на разрушение жизни, — он выступает против толерантности, как ее понимают «умеренные». Но сегодня соблюдение таких правил политкорректности слишком дорого нам обходится. Мы должны, наконец, понять, какую цену платим за поддержание вежливого неведения.

СВЯЩЕННЫЕ ТЕНИ ПРОШЛОГО

Оказавшись в мире, в котором действуют силы, пытающиеся разрушить жизнь, человек быстро понимает, что ему следует понять природу этих сил — как на личном уровне, так и на уровне общества. Вот почему люда жаждут реальных знаний об окружающем мире. И здесь религия всегда создает особую проблему, поскольку любая религия утверждает истины без доказательств. Хуже того: любая религия утверждает такие истины, для которых доказательств просто **не существует**. Это ставит препятствие на пути «прыжка веры» по Кьеркегору.

Что было бы, если бы все наши познания о мире внезапно исчезли? Представьте себе, что завтра утром шесть миллиардов людей просыпаются в полном неведении и замешательстве. У нас остались книги и компьютеры, но мы в них ничего не понимаем. Мы даже забыли, как водить машину или чистить зубы. Какого рода знание нам понадобилось бы в первую очередь? Разумеется, нам надо было бы понять, как выращивать еду и строить убежища. Нам нужно было бы снова учиться управлять нашими машинами и их ремонтировать. Не менее важным делом была бы способность понимать устную и письменную речь, поскольку без этого умения невозможно освоить большинство прочих. Было бы нам жизненно необходимо узнать, что Иисус родился от девы? Или что он воскрес? И откуда бы мы взяли эти истины, если только они в самом деле **истины**? Из Библии? Осмотрев наши книжные полки, мы нашли бы на них немало подобных жемчужин древности. Мы узнали бы о том «факте», что Исида, богиня плодородия, щеголяет парой коровьих рогов. Затем мы узнали бы, что Тор носит с собой молот, что священные животные Мардука — это лошади, собаки и дракон с раздвоенным языком. Кого же нам поставить на первое место в этом новом мире? Яхве или Шиву? И откуда мы узнаем, что сексуальные отношения до брака греховны? Или что прелюбодейку следует побить камнями? Или что душа попадает в зиготу в момент зачатия? И что бы мы подумали о чудных людях, которые начали бы доказывать, что одна из книг на нашей полке отличается ото всех остальных, потому что ее на самом деле написал Творец вселенной?

Несомненно, нам захочется снова понять некоторые духовные истины — после того как мы научимся добывать еду и шить себе одежду. И эти истины мы сегодня понимаем несовершенно. Как можно, скажем, преодолеть свои страхи и замкнутость и начать любить других? Допустим на минуту, такой процесс изменения реален и заслуживает того, чтобы попытаться его понять, другими словами, что существуют определенные умения, или дисциплина, или нужные концепции, или режим диеты, которые позволили бы оставить страх, ненависть или безразличное отношение к людям и научили бы их любить. Если это реальность, нам было бы крайне важно ее понять. И возможно, в этом нам бы даже помогло несколько библейских отрывков, но нам было бы совершенно излишним снова осваивать весь набор недоказуемых доктрин. Библия и Коран заняли бы на наших полках достойное место рядом с «Метаморфозами» Овидия и египетской «Книгой мертвых».

Суть же дела заключается в том, что сегодня нечто считается священным лишь по одной-единственной причине — потому что оно считалось священным вчера. И если бы мы начали заново воссоздавать наш мир, у нас не было бы никаких оснований строить жизнь, опираясь на недоказуемые утверждения древних книг (не говоря уже о том, что мы не стали бы умирать и убивать за эти утверждения). Но что мешает нам начать строить жизнь заново прямо сейчас?

Многие люди замечают, что религия, поскольку она придает смысл человеческой жизни, создает сплоченные сообщества (по крайней мере, из тех людей, кто разделяет одну веру). История прошлого показывает, что это правда, хотя мы видим, что религия порождает не только праздники и братскую любовь, но также войны и завоевания. Однако при этом в **современном** мире — в мире, который уже объединен, хотя бы потенциально, экономикой и политикой, заботой о среде и борьбой с эпидемиями, — религиозная идеология играет опасную роль тормоза развития. Не стоит считать прошлое священным просто потому, что оно **прошлое**, и мы хотим не только многое сохранить, но и от многого избавиться, чтобы эти вещи никогда больше не возвращались. Мы не хотим сохранять такие вещи, как божественный статус монарха, феодализм, касты, рабство, политические казни, насильственная кастрация, вивисекция, травля медведей, дуэли, пояса верности, испытание судом Божьим, детский труд, принесение в жертву людей и животных, побивание камнями еретиков, каннибализм, законы против гомосексуализма, запреты на использование контрацепции, опыты с радиацией на людях — этот список можно было бы продолжать до бесконечности, но, при этом, в нем сохранилось бы одно постоянное свойство: величина злоупотреблений, которые прямо связаны с религией, вероятно, оставалась бы столь же заметной.

Фактически почти каждая из перечисленных вещей связана с пренебрежительным отношением к доказательствам и фактам и с некритичной верой в ту или иную догму. Таким образом, идея о том, что религиозная вера (которую отличают и необычайно великие претензии, и отсутствие доказательств ее истинности) есть нечто **священное** в силу своей общепризнанности, слишком уродлива, чтобы относиться к ней с почтением. Вера столь смело злоупотребляет властью наших умов, что становится дикой культурной причудой извращенного свойства — претензией на запредельное, которое недоступно для человеческого разума. Когда ее снова и снова прививают каждому последующему поколению, она портит наше зрение, и мы перестаем замечать, что в сегодняшнем мире без нужды уступаем многие позиции пережиткам темного и варварского прошлого.

БРЕМЯ РАЯ

Наш мир не способен противостоять действиям людей, которые желают строить будущее рода человеческого на основе таких представлений, которые не выдержат критики со стороны учащегося младших классов. Многие из нас умирают из-за древних мифов, и это зловещая загадка, причем наша собственная привязанность к этим мифам — в их умеренном или экстремальном варианте — вынуждает нас молчать перед наступлением сил, которые в итоге разрушат нашу жизнь. Религия и сегодня стоит за многими жестокостями, как это было и раньше. Недавние конфликты в Палестине (иудеи против мусульман), на Балканах (православные сербы против католиков-хорватов; православные сербы против боснийских и албанских мусульман), в Северной Ирландии (протестанты против католиков), в Кашмире (мусульмане против индуистов), в Судане (мусульмане против христиан и анимистов), в Нигерии (мусульмане против христиан), в Эфиопии и Эритрее (мусульмане против христиан), на Шри-Ланке (сингальские буддисты против тамильских индуистов), в Индонезии (мусульмане против христиан Тимора) и на Кавказе (русские православные против чеченских мусульман; азербайджанские мусульмане против армянских христиан — католиков и православных) — вот лишь некоторые примеры сказанного. Во всех этих случаях религия была **явной** причиной смерти буквально миллионов людей на протяжении последнего десятилетия. Эти события, подобные лабораторным экспериментам по исследованию психологии насилия должны нас насторожить. Возьмите людей с различными представлениями о жизни после смерти, недоказуемыми и такими, которые невозможно согласовать одни с другими, поселите их вместе в условиях ограниченных ресурсов — и получится то же самое: убийства и горящие дома. История учит нас, по крайней мере, одной абсолютной истине: когда люди принимают что-либо на веру без доказательств, это открывает их самую худшую сторону. Как только в этой картине появится еще один элемент — оружие массового поражения, — это уже станет началом конца цивилизации.

Что мы можем сказать о потенциальном ядерном конфликте между Индией и Пакистаном, если считаем, что следует «уважать» религиозные представления обеих сторон? Сторонники религиозного плюрализма молчат о религии и могут только критиковать неудачную дипломатию, тогда как на самом деле в основе этого конфликта лежит иррациональная привязанность к мифам. В процессе разделения Индии и Пакистана

более миллиона человек погибли в результате вспышки религиозной вражды. Затем эти страны провели три официальные войны, на их границе никогда не останавливается кровопролитие, а теперь они намерены истребить одна другую с помощью ядерного оружия из-за спора о «фактах», которые столь же причудливы, как и сведения об именах оленей, на которых разъезжает Санта-Клаус. Причем люди просто готовы отдать свою жизнь за верность утверждениям, у которых нет доказательств. Поверхностному наблюдателю может показаться, что это конфликт из-за территории, однако претензии обеих сторон на Кашмир — это прямое следствие их религиозных убеждений. На самом деле Индия и Пакистан стали двумя отдельными странами лишь по той причине, что веру ислама невозможно примирить с верой индуизма. С точки зрения мусульман, некоторые благочестивые индуисты неизбежно оскорбляют Аллаха каждое утро. «Территория», за которую сражаются две эти страны, на самом деле находится за пределами нашего мира. Когда же мы, наконец, поймем, что сделали слишком большую уступку вере на поле политического дискурса и теперь не можем даже обсуждать (не говоря уже о том, чтобы искоренять) самую главную причину насилия в истории человечества?

Матерей протыкали мечами на глазах у их детей. Молодых женщин раздевали и насиловали среди бела дня, а затем поджигали. Живот беременной женщины рассекли, из него вынули плод, подняли на мече и швырнули в огонь — в этот день горел весь город¹.

Это не средневековая хроника и не легенда Средиземья. Это происходит в **нашем** мире. Причем эти жестокости связаны не с экономикой, не с политикой и не с расовыми конфликтами. Это столкновение индуистов с мусульманами Индии зимой 2002 года. Этих людей отличало друг от друга лишь одно: их представления о Боге. Около тысячи людей погибло за один месяц подобных погромов — это примерно половина от числа погибших в палестино-израильском конфликте за десятилетие. Но это еще малое количество жертв по сравнению с возможным. Похоже, ядерная война между Индией и Пакистаном практически неизбежна, и это объясняется представлениями большинства индийцев и пакистанцев о загробной жизни. Арундати Рой сказала, что беспокойство Запада относительно этого конфликта просто отражает империализм белых, которые считают, что «черным нельзя давать в руки бомбу»². Это явное преувеличение. Можно спорить о том, кому именно можно «давать в руки» ядерную бомбу, но нельзя закрывать глаза на то, какую разрушительную роль в этом конфликте играет религия — это было бы и неразумно, и нечестно. Мы можем надеяться лишь на то, что силы секуляризма и разума в течение какого-то срока не дадут ракетам покинуть стартовые шахты, а за это время можно будет что-то сделать с более глубокими причинами этого конфликта.

Я не хочу сказать, что учение ислама выделяется на фоне остальных религий склонностью к насилию, однако всем очевидно, что на данном этапе истории ислам представляет особую опасность для всех нас, как мусульман, так и немусульман. Несомненно, многие мусульмане обладают трезвым разумом и терпимо относятся к чужим взглядам. Однако, как мы увидим, эти добродетели нашей эпохи, вероятнее всего, породила вовсе не вера. В главе 4 я намерен показать, что человек, послушный учению ислама — то есть тот, кто действительно в него верит, — представляет проблему для всех нас. Становится очевидным, что опасные тенденции мусульманской веры присущи отнюдь не только исламским «экстремистам». Реакция мусульманского мира на события 11 сентября 2001 года недвусмысленно показала, что значительное количество людей в XXI в. верит в мученичество. В ответ мы объявили войну с «терроризмом». Это все равно, что объявлять войну с «убийством», это путаница в категориях, которая скрывает от нас истинные причины проблемы. Терроризм не источник насилия, но просто одна из форм его проявления. Если бы Усама бен Ладен стоял во главе государства и направил ракеты на Всемирный торговый центр, трагедия 11 сентября была бы военным действием. И в этом случае мы, несомненно, не стали бы в ответ объявлять войну с «войной».

¹ C. W. Dugger, Religious Riots Loom over Indian Politics, New York Times, July 27, 2002. См. Также: P. Mishra, The Other Face of Fanaticism, New York Times Magazine, Feb. 2, 2003, p. 42—46.

² A. Roy, War Talk (Cambridge, Mass.: South End Press, 2003), 1.

Чтобы понять, что проблема кроется не в «терроризме», но в самом исламе, нам достаточно задать себе один только вопрос: **почему** исламские террористы так поступают? Почему такой человек, как Усама бен Ладен, у которого явно нет ни психологических нарушений, ни серьезных поводов **для** мести — он не беден, получил достаточно хорошее образование, не страдал бредом, не был жертвой агрессии со стороны Запада, — засел в пещере, где он разрабатывал планы убийства множества людей, мужчин, женщин и детей, которых он никогда не видел? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден — сам бен Ладен только и делал, что снова и снова повторял этот ответ. Дело в том, что люди, подобные бен Ладену, **действительно** верят в то, что провозглашают. Они буквально верят словам Корана. Почему девятнадцать образованных мужчин, представителей среднего класса, отказались от возможности продолжать жить, ради того чтобы убить тысячи наших ближних? Потому что они верили, что после смерти сразу попадут в рай. Редко мы найдем где-либо подобное объяснение человеческих поступков, отличающееся полнотой и дающее ответы на все вопросы. Почему же мы медлим принять это объяснение?

Как мы уже видели, большинство американцев разделяют с Усамой бен Ладеном, с девятнадцатью смертниками и со многими мусульманами ряд определенных представлений. Мы также думаем, что некоторые фантастические утверждения следует принимать без доказательств. И такие героические акты веры не просто допустимы, но и ценны — и даже **необходимы**. Эта проблема куда важнее и куда глубже, чем проблема распространения возбудителя сибирской язвы по почте. Мы сделали уступку религии, согласившись, что вера оправдана без **доказательств** ее истинности, и в результате потеряли способность открыто указать на самый распространенный источник конфликтов в нашем мире (и уж тем более лишили себя способности что-либо с этим делать).

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Важно понять, в каком смысле исламские «экстремисты» несут в себе экстремизм. Это экстремизм веры. Это экстремистская верность буквальному пониманию Корана и Хадисов (текстов, содержащих высказывания и деяния Пророка), которая порождает экстремистскую позицию, так что они считают современность и светскую культуру чем-то несовместимым с нравственным и духовным здоровьем. Исламские экстремисты уверены в том, что западная культура отводит их жен и детей от Бога. Они также считают наше неверие настолько серьезным грехом, что оно заслуживает смерти в тех случаях, когда становится препятствием на пути распространения ислама. Эта всепоглощающая страсть не сводится к «ненависти» в обычном смысле слова. Большинство исламских экстремистов никогда не были в Америке и даже не встречались ни с одним американцем. И у них меньше поводов обижаться на западный империализм, чем у многих других народов мира¹. Прежде всего, они как бы боятся заразиться от чужих. Кроме того, как многие отмечают, им свойственно чувство «униженности» — их унижает то, что исламская цивилизация отстает от безбожных людей, склонных ко греху, которые овладевают всем, к чему они ни прикоснутся. Это чувство также порождено верой. Это не просто возмущение бедных, которых лишили жизненно необходимых вещей. Это ярость избранного народа, который покоряют варвары. Усаме бен Ладену ничего не нужно? Чего, собственно, он желал? Он никогда не призывал к справедливому распределению богатства на земном шаре. И даже его призыв к созданию палестинского государства был

¹ См. Lewis, *Crisis of Islam*, 57—58. Автор отмечает, что мы натворили куда больше бед в Центральной Америке, Юго-Восточной Азии и южной части Африки. Жизнь в странах, которые пережили оккупацию (таких, как Египет), во многом лучше, чем в странах (таких, как Саудовская Аравия), не переживших вторжения иностранных сил. Возьмем для примера Саудовскую Аравию. Несмотря на ее богатство (которое объясняется природной случайностью), эта страна намного отстает от своих соседей. Здесь, при населении в 21 миллион человек, существует лишь восемь университетов. Саудовская Аравия отменила рабство лишь в 1962 году. P. Berman, *Terror and Liberalism* (New York: W. W. Norton, 2003), 16, также указывает на то, что в большинстве конфликтов последних лет Запад стоял на стороне различных мусульманских групп: первая Война в Заливе велась для защиты Кувейта и Саудовской Аравии, а затем военно-воздушные силы в течение десятилетия стояли на защите иракских курдов на севере и иракских шиитов на юге; вторжение в Сомали должно было облегчить последствия наступившего здесь голода; на Балканах мы защищали жителей Боснии и Косово от мародерства сербских христиан. Сюда же относится и поддержка моджахедов в Афганистане в прошлом. По словам Бермана, «ни одна страна на протяжении последних лет не защищала с таким упорством и постоянством мусульманское население, как это делали Соединенные Штаты». Это действительно так. Тем не менее мусульмане в силу своего мировоззрения ставят и это (если вообще замечают данные факты) нам в вину и видят в этом еще одно из «унижений» для себя.

придуман после и отражал не только его солидарность с палестинцами, но и его антисемитизм (надо ли говорить, что и эта солидарность, и антисемитизм — также порождение его веры?). Похоже, его куда сильнее беспокоило присутствие неверных (американских войск и евреев) на святой земле мусульман и воображаемые территориальные притязания сионистов. Все эти претензии основаны только на богословских взглядах. Всем было бы куда проще, если бы Усама бен Ладен просто испытывал к нам ненависть.

Разумеется, всем людям свойственно испытывать ненависть, и, несомненно, многие исламские экстремисты испытывают это чувство. Однако и здесь матерью ненависти является вера, как и во всех других случаях, когда нравственную позицию определяют религиозные убеждения. Мусульман отличает от немусульман лишь то, что последние не исповедуют веру в Аллаха и в Мохаммеда как его пророка. Ислам — миссионерская религия, в нем не существует какой-либо доктрины расизма или хотя бы национализма, которая бы вдохновляла мусульманский мир на войну. Разумеется, мусульмане могут быть расистами и националистами, но можно почти с полной уверенностью сказать, что если бы на Западе произошло массовое обращение в ислам и он бы отказался защищать интересы евреев на Святой земле, у мусульман исчезли бы все основания для их «ненависти»¹.

Большинство мусульман, совершающих террористические акты, прямо говорят о том, что желают попасть в рай. Палестинец Зайдан, потенциальный смертник, которому не удалось совершить теракт, говорил, что на это действие его «подвигла любовь к мученичеству». «Я не намеревался никому мстить, — говорил он. — Я просто желал стать мучеником». Зайдан признал, что его израильские тюремщики были «лучше многих, многих арабов». Когда его спросили, думал ли он о том, какие страдания его смерть принесет близким, он ответил, что мученик получает право взять с собой в рай семьдесят людей, которых он сам выберет. Разумеется, он собирался взять туда своих родных².

Как мы уже отмечали, верующие склонны утверждать, что подобные акты насилия порождает не вера, но испорченная природа человека. Однако мне трудно поверить в то, что обычные люди были бы способны сжечь добродушного старого ученого за богохульное действие против Корана³ или праздновать насильственную смерть своих детей, если бы они не верили в некоторые фантастические идеи о природе вселенной. Поскольку в большинстве религий не существует работоспособного механизма для оценки и пересмотра ее ключевых положений, каждое новое поколение верующих обречено нести на себе груз предрассудков и племенной ненависти своих предков. Если мы хотим понять испорченность человеческой природы, то в первую очередь нам следует рассмотреть нашу готовность жить, убивать и умирать ради идей, истинность которых невозможно доказать.

Большинство людей, занимающих ответственные позиции в нашей стране, скажут, что между исламом и «терроризмом» не существует прямой связи. Тем не менее, очевидно, что ненависть мусульман к Западу продиктована именно их верой и что Коран одобряет такую ненависть. Как правило, «умеренные» мусульмане утверждают, что Коран не поддерживает подобные вещи и что ислам — это «мирная религия». Но достаточно открыть Коран, чтобы усомниться в справедливости этих утверждений:

О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище — геенна, и скверно это возвращение! (Коран 9:73)

*О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость. И знайте, что Аллах — с богобоязненными! (Коран 9:123)*⁴

¹ Конечно, сунниты и в этом случае продолжали бы ненавидеть шиитов, но это было бы также проявлением их веры.

² J. Bennet, In Israeli Hospital, Bomber Tells of Trying to Kill Israelis, New York Times, June 8, 2002.

³ В 1994 году в деревне на юге от Исламабада полиция обвинила ученого в сожжении Корана. За подобный акт богохульства здесь полагается смертная казнь. Не дожидаясь судебного процесса, разъяренная толпа вытащила обвиняемого из полицейского участка, облила керосином и сожгла живьем. J. A. Naught, Holy Hatred: Religious Conflicts of the 90th (Amherst, Mass.: Prometheus Books, 1995), 179.

⁴ Здесь и далее, если не оговорено особо, цитаты из Корана приводятся в переводе И. Ю. Крачковского. — Прим. пер.

Верные мусульмане неизбежно с подозрением относятся к культуре. Светская культура воспринимается ими как культура неверных, наша религиозная культура — как продукт неполноценного откровения (христианского и иудейского), во всем стоящего ниже, чем откровение в исламе. И тот факт, что Запад в настоящее время куда богаче и могущественнее, чем любая мусульманская страна, верные последователи ислама воспринимают как козни дьявола, и такая ситуация всегда представляет собой повод для объявления джихада. Если человек считает себя мусульманином, — то есть считает ислам единственным верным путем к Богу, который ясно указан в Коране, — он будет испытывать презрение по отношению к любому другому человеку, сомневающемуся в истинности его веры. Хуже того, он будет чувствовать, что вечное блаженство его детей оказывается под угрозой просто из-за того, что неверующие живут в нашем мире. И если такие верующие получают власть создавать условия жизни для себя и своих детей, потенциал насилия, содержащийся в вере, вовсе не ослабеет. Вот почему экономические достижения и образование сами по себе недостаточно эффективны для предотвращения насилия на почве религии. Существует немало фундаменталистов, получивших хорошее образование и принадлежащих к среднему классу, которые готовы совершать убийства и пойти на смерть за дело Бога. По наблюдениям Сэмюэля Хантингтона¹, с которым согласны и другие авторы, религиозный фундаментализм в развивающихся странах, по сути, не является движением бедных и необразованных слоев населения.

Чтобы лучше понять, как ислам связан с насилием, достаточно задать себе вопрос о том, почему сегодня столь многие мусульмане выражают готовность стать живыми бомбами. Ответ прост: потому что с точки зрения Корана это нечто вроде великой возможности сделать карьеру. История западного колониализма никак не объясняет этого поведения (хотя нам стоит признать, что в этой истории Запад часто поступал несправедливо). Устраните из картины веру мусульман в мученичество и джихад — и поведение террористов-смертников станет совершенно необъяснимым, как и открытое ликование публики, которое всегда следует за их смертью; если же принять во внимание эти представления, остается только удивляться, почему взрывы раздаются не так часто. И тот, кто говорит, что учение ислама «никак не связано с терроризмом» — это часто повторяют представители авиакомпаний, занимающиеся апологией ислама, — тот просто развлекается словесными играми.

Не равняются сидящие из верующих, не испытывающие вреда, и усердствующие на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Дал Аллах преимущество усердствующим своим имуществом и своими душами перед сидящими на степень. Всем обещал Аллах благо, а усердствующим Аллах дал преимущество перед сидящим в великой награде... Кто выходит из своего дома, высясь к Аллаху и Его посланнику, потом его постигнет смерть, — награда его падает на Аллаха... Поистине, неверующие — для вас явный враг! (Коран 4:95-101)

Люди, которые откровенно жонглируют отдельными положениями веры, постоянно говорят нам: «Ислам — это мирная религия. В конце концов, само слово «ислам» означает «мир». Кроме того, Коран запрещает самоубийство. Поэтому эта священная книга не содержит никакого оправдания для действий террористов». Чтобы поддержать эту словесную игру, мы могли бы добавить, что в Коране мы также нигде не найдем выражения «грязная бомба». Да, в Коране есть слова, в которых можно увидеть запрет на самоубийство: «И не убивайте самих себя» (4:29) — но он оставляет множество обходных путей, причем таких больших, что в них может пролететь Боинг 767:

Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду... Те, которые уверовали, сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны... Скажи: «Пользование здешней жизнью — недолго, а последняя жизнь — лучше для того, кто боялся»... (Коран 4:74-78)

¹ S. P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster, 1996).

Читая этот призыв к мученичеству, следует помнить о том, что ислам не делает различий между религиозной и гражданской властью¹, и тогда мы яснее увидим два ужасных следствия буквального понимания Корана. Во-первых, на государственном уровне Бог откровенно оправдывает притязания мусульман на мировое господство; во-вторых, на личном уровне вера в славную судьбу мучеников дает основание для самопожертвования ради достижения этой цели. По замечанию Бернарда Льюиса, со времен Пророка ислам «в сознании и воспоминаниях мусульман прочно ассоциировался с использованием политической власти и военной силы». Особенно зловещую роль на фоне толерантности и религиозного многообразия здесь играют представления ислама о загробной жизни, поскольку мученичество понимается как единственный способ избежать мучительного судебного процесса, который ожидает каждого человека в День Суда, и отправиться напрямиком в рай. Мученику не нужно столетиями лежать в земле в ожидании воскресения и последующего допроса перед лицом грозных ангелов, он немедленно попадает в Сад Аллаха, где его поджидает толпа «чернооких» девственниц.

Поскольку люди верят, что священные тексты содержат дословную запись слов Бога, такие книги, как Коран и Библия, становятся источником всевозможных толкований, о которых верующие могут спорить, — и процесс интерпретации, когда читатели что-то подчеркивают, а что-то игнорируют, постоянно происходит среди верующих людей всего мира. Проблема заключается не в том, что некоторые мусульмане оставляют без внимания некоторые призывы к отказу от агрессии, содержащиеся в Коране, и потому делают ужасные вещи, уносящие невинные жизни неверующих; проблема в том, что большинство мусульман воспринимает Коран как точно переданные слова Бога. Усама бен Ладен не переменял бы своих взглядов, если бы ему указали на единственный стих в Коране, запрещающий самоубийство, потому что, кроме этого неоднозначного утверждения, в книге есть и другие места с прямым призывом к войне против «друзей сатаны». Мы могли бы дать должный ответ всем бен Ладенам нашего мира только одним путем: эти тексты воспринимались бы всеми иначе, если бы люди прилагали к религиозным представлениям тот же критерий доказанности, какой мы прилагаем к любому другому предмету. Если не наступит такое время, когда люди будут готовы признаться хотя бы в том, что они не могут точно сказать, написал ли Бог такую-то священную книгу, нам остается только ожидать дней Армагеддона — поскольку Бог дал нам куда больше оснований для того, чтобы убивать друг друга, чем для того, чтобы подставлять другую щеку.

Мы живем в мире, где от простых слов, таких, как «Иисус», «Аллах» или «Рама», зависит судьба человека: ждут ли его вечные муки или вечное блаженство. На карту поставлено слишком много, так что не приходится удивляться тому, что кто-то из нас периодически чувствует необходимость убивать тех, кто использует неправильные волшебные слова или дурно использует правильные. Откуда же люди знают, что вселенная устроена именно так? Потому что так сказано в священной книге. А откуда мы знаем, что священные книги не содержат ошибок? Потому что *сами* эти книги утверждают, что это так. Это эпистемологическая черная дыра, которая поглощает свет нашего мира.

Конечно, в священных книгах мы найдем немало мудрых, утешительных и прекрасных слов. Однако мудрые, утешительные и прекрасные слова есть и у Шекспира, Вергилия или Гомера, однако их книги никого еще не вдохновили на массовые убийства, Вера в то, что такая-то книга была написана Богом (который по таинственным причинам наделил Шекспира более великим писательским талантом, чем самого себя), делает для нас недоступным самый мощный источник человеческих конфликтов прошлого и настоящего². Почему же этот абсурд не приводит нас постоянно в ужас? Мы могли бы с уверенностью

¹ Как это отмечают многие комментаторы, в Коране не существует эквивалента новозаветному принципу: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу» (Мф 22:21). Вследствие этого в исламе нет основы для отделения власти церкви от власти государства. И это, несомненно, представляет собой проблему.

² Просто попробуйте себе представить, что печатали бы в газетах, если бы не было конфликтов между Израилем и палестинцами, Индией и Пакистаном, Россией и Чечней, вооруженными группами мусульман и Западом и т. д. Оставались бы проблемы между Западом и такими странами, как Китай или Северная Корея, — но и эти конфликты во многом объясняются не критичным принятием на веру определенных доктрин. Хотя наши разногласия, скажем, с Северной Кореей напрямую не связаны с религией, это прямое следствие влияния на умы корейцев нездоровой политической идеологии, их подобоострастного поклонения своим вождям и полного неведения о жизни в окружающем мире. Теперь они подобны приверженцам культа «карго», вооружившимся ядерной бомбой, Если бы 29 миллионов обитателей Северной Кореи понимали, что они представляют собой уникальную по своему безумию страну, они бы вели себя иначе. Проблемы Северной Кореи — это прежде всего проблема ни на чем

сказать, что множество людей никак не может верить в такие странные вещи, — однако люди **действительно** в них верят. Представьте себе мир, в котором бы целое поколение людей верило в то, что некоторые **фильмы** были созданы Богом или что он был автором каких-то компьютерных программ. Представьте себе будущее, в котором бы наши потомки убивали друг друга за неверное понимание «Звездных войн» или разногласия по поводу операционной системы Windows 98. Разве это был бы не полный предел абсурда? И, однако, мир, в котором мы живем, страдает от точно такого же абсурда.

СМЕРТЬ: КЛАДЕЗЬ ИЛЛЮЗИЙ

Мы живем в мире, где все вещи, как хорошие, так и плохие, в итоге исчезают из-за постоянных перемен. Похоже, мир нас питает только для того, чтобы на досуге нас поглотить. Родители теряют детей, дети теряют родителей. Супружеские пары мгновенно распадаются, и бывшие муж с женой уже никогда не видят друг друга. Друзья покидают свою компанию, не зная, что они туда уже никогда не вернуться. Эта жизнь, если окинуть ее взглядом с достаточного расстояния, похожа на драму, где постоянно совершаются потери.

Но, похоже, существует выход из этой трагичной ситуации. Если мы будем жить правильно — не обязательно в нравственном смысле, но просто в системе древних представлений и предписаний относительно поведения, — мы получим все то, чего хотим, **после** смерти. Когда наши тела откажутся нам служить, мы страхнем с себя этот материальный груз и отправимся в иную страну, где нас ждет встреча со всеми теми, кого мы любили при жизни. Разумеется, люди, которые слишком полагались на свой разум, и всякий сброд не попадут в это прекрасное место, но те, кто хранил свою веру при жизни, смогут блаженствовать здесь вечно.

Мы живем в мире, где нас окружает масса поразительных вещей — от термоядерной энергии, которая зажигает солнце, до генетических и эволюционных последствий того, что этот свет на протяжении миллиардов лет изливался на землю, — и, тем не менее, рай соответствует нашим неглубоким чаяниям, как мечта о путешествии на Карибские острова. Это совершенно удивительно. Если бы у нас уже не было на этот счет заранее заготовленных представлений, мы могли бы предположить, что человек, одержимый боязнью потерять тех, кого он любит, сотворил небеса вместе с Богом, который охраняет их врата, по своему образу и подобию.

Представьте себе, что вы пришли к врачу для обычного осмотра, и он сообщает вам кошмарную новость: вы подцепили вирус, который в 100 процентах случаев убивает зараженных. Этот вирус быстро мутирует, так что предсказать течение болезни невозможно. Он может никак себя не проявлять долгие годы или даже десятилетия, а может убить вас за один час. Он может вызвать сердечный приступ, инсульт, всевозможные формы рака, слабоумие или даже самоубийство; никто не может сказать, чем кончится это заболевание. Вам не помогут никакие меры — ни диета, ни здоровый образ жизни, ни даже постельный режим. Даже если вы посвятите всю свою жизнь исключительно наблюдению над развитием болезни, вирус убьет вас, потому что излечению он не поддается, а ваше тело уже начало разрушаться.

Несомненно, для большинства людей это было бы кошмарной новостью — только разве это **новость** на самом деле? Разве мы и без того не знаем, что обречены умереть? Разве сама жизнь не несет в себе все свойства этого гипотетического вируса?

Вы можете умереть в любой момент. Вы можете даже не успеть дочитать этот абзац. И это еще не все. Вы непременно умрете в какой-то момент в будущем. Если подготовка к смерти означает, что вы знаете, когда и где это произойдет, то, вероятнее всего, вам не удастся к ней подготовиться. Вы обречены умереть и покинуть этот мир. Более того, это произойдет столь стремительно, что вещи, которые сегодня для вас что-то значат — взаимоотношения, планы на будущее, хобби, ваше имущество, — покажутся вам никчемными. Когда мы воображением помещаем эти вещи в неопределенное будущее, они кажутся важным приобретением, но смерть показывает, что это вовсе не так. Когда невидимая рука остановит течение этой жизни, в итоге окажется, что человек ничего не приобрел.

Кроме этой достаточно ужасной вещи, большинство из нас уже сейчас тихо мучаются беспокойством, если мы не откровенно несчастны, из-за наших неврозов. Мы любим своих родных и друзей и отчаянно боимся их потерять, и все равно не способны просто любить их, пока наши жизни пересекаются. В конце концов, мы поглощены заботой о себе. Фрейд и его последователи неустанно напоминают нам об одной истине: каждого из нас раздирают и тащат в разные стороны два противоположных желания — мы хотим смешаться с миром и исчезнуть и одновременно хотим удалиться в цитадель нашей самостоятельности и уникальности. Оба эти желания, если они чрезмерны, порождают несчастье. Нас пугает наше собственное ничтожество, и многие наши дела скрывают за собой прозрачную попытку отогнать от себя этот страх. Мы пытаемся не думать об этом, но точно знаем о своей жизни лишь одну вещь: что однажды мы умрем и все покинем, а в то же время странным образом мы почти неспособны поверить, что это так. Наше чувство реальности как будто не включает нашу смерть в общую картину. Мы испытываем сомнения именно там, где совершенно нет места для сомнений.

Представления человека о том, что его ждет после смерти, во многом определяют его представления о жизни. Именно поэтому религии, которые заполняют пробелы в наших представлениях о потустороннем, снимают тяжесть с тех, кто подпадает под их власть. Достаточно принять на веру одно простое утверждение: «ты не умрешь», — и это коренным образом меняет отношение к жизни.

Представьте себе, что ваш единственный ребенок внезапно умер от пневмонии. Ваша реакция на это событие во многом зависит от ваших представлений о том, что ожидает человека после смерти. Если вы говорите себе: «Он был ангелочком Бога, и Бог быстро забрал его к себе, потому что хотел, чтобы он был рядом с Иисусом. Он будет ждать встречи с нами на небесах», — это, несомненно, дает вам великое утешение. А если вы последователь Христианской науки и обязаны избегать любых медицинских процедур, вы можете даже думать, что сотрудничали с Богом, когда отказывались давать ребенку антибиотики.

Или представьте себе, что вы услышали такую новость: между Израилем и соседними странами началась ядерная война за обладание Храмовой горой. Если вы принадлежите к христианам, которые верят в тысячелетнее царство, вы увидите в этом знак скорого возвращения Христа на землю. Даже сведения о количестве погибших не помешают вам думать, что это хорошее известие. Представления человека о загробной жизни прямо влияют на его отношение к событиям в мире, в этом не стоит сомневаться.

Разумеется, «умеренные» верующие не станут утверждать, что точно знают все о загробной участи людей. Это разумный подход, если учитывать недостаток доказательств в этой сфере. Тем не менее «умеренные» все равно отказываются от критичного отношения к неразумной (и опасной) уверенности других людей. Вследствие того, что данный предмет окружен молчанием, мы живем в такой стране, где человек не может стать президентом, если он публично выражает сомнения в существовании рая и ада. Это еще удивительнее потому, что мы не требуем от политических вождей компетентности в какой-либо еще области «знания». Даже парикмахер в США не может приступить к своей работе, если не сдаст экзамен и не получит лицензии, но люди, которым вручают власть объявлять войны и определять политику страны — те, чьи решения влияют на судьбы людей на протяжении нескольких поколений, — не обязаны обладать каким-то необходимым набором знаний на момент своего избрания на пост. Мы не требуем от президента, чтобы он разбирался в политических науках, в экономике или даже в законах, ему не нужно изучать международные отношения, военную историю, управление ресурсами, гражданское строительство или еще какой-то предмет, который нужен для управления нынешней сверхдержавой. Ему достаточно умения собирать средства, уверенно держаться перед телекамерой и снисходительно относиться к некоторым мифам. На следующих президентских выборах актер, который любит читать Библию, несомненно, оставит далеко позади себя специалиста по ракетам, который Библию не открывает. Это красноречиво свидетельствует о том, что мы позволяем управлять всеми нашими делами не самым разумным людям, которые интересуются потусторонним миром.

Если бы не смерть, религии начисто утратили бы свое влияние. Мы не в силах принять тот факт, что мы умрем, и вера, несомненно, дает нам тень надежды на лучшую жизнь за гробом.

МИР ЗА РАМКАМИ РАЗУМА

Как покажет последняя глава данной книги, существует ряд переживаний человека, которые уместно было бы назвать «духовными» или «мистическими» — это переживания полноты смысла и чувств и забвения о себе, которые выходят за рамки идентичности нашего узкого Я и не поддаются пониманию в свете того, что на сегодняшний день мы знаем о психике и работе мозга. Но все эти феномены никоим образом не позволяют нам утверждать, что какой-либо текст следует признать священным. У нас нет причин думать, что способность поддерживать свою эмоциональную и духовную жизнь не может развиваться наряду с развитием техники, политических наук и культуры. Более того: эту способность необходимо развивать, если мы только надеемся на какое-то будущее.

Основу духовности человека, несомненно, составляет то, что спектр возможных переживаний превышает обычные рамки нашего сознания. И некоторые переживания действительно могут поменять наше восприятие мира. Каждая духовная традиция строится на одной великой догадке: то, как мы используем наше внимание в каждый конкретный момент, во многом определяет качество нашей жизни. Многие духовные практики порождают подлинно ценные результаты, и нам следует стремиться к их достижению. Важно заметить, что эти изменения касаются не только эмоций, но они одновременно меняют наше мышление и концепции. Человек способен открыть для себя какую-то закономерность в сфере математики или биологии, подобным образом он может лучше понять саму природу своего сознания. Существует множество самых разных техник, от медитации до использования психоделических средств, которые позволяют исследовать границы и пластичность наших переживаний. Люди, посвятившие себя созерцанию, на протяжении тысячелетий знали, что любой человек способен освободиться от ощущения своего Я и тем самым освободиться от чувства, что он представляет собой нечто отделенное от всей вселенной. Этот феномен, о котором говорили и писали приверженцы самых разных духовных традиций, подтверждают многочисленные свидетельства — ученых, исследующих мозг, философов и практиков, занимающихся интроспекцией. За неимением лучших терминов можно назвать эти переживания «духовными» или «мистическими». Они встречаются относительно редко (к сожалению), обладают глубоким смыслом (они действительно открывают важные вещи о мире) и способны менять человека. Они также показывают, что мы гораздо теснее связаны со вселенной, чем мы предполагаем, находясь в привычных рамках сознания. Несомненно, переживания такого рода обладают ценностью, хотя расхожие религиозные представления, окружающие эти переживания, особенно в западном мире, опасны и иллюзорны. Подлинно разумный подход к этому измерению жизни позволил бы нам с открытым умом исследовать рамки нашего сознания, отбросив закрытость и догматизм наших религиозных традиций ради свободного и серьезного изучения.

Похоже, существуют также различные факты, подтверждающие реальность парапсихологических феноменов, которые представители науки в целом склонны игнорировать¹. Конечно, здесь крайне уместно вспомнить изречение «чрезвычайные события требуют чрезвычайных доказательств», тем не менее, вселенная куда более удивительна, чем многие из нас думают. Нам важно понять, что здоровый научный скептицизм можно совмещать с открытостью ума.

С точки зрения науки о нервной системе, заявления мистиков выглядят крайне остроумными. Ни один человек никогда не соприкасался своими переживаниями с объективным миром или даже вообще с **миром** напрямую. В данный момент вы воспринимаете зрительные образы. Мир, который вы видите и слышите, представляет собой просто модификацию вашего сознания, материальная природа которого до сих пор остается загадкой. Ваша нервная система разделяет единый шум вселенной и подает его нам по нескольким каналам: через зрение, звук, запах, вкус и осязание, а также через менее популярные системы

¹ См., например: D. Radin, *The Conscious Universe: The Scientific Truth of Psychic Phenomena* (New York: HarperCollins, 1997), R. Sheldrake, *The Sense of Being Stared At: And Other Aspects of the Extended Mind* (New York: Crown, 2003), and R. S. Bobrow, *Paranormal Phenomena in the Medical Literature Sufficient Smoke to Warrant a Search for Fire, Medical Hypotheses* 60 (2003): 864—68. Похоже, попадают также правдоподобные свидетельства о феномене реинкарнации. См.: I. Stevenson, *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation* (Charlottesville: Univ. Press of Virginia, 1974), *Unlearned Language: New Studies in Xenoglossy* (Charlottesville: Univ. Press of Virginia, 1984), and *Where Reincarnation and Biology Intersect* (Westport, Conn.: Praeger, 1997).

восприятия, такие, как проприоцепция, кинестезия, энтероцепция или даже эхолокация¹. Зрительные образы, звуки и вибрации, которые вы сейчас воспринимаете, подобны разным оттенкам света, пропущенного через призму мозга. Наше восприятие мира на самом деле подобно сну. И когда мы бодрствуем, и когда спим, наш мозг осуществляет, по сути, одну и ту же деятельность, просто во время сна его не так сильно ограничивает сенсорная информация или необходимость проверять факты, чем, похоже, занимается участок мозга в лобных долях. Разумеется, мы не вправе сказать, что сенсорные стимулы не имеют никакого отношения к реальности в целом, тем не менее, то, что воспринимает наше сознание, — это продукт нервной системы, которая по-своему организует, редактирует или выделяет переданную информацию. Это ставит перед нами некоторые философские вопросы о природе познания, а также указывает на ценную возможность сознательно менять характер наших переживаний.

На один нейрон, который получает импульсы из внешнего мира, приходится от десяти до ста нейронов, которые его не получают. Таким образом, наш мозг в основном «беседует» сам с собой, и никакая информация из внешнего мира (за исключением запахов) не передается непосредственно от рецептора коре, где, похоже, переживание может стать осознанным. Обычно между рецептором и корой есть один или два посредника — синапсы, — которые позволяют участвующим в передаче нейронам получать обратную связь, то есть интегрировать эту информацию с той, что поступает из иных участков мозга. Этот процесс интеграции, или смешения, сигналов объясняет нам, почему характер нашего восприятия может радикальным образом меняться под действием определенных веществ, эмоциональных состояний или даже новых концепций. Ваш мозг настроен таким образом, чтобы воспроизводить вашу привычную картину мира. Большинство духовных традиций справедливо утверждают, что мозг можно настроить иным образом.

Конечно, все мы знаем, что иногда люди испытывают переживания, которые носят явно психотический характер. Существует немало разных видов перестройки сознания, когда человек начинает по-новому интерпретировать сенсорные данные и когда ему кажется, что он верно понимает мир. Не все видения равноценны, не говоря уже о тех представлениях о мире, которые они порождают. Как и во всех прочих вещах, здесь некоторые отличия далеко не безразличны, тем не менее, эти отличия можно исследовать при помощи разума.

Как мы увидим, между духовностью, нравственностью и положительными эмоциями существует тесная связь. Научный подход к этим предметам пока еще только зарождается, но, возможно, тот факт, что большинство из нас предпочитает любовь страху или воспринимает жестокость как нечто неправильное, не более таинственен, чем тот факт, что большинство из нас может верно определить, какой предмет больше или кто изображен на портрете: мужчина или женщина. Вероятно, законы, определяющие человеческое счастье, на уровне мозга одинаковы для разных людей. В последней главе данной книги мы поговорим о том, как можно использовать этот факт уже сейчас, не дожидаясь того времени, когда ученые смогут снабдить нас соответствующими точными данными.

Мы видели, что вера неизбежно порождает проблемы в мире и что даже «умеренная» вера, хотя и неумышленно, ставит под угрозу наше существование. Это означает, что нам нужно поместить такие явления, как нравственность и духовный опыт, в контекст рационального мировоззрения. Для этого нам нужно больше узнать о работе человеческого мозга, о нашей генетической предрасположенности и об истории религиозных идей. В последующих главах я попытаюсь примирить два следующих факта, которые, как может показаться, противоречат друг другу: (1) наши религиозные традиции свидетельствуют о существовании духовного опыта, который реален, значим и по праву заслуживает нашего исследования — как на личном уровне, так и на уровне научном; (2) многие представления, которые выросли вокруг этого духовного опыта, сегодня угрожают нашему существованию.

Мы не можем жить чистым разумом. Вот почему сколь угодно большое количество разума, применяемого в качестве антисептика, не может соревноваться с бальзамом веры, когда ужасы этого мира вторгаются в

¹ Как это ни странно, человек действительно обладает способностью эхолокации. Просто она у нас слабо развита. Чтобы в этом убедиться, закройте глаза, издавайте громкое мычание и поведите рукой перед лицом. Звук, отраженный от руки, будет указывать на ее положение.

нашу жизнь¹. Если умер ваш ребенок, или у жены открыли ужасную неизлечимую болезнь, или вы внезапно узнали, что ваше тело скоро откажет, ваш разум, даже если его отличала необыкновенная широта охвата, начинает пахнуть формальдегидом. Многие люди делают из этого неверный вывод, что у человека есть такие потребности, на которые ему дает ответ только вера в набор некоторых причудливых идей. Однако нигде не сказано, что человек может прикасаться к священному, только если он иррационален или живет в постоянном интеллектуальном рабстве. Я хотел бы показать, что духовность, напротив, может — вернее, просто должна — быть глубоко рациональной, несмотря на то, что она не желает укладываться в рамки разума. Это позволит нам избавиться от многих вещей, которые сегодня порождают убийства.

Наука не будет вечно хранить молчание о духовных и нравственных вопросах. Уже сегодня некоторые психологи и исследователи нервной системы делают первые шаги к тому, что в будущем станет подлинно рациональным исследованием этих вопросов — так что даже самый удивительный мистический опыт может стать предметом научного рассмотрения. И тогда мы поймем, что жизнь, наполненная любовью, состраданием, восторгом и удивлением, не требует отказа от разума и что нам не следует отвергать все формы духовности и мистицизма на том основании, что они якобы иррациональны. В последующих главах я представлю концептуальные и эмпирические основы для этого утверждения.

УСТУПКИ ВЕРЕ

Настало время понять, что вера не частное дело и никогда не была предметом личной жизни. Представления и верования людей здесь мало чем отличаются от поступков, поскольку любое представление — это потенциальный источник действий. Если люди верят в то, что пойдет дождь, они достают зонтики. И легко понять, что вера в действенность молитвы может стать фактором общественной жизни в тот момент, когда она воплощается на практике: если, скажем, хирург отложит в сторону свои «земные» инструменты и попытается наложить шов на рану пациента с помощью молитвы или пилот захочет совершить посадку авиалайнера, обращаясь к приборам с восклицанием «аллилуйя!», частная вера сразу станет уголовным преступлением.

Вера определяет действия человека. Если ты веришь, что принадлежишь к избранному народу, которому нечестивые хотят навязать свою пропитанную злом культуру, которая отводит твоих детей от Бога, и веришь, что убийство неверных вознаграждается несказанным блаженством в вечности, — тебе ничего не СТОИТ направить самолет на здание. Из этого следует простой вывод: некоторые верования опасны по самой своей природе. Мы все знаем, что иногда люди совершают невероятно жестокие вещи, но здесь нам следовало бы задаться вопросом: какого рода идеология сильнее всего этому способствует? И почему мы оберегаем подобные верования от нормального обсуждения, так что они могут сохраняться на протяжении тысячелетий, защищенные от влияния событий истории или достижений разума? Это следствие психологического и культурного воздействия на людей. Очевидно, что догматы веры — особенно когда они обещают верующему вечное спасение и обрекают сомневающихся на проклятие, — все здесь объясняют.

Теперь уже все, начиная с королей и президентов, признают, что мы не вправе утверждать, будто какую-то книгу написал Творец вселенной — у нас нет для этого доказательств. Библию, очевидно, создавали древние люди, которые считали, что земля плоская, и которым простая тачка показалась бы величайшим достижением техники. Строить свое мировоззрение на основе подобных текстов, — какие бы героические усилия ни прикладывали их составители, — значит отказаться от двух тысячелетий развития цивилизации, результаты которого только сейчас начали формировать наши умы благодаря секуляризму и появлению культурной среды науки. Как мы увидим, величайшая проблема нашей цивилизации — это не просто религиозный экстремизм, но те культурные и интеллектуальные уступки, которые мы сделали вере. И «умеренные» верующие во многом несут ответственность за религиозные конфликты в нашем мире, поскольку их представления создают такую среду, где никто не может должным образом противостоять буквальному пониманию священных текстов и религиозному насилию.

¹ Об этом, например, говорит история Джона фон Неймана — математика, создателя теории игр, участника программы по обороне США и агностика, — который, заболев раком, обратился в католичество. См.: See W. Poundstone, *Prisoner's Dilemma* (New York: Doubleday, 1992).

Для нормального обсуждения любого предмета требуется, как минимум, согласие обсуждать предмет — в этом случае, возможно, люди, которые еще не определились, могут разобраться в истине. Вот почему для надежного использования разума необходимо преодолевать национальные, религиозные и этнические границы. В конце концов, не существует такого предмета, как чисто американская (или христианская, или «белая») физика¹. Даже духовность и нравственность соответствуют критериям универсальности, потому что духовный опыт и нравственные представления самых разных людей подобны, если их исследуют одними и теми же методами. Однако это не распространяется на «истины» различных религий. Высказывания христиан и мусульман о своей вере никогда не превращают веру в предмет обсуждения, потому что сами принципы этих религий ограждают веру от потенциального воздействия диалога. Эти представления, за которые люди крепко держатся, не ища для них доказательств, сами ограждают себя от всякого обсуждения. Таким образом, сама природа веры делает ее совершенно недоступной для исследования. Тем не менее, тот факт, что мы на Западе уже не убиваем людей за ереси, показывает, что дурные идеи, даже если их считали священными, не могут долго существовать рядом с хорошими идеями.

Если представления связаны с действиями, это значит, что мы не можем терпимо относиться к многообразию религиозных представлений, как не можем согласиться жить в мире, где существуют разнообразные представления об эпидемиологии или гигиене. Пока еще в мире существуют группы людей, которые мало знакомы с теорией инфекционных заболеваний, и расплачиваются болезнями за свое невежество. Должны ли мы «терпимо» относиться к их представлениям? Нет, ведь это несет серьезную угрозу нашему собственному здоровью².

Даже на первый взгляд безобидные представления, если они не основаны на реальности, могут повлечь за собой ужасающие последствия. Так, например, многие мусульмане считают, что Бог неравнодушен к одежде женщин. Это, казалось бы, невинное, хотя и чудное представление причиняет многим людям невероятные страдания. В 2002 году во время проведения конкурса Мисс Мира в Нигерии возмущенные местные жители кромсали невинных людей мачете или сжигали живьем лишь ради того, чтобы по их земле не ходили девушки в бикини. В результате беспорядков погибло более двухсот человек. За один год до этого религиозная полиция Мекки мешала медикам и пожарным спасти юных девушек, оказавшихся в горящем здании³. По какой же причине? Потому что эти девушки не покрывали голову, как это предписывает делать Коран. Четырнадцать девушек погибло в огне, около пятидесяти получили серьезные ожоги. В самом ли деле мусульманам нужно дать свободу верить в то, что Творец вселенной предъявляет требования к стилю женской одежды?

ПОРА НАЧИНАТЬ ДУМАТЬ

Недавние события не только показали то, что мы уязвимы для бушующих в мире военных конфликтов, но также обнажили мрак неразумия дискуссий, ведущихся в нашей стране. По иррациональности мы мало чем отличаемся от наших противников. Чтобы это увидеть, возьмите текст какой-либо политической дискуссии и замените в ней слово «Бог» на имя вашего любимого обитателя горы Олимп. Представьте себе, например, что президент Буш на Национальном молитвенном завтраке говорит: «Жизнь и история имеют свое

¹ Нацисты насмеялись над «еврейской физикой» Эйнштейна, а коммунисты отвергали «капиталистическую биологию» Менделя и Дарвина. Но это не было результатом рациональной критики — о чем свидетельствует тот факт, что несогласных ученых сажали в тюрьмы и убивали. Несмотря на это, некоторые авторы (см. K. Peng and R. E. Nisbett, Culture, Dialectics, and Reasoning about Contradiction, American Psychologist 54 (1999): 741—54) говорят о том, что в разных культурах существуют различные стили мышления. Хотя их данные, на мой взгляд, не позволяют сделать окончательный вывод. Даже если Восток и Запад используют разные подходы к проблемам, ничто не мешает нам достичь принципиального согласия относительно обоснованных заключений.

² Распространение тяжелого острого респираторного синдрома в 2003 году на юге Китая — недавний пример того, что местные правила гигиены могут иметь глобальные последствия. Китай не смог справиться с эпидемией не из-за иррациональных представлений о медицине, но из-за иррациональной политики — и на момент написания данной книги последствия этого еще не носят катастрофического характера. Но мы легко можем себе представить группу людей, представления которых об инфекциях могут обернуться огромным риском для всех нас. Несомненно, мы бы в итоге подвергли бы этих людей карантину или каким-то образом заставили бы их принимать меры, которые мы считаем нужными.

³ Los Angeles Times, March 18, 2002.

предназначение и свою цель, установленные мощью справедливого и верного Зевса». Или представьте себе, что его обращение к Конгрессу (20 сентября 2001) содержит следующее предложение: «Свобода всегда противостояла страху, справедливость противостояла жестокости, и мы знаем, что Аполлон здесь не соблюдает нейтралитета». Привычные для слуха слова скрывают бессмысленность и странность многих наших представлений. Наш президент нередко использует фразы, которые могли бы прозвучать и в XIV веке, и никто не задумывается о том, что для него означают такие слова, как «Бог», «крестовый поход» или «чудотворная сила». И мы не просто продолжаем питаться такими отбросами древнего мира, но и радуемся этому. Гарри Уиллс заметил, что при Буше Белый дом «наполнился молитвенными группами и кельями, где изучают Библии, и стал каким-то монастырем с побеленными стенами»¹. Это должно было бы беспокоить нас столь же сильно, как беспокоит фанатиков в мусульманском мире. Древние греки начали отказываться от своих мифов о богах Олимпа уже за несколько столетий до рождения Христа — этот факт должен был бы заставить нас смиренно преклонить колени, поскольку у нас такие люди, как Билл Мойере, собирают совет ученых мужей, чтобы они решили грандиозный вопрос о том, как согласовать Книгу Бытия с жизнью современного мира. И если мы стремительно катимся к Средневековью, нам пора спросить себя, не начнут ли мифы, наполнившие наши дискуссии, убивать кого-то из нас, как это уже делали мифы других людей.

Пройдет двести лет, и мы станем процветающей глобальной цивилизацией, осваивающей космос, но для этого *нечто* должно измениться в нас самих: если этого изменения не произойдет, мы успеем десять раз истребить человечество до наступления этого момента. Мы приближаемся к тому моменту, когда производство оружия массового поражения станет тривиальным делом: нужная информация и технологии сегодня распространяются по всему миру. По словам физика Мартина Риса, «приближается эпоха, когда один человек, тайно совершив одно действие, сможет лишить жизни миллионы людей или сделать большой город необитаемым на многие годы»². Если мы осознаем, насколько сильной становится наша техника, то нам несложно понять, что добровольные мученики в будущем могут причинить нам немало хлопот. Мы просто уже не вправе держаться за наши мифы и за нашу мифичную идентичность.

Нам пора понять, что люди могут свободно сотрудничать друг с другом только тогда, когда они готовы менять свои представления на основе фактов. Только открытость к доказательствам и аргументам создаст общий мир для всех нас. Разумеется, нет никаких гарантий того, что разумные люди достигнут полного согласия во всем, но можно уверенно сказать, что неразумные обречены на разделения из-за своих догматов. Дух совместного исследования — это полная противоположность вере.

Хотя мы всегда будем продолжать споры о картине мира, можно смело предположить, что многие нынешние представления покажутся нашим потомкам одновременно и невероятно причудливыми, и самоубийственно глупыми. Первоочередной задачей наших совместных поисков будет выявление тех представлений, которые вряд ли сохранятся на протяжении ближайшего тысячелетия исследований, или попытка предотвратить их развитие и подвергнуть их непрерывной критике. Какие наши сегодняшние обычаи покажутся самыми смешными будущим поколениям, которым удастся пережить безумие нынешней эпохи? Трудно усомниться в том, что наши религиозные практики займут самые первые места в таком списке³. Естественно, нам хотелось бы, чтобы наши потомки вспоминали нас с благодарностью. Но нам не в меньшей мере следовало бы надеяться, что они будут думать о нас с жалостью и отвращением, как мы относимся к рабовладельцам нашего слишком недавнего прошлого. Вместо того чтобы гордиться достижениями нашей цивилизации, нам стоит подумать о том, что через какое-то время мы будем казаться отсталыми людьми, и уже сегодня закладывать основания для совершенства жизни потомков. Нам надо прокладывать дорогу в ту эпоху, когда вера, не опирающаяся на доказательства, покажется позорным качеством. Если думать о нынешнем состоянии мира, нам нужно стремиться только к подобному будущему.

¹ G. Wills, With God on His Side, New York Times Magazine, March 30, 2003.

² M. Rees, Our Final Hour (New York: Basic Books, 2003), 61.

³ Если мы даже отложим в сторону вопрос об их истинности, само многообразие несовместимых друг с другом религиозных представлений заставляет относиться к ним подозрительно в принципе. Как заметил некогда Бертран Рассел, даже если допустить, что одна из наших религий истинна во всех мелочах, учитывая количество существующих религиозных представлений, противоречащих одно другому, каждый отдельный верующий должен считать, что он попадет в ад, уже просто в силу законов теории вероятностей.

Нам совершенно необходимо открыто говорить об абсурдности большинства религиозных представлений. Но я боюсь, что время для этого еще не настало. Поэтому написанное ниже будет чем-то вроде молитвы. Я молюсь о том, чтобы мы однажды достаточно глубоко уяснили себе эти вопросы, чтобы воспитывать детей, которые не станут убивать друг друга за свои книги. Если этому не научатся наши дети, боюсь, будет уже слишком поздно, потому что встретиться со своим создателем было всегда несложно, но лет через пятьдесят каждому человеку станет несложно устроить эту встречу не только для себя, но и для всех окружающих¹.

2. ОТКУДА БЕРУТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ЛОГИКА, ИСТИНА, БЕЗУМИЕ И ЛОЖЬ

Часто мы слышим, что религиозные представления по своей природе отличаются от всех других видов знаний о мире. И действительно, мы приписываем первым особый статус, то есть не требуем здесь доказательств, которые просим предъявить во всех других случаях, но это не означает, что религиозные представления на самом деле существенным образом отличаются от всех прочих. Что мы имеем в виду, когда говорим: «Такой-то человек разделяет определенные представления о мире»? Во всех вопросах об обычных вещах нам следует осторожнее относиться к знакомым терминам, иначе мы можем сбиться с пути. Одно и то же привычное слово «представление» может содержать разные смыслы. То же самое можно сказать о памяти: люди просто жалуются на провалы в «памяти», но исследования последних десятилетий показывают, что человеческая память имеет множество форм. Есть долговременная и краткосрочная память, и каждый вид памяти работает с помощью особой системы нейронов, в которых можно выделить множество отдельных подсистем². Таким образом, просто говорить о «памяти» — это примерно то же самое, что просто говорить о «переживании». Несомненно, когда мы говорим о психологии и мышлении, нам сначала нужно точно определить значение термина, чтобы уже потом можно было попытаться понять его с точки зрения работы мозга³.

Даже собаки и кошки, поскольку у них образуются ассоциации, которые связывают людей, места и события, в каком-то смысле формируют «представления» о многих вещах в мире. Но мы говорим не о таких представлениях. Нас интересуют представления, которые люди сознательно принимают: «Этот дом заражен термитами», «Тофу не годится в качестве десерта», «Мохаммед был перенесен на небеса на крылатой лошади» — такие представления можно передавать и получать через речь. Если мы верим в такое-то представление, значит, мы верим, что оно верно описывает что-то в мире, а из этого следует и то, что

¹ Рис (Rees, *Our Final Hour*) утверждает, что род человеческий может пережить нынешнее столетие с вероятностью не более 50 процентов. Хотя его прогноз — это просто догадки просвещенного человека, он заслуживает самого серьезного отношения. Он отнюдь не мрачный брюзга.

² Это особенно наглядно доказывают те случаи, когда при повреждении мозга один аспект памяти страдает, а другие нет. Именно такие истории болезни (см., например: W. B. Scoville and B. Milner, *Loss of Recent Memory after Bilateral Hippocampal Lesions*, *Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry* 20 (1957): 11—21) лежат в основе наших представлений о памяти человека. Можно выделить следующие компоненты долговременной памяти: семантический, эпизодический, процедуральный и другие, связанные с типом обработки информации; в системе же кратковременной (или «рабочей») памяти на сегодняшний день принято выделять фонологический, визуальный, пространственный, концептуальный, эхоический и исполнительный компоненты. Несомненно, память пока еще изучена недостаточно. Скажем, выделение семантического и эпизодического компонентов памяти не позволяет объяснить топографическую память (E. A. Maguire et al., *Recalling Routes around London: Activation of the Right Hippocampus in Taxi Drivers*, *Journal of Neuroscience* 17 (1997): 7103—10), а семантический компонент, вероятно, также содержит в себе разные категории, скажем, память о предметах и память о живых существах (S. L. Thompson-Schill et al., *A Neural Basis for Category and Modality Specificity of Semantic Knowledge*, *Neuropsychologia* 37 [1999]: 671—76; J. R. Hart et al., *Category-Specific Naming Deficit following Cerebral Infarction*, *Nature* 316 [Aug. 1, 1985]: 439-40).

³ Неудачная концепция «представления» может создать путаницу. Если мы будем использовать этот термин слишком широко, нам может показаться, что весь мозг в итоге занимается формированием «представлений». Представьте себе, например, что вам в дверь звонит человек, который уверяет, что он представитель компании Publishers Clearing House, организующей лотереи.

подобные представления должны соответствовать определенным критериям¹. В частности, именно поэтому мы любим доказательства и факты и требуем от представлений о мире, чтобы они не противоречили одно другому. Эти критерии в равной мере относятся и к религиозным представлениям. «Свобода вероисповедания» (в любом другом смысле, кроме юридического) — это миф. Мы увидим, что у нас не больше свободы верить в какие-либо утверждения о Боге, чем свободы верить в недоказанные утверждения о науке или истории или свободы вкладывать наш собственный смысл в такие слова, как «яд», «север» или «ноль». Если бы кто-то заявил о нашем праве так поступать, никто бы не стал его слушать, и это неудивительно.

ВЛАСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Мозг человека постоянно формирует представления о мире. И сама уникальность *человеческого* мозга во многом определяется тем, что наш мозг способен оценивать новые предложенные нам истины в свете огромного количества других истин, которые он уже усвоил. С помощью интуитивного суждения о правде и лжи, с помощью логики и проверки на противоречия человек способен собрать отдельные части картины в единое целое. Как в этом участвует наша нервная система? Что должен сделать мозг, чтобы решить, *истинно* или *ложно* данное утверждение? Сегодня мы еще не можем ответить на эти вопросы. Разумеется, здесь важную роль играет обработка вербальной информации, но нам еще предстоит понять, как мозг, используя восприятие, память и мыслительные процессы, создает отдельные представления и волшебным образом делает их самым веществом нашей жизни.

Возможно, именно способность двигаться, которую обрели некоторые примитивные организмы, стала двигателем развития наших сенсорных и когнитивных возможностей. Это следует из того факта, что если бы организм ничего не мог *делать* с приобретенной информацией о мире, природа бы не стала поддерживать отбор усовершенствований материальных структур, отвечающих за сбор, хранение и обработку этой информации. Даже такая несложная вещь, как зрение, предполагает существование двигательной системы. Если ты не можешь добывать пищу, неспособен сам не стать пищей или перемещаться, видеть окружающий мир не слишком важно — и тогда бы, разумеется, не происходило совершенствования зрительного аппарата, которое мы можем обнаружить везде в мире животных.

И потому мы вправе думать, что когнитивная способность, достигшая вершин в своем развитии (что, в частности, позволяет человеку формировать представления), есть в каком-то смысле продолжение способности действовать. С точки зрения адаптации представления были очень ценным явлением. В конце концов, именно различные *представления* о мире позволяют нам прогнозировать события и рассматривать возможные следствия наших действий. Представления составляют *основу действия*: какие бы механизмы работы мозга ни стояли за их формированием, эти процессы претворяют наше понимание (иногда *неверное*) мира в руководящие принципы нашего поведения².

Представления имеют просто безграничную власть над нашими эмоциями. К любой эмоции из всех, какие вы только можете себе представить, можно найти представление, которое ее вызовет. Представьте себе следующее утверждение:

Вашу дочь долго пытаются в английской тюрьме.

Психику и тело человека, который примет это утверждение, охватит паника, но что-то может помешать его принять. Допустим, у вас просто нет дочери или вы знаете, что она мирно сидит в соседней комнате, либо

¹ В этом смысле представление есть то, что философы называют «пропозициональной установкой». У нас множество подобных установок, и обычно в их описании есть слово «что»: например, я думаю, что... я верю, что... я боюсь, что... я имею в виду, что... мне нравится, что... я надеюсь, что... и т. п.

² Вероятно, формирование некоторых примитивных представлений невозможно отделить от процесса подготовки моторного ответа. См.: J. I. Gold and M. N. Shadlen, Representation of a Perceptual Decision in Developing Oculomotor Commands, Nature 404 (March 23, 2000): 390—94, and Banburismus and the Brain: Decoding the Relationship between Sensory Stimuli, Decisions, and Reward, Neuron 36, no. 2.(2002): 299—308, где содержится дискуссия о связи оценки визуальной информации с глагодвигательной реакцией.

вы верите в то, что в английских тюрьмах такие вещи не происходят. В этих случаях дверь представления еще не захлопнута.

Поскольку представления связаны с поведением, они заслуживают самого серьезного отношения. Некоторые представления настолько опасны, что, быть может, было бы этично убивать людей за них. Это может показаться преувеличением, но это просто признание реальности того мира, в котором мы живем. Иные представления ставят людей в такое положение, что их невозможно в чем-либо убедить мирным путем, при этом они готовы совершать крайне жестокие действия по отношению к другим. С некоторыми людьми разговор просто невозможен. Если их нельзя обезвредить как-то еще — а часто это невозможно сделать, — людей, склонных к терпимости в других случаях, можно оправдать, если они их убьют в целях самозащиты. Это США предлагали делать в Афганистане, это мы вместе с другими западными силами неизбежно должны делать по всему мусульманскому миру, понимая, сколько это будет стоить нам самим и каким-то еще невинным людям в чужих странах. Мы будем продолжать проливать кровь в войне, которая по своей сути есть война идей¹.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Представления не живут в изоляции, они окружены своими соседями. Различные представления связаны логическими и семантическими связями. Свобода каждого представления ограничена другими представлениями, а оно, в свою очередь, ограничивает свободу соседей. Представление о том, что Боинг-747 — это лучший самолет в мире, предполагает существование многих других представлений: общих (например, что самолеты существуют) и производных (например, что 747-я модель лучше 757-й). Из представления о том, что некоторые мужчины — мужья, неизбежно следует и другое: некоторые женщины — жены, потому что понятия «муж» и «жена» определяют одно другое². Фактически, эти логические и семантические ограничения представляют собой две стороны одной монеты, поскольку, если мы хотим понять, что данное слово значит в каких-то иных контекстах, необходимо, чтобы наши представления были свободны от противоречий (хотя бы локально). Если я под словом «мать» понимаю одно и то же в разных обстоятельствах, я не могу одновременно думать, что моя мать родилась в Риме и что моя мать родилась в Неваде. Даже если моя мать родилась в самолете, летящем быстрее скорости звука, оба эти утверждения не могут быть истинными. Конечно, здесь возможны некоторые хитрости: быть может, где-то в штате Невада существует город под названием Рим, либо в одном предложении «мать» означает «моя биологическая мать», а в другом — «моя приемная мать». Но эти исключения лишь подтверждают правило. Чтобы понять смысл данного представления, мне надо знать значение слов; чтобы понять значение слов, мне нужно, чтобы мои представления в целом не противоречили одно другому³. Мы никуда не денемся от того факта, что существует тесная взаимосвязь между словами, которыми мы пользуемся, мыслями, которые у нас в голове, и представлениями о мире, которые мы считаем истинными.

Наше поведение тоже в значительной степени ограничено представлениями. Если меня пригласили в гости на ужин, я не могу верить в то, что хозяева живут и на севере Мейн-Стрит, и на юге Мейн-Стрит, и действовать на основе такого представления. Чтобы предотвратить мотивацию двигаться одновременно в двух разных направлениях, мне нужна какая-то мера психологической и телесной целостности.

¹ Нам не нужно привлекать «к суду» членов Аль-Каиды в силу того, что произошло 11 сентября 2001 года. Мы не поможем тем мужчинам, женщинам и детям, что погибли в руинах Всемирного торгового центра, а акты возмездия, хотя они удовлетворяют желания каких-то людей, здесь ничего не изменят. Наши последующие действия в Афганистане и других странах оправданны, потому что если члены Аль-Каиды будут и дальше жить в свете своих представлений, появятся новые невинные жертвы. Ужас 11 сентября должен быть нашим стимулом — не потому, что это событие причинило нам боль, за которую надо мстить, но потому, что оно совершенно явно показало, что некоторые мусульмане XXI века действительно верят в самые опасные и фантастические положения своей веры.

² Судя по структуре нашей речи, это не исключительный случай, поскольку все употребляемые нами слова взаимно объясняют друг друга.

³ Философ Дональд Дэвидсон в своем труде о «радикальной интерпретации» опирается на это положение. Из взаимоотношений между представлением и смыслом следует один интересный вывод: чтобы попытаться понять речь любого человека, необходимо допустить, что он по существу рационален (Дэвидсон это называет «принципом благожелательности»).

Такая последовательность нужна и для самой идентичности человека: если человек не достиг высокой степени целостности, он может быть самыми разными личностями, которые соответствуют его отдельным представлениям, несовместимым одно с другим. Чтобы лучше это понять, вообразите себе человека, который верит в следующие вещи: что он провел весь день в постели из-за гриппа, но также один раунд гольфа; что его зовут Джим, а также — Том; что у него есть взрослый сын и что он бездетен. Если умножить количество таких несовместимых представлений, ощущение, что их хозяин единая личность, исчезнет. Определенный уровень логической непоследовательности просто несовместим с нашими представлениями о личности.

Так что логическая последовательность имеет огромное значение, и этому не стоит удивляться. Если я хочу, чтобы другие понимали мою речь — и чтобы ее понимал я сам, — необходимо, чтобы мои представления о мире не противоречили одно другому. Чтобы мое поведение могло опираться на мои представления, мне необходимо, чтобы эти представления включали в себя такие действия, которые, как минимум, возможны. В конце концов, некоторые логические взаимосвязи встроены в саму структуру нашего мира¹. Если звонит телефон, это может звонить мой брат либо кто-то иной. Я могу верить в одно или другое — или думать, что я не знаю, — но ни при каких обстоятельствах не могу принять оба эти утверждения одновременно.

В недавнее время ученые изучали и обсуждали вопрос об отклонении от нормативов, в частности от правил мышления, которые позволяют людям создавать новые представления на основе старых². Что бы мы ни думали по этому поводу, никто не считает человека совершенным инструментом логической последовательности. Наша иррациональность принимает самые разные формы, от маленьких логических противоречий до полного распада самой личности. Исследователи «самообмана», например, считают, что человек может неосознанно верить в одно представление и при этом успешно внушать себе, что он верит в нечто прямо противоположное (скажем, моя жена мне изменяет — моя жена мне верна), хотя вопрос о том, каков механизм (если он вообще существует) подобного искажения реальности, все еще вызывает споры³. Другие нарушения психологической целостности — от пациентов с «рассеченным мозгом» до случаев «множественной личности» — можно хотя бы отчасти объяснить тем, что различные представления формируются в разных участках мозга, которые анатомически или функционально изолированы один от другого.

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Проиллюстрирую сказанное выше. Однажды, путешествуя по Франции, мы с моей невестой пережили странное раздвоение наших представлений об американском посольстве в Париже:

Система представлений 1: Тогда мир все еще переживал отголоски событий 11 сентября, и потому мы хотели избежать первоочередных целей террористов во время путешествия. И на первом месте в списке таких целей стояло американское посольство в Париже. В столице Франции обитает больше мусульман, чем еще в каком-либо городе в западном мире, а данное посольство уже было объектом неудавшегося покушения террориста-смертника. Поэтому в Париже нам меньше всего хотелось оказаться в этом месте.

Система представлений 2: Накануне прибытия в Париж мы выяснили, что не можем найти свободных номеров в каком-либо отеле в этом городе. Куда бы мы ни звонили, все отели были заполнены, за

¹ По крайней мере, на том «классическом» уровне, на котором мы живем. То, что квантовый мир не ведет себя таким образом, объясняет то, почему его реалистичное «понимание» невозможно.

² D. Kahneman and A. Tversky, On the Reality of Cognitive Illusions, *Psychological Review* 103 (1996): 582—91; G. Gigerenzer, On Narrow Norms and Vague Heuristics: A Reply to Kahneman and Tversky», *ibid.*, 592—96; K. J. Holyoak and P. C. Cheng, «Pragmatic Reasoning with a Point of View», *Thinking and Reasoning* 1 (1995): 289—313; J. R. Anderson, «The New Theoretical Framework», in *The Adaptive Character of Thought* (Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1990); K. Peng and R. E. Nisbett, «Culture, Dialectics, and Reasoning about Contradiction», *American Psychologist* 54 (1999): 741—54; K. E. Stanovich and R. F. West, «Individual Differences in Rational Thought», *Journal of Experimental Psychology: General* 127 (1998): 161.

³ A. R. Mele, «Real Self-Deception», *Behavioral and Brain Sciences* 20 (1997): 91—102, «Understanding and Explaining Real Self-Deception», *ibid.*, 127—36, *Self-Deception Unmasked* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2001); H. Fingarette, *Self-Deception* (Berkeley: Univ. of California Press, 2000); J. P. Dupuy, ed., *Self-Deception and Paradoxes of Rationality* (Stanford: CSLI Publications, 1998); D. Davidson, «Who Is Fooled?» *ibid.*; G. Quattrone and A. Tversky, «Self-Deception and the Voter's Illusion», in *The Multiple Self* ed. J. Elster (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985), 35-57.

исключением одного на Правом берегу, где была куча свободных номеров. Женщина, с которой мы говорили, предлагала нам дополнительные удобства без доплаты и спрашивала, какой вид из окна нам больше подходит — во внутренний двор или вовне, с видом на американское посольство. «Какой вид вы бы сами предпочли?» — спросил я женщину. «Вид на посольство, — ответила она. — Это куда спокойнее». Я представил себе огромный сад посольства. «Прекрасно, — сказал я, — остановимся на втором варианте».

Прибыв на следующий день в отель, мы обнаружили, что нам отвели комнату с видом на двор. Мы с невестой почувствовали разочарование — ведь нам, в конце концов, обещали вид на посольство.

Мы позвонили парижской приятельнице, чтобы известить ее о том, где мы находимся. Мудрая в делах мира сего приятельница сказала: «Отель рядом с посольством? Вот почему они о вас так заботятся. Вы обезумели? Вы не знаете, какое сегодня число? Это же Четвертое июля!»

Наша жизнь оказалась наполнена удивительными противоречиями. Мы провели день, желая держаться подальше от того самого места, к которому мы стремились оказаться поближе. Поняв это, мы сильно удивились: это было не менее странно, чем если бы у нас вдруг выросли олени рога.

Но эта загадка психологии, возможно, достаточно тривиальна с точки зрения науки о мозге. Вероятно, сочетание «американское посольство», которое мы слышали в разных контекстах, активировало различные системы мозга. И потому одно выражение приобрело два разных **значения**. Это была мишень террористов, и это был прекрасный вид из окна отеля. Однако значение этого словосочетания в **мире** едино и неделимо, поскольку в Париже есть только одно здание, к которому относятся эти слова. Похоже, между двумя нейронными системами не было налажено общение, это привело к нарушению целостности работы мозга. Однако это раздвоение было крайне нестойким, о чем говорит то, что от него было необычайно легко избавиться. Чтобы помочь невесте соединить два представления в единое целое, мне достаточно было повернуться к ней — а она еще молча сидела, думая о прекрасном виде на посольство, которого нас лишили, — и сказать ей, с явной тревогой в голосе: «Этот отель стоит в десяти метрах от американского посольства!» Раздвоение исчезло, и она была так же удивлена случившемуся с нами, как и я сам.

Но в наших умах действительно какое-то время жили несовместимые представления: весь день мы хотели оказаться подальше от американского посольства и мечтали о комнате с видом на посольство.

Ради целостности поведения и использования языка требуется достигать последовательности наших представлений, однако мы знаем, что **совершенная** логическая последовательность, даже когда все отделы мозга прекрасно взаимодействуют между собой, недостижима. Представьте себе человека, представления которого можно записать в виде отдельных утверждений вроде: **я иду по парку; в парках бывают животные; львы относятся к животным** и так далее — каждое из этих представлений обладает самостоятельностью, а в то же время может стать основой для новых выводов (положительных: **быть может, скоро я увижу какое-нибудь животное**, — или отрицательных: **я могу столкнуться со львом**), то есть новых представлений о мире. Для достижения полной последовательности нужно было бы провести проверку каждого нового представления: не противоречит ли оно каждому прочему и всем их возможным сочетаниям¹. Но здесь мы наталкиваемся на сложность с количеством: число необходимых проверок с появлением каждого нового представления растет в геометрической прогрессии. Сколько таких логических проверок способен проделать **совершенный** мозг? Ответ нас может удивить. Если мы представим себе невероятный компьютер размером с известную нам вселенную, построенный из компонентов мельче протонов, со скоростью переключения равной скорости света, который бы работал от момента Большого взрыва до нынешнего времени, то и тогда он мог бы не успеть добавить к списку трехсотое представление². Можем ли мы после этого утверждать, что наша система представлений совершенно свободна от противоречий? Это даже не сон во сне³. Тем не менее,

¹ Это означает, что многие представления имеют общие элементы, что мы действительно всегда находим в представлениях людей.

² Данный пример взят из книги W. Poundstone, *Labyrinths of Reason: Paradox, Puzzles, and the Frailty of Knowledge* (New York: Anchor Press, 1988), 183—88.

³ Недавно среди физиков появились новые теории, которые предсказывают появление квантового вычисления в бесконечном количестве параллельных вселенных (D. Deutsch, *The Fabric of Reality* (New York: Penguin, 1997)) или возможность в

язык и поведение требуют от нас стремления к целостности там, где ее не хватает, потому что без нее невозможно ни понимание смысла речи, ни полноценные действия¹.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КАРТИНА МИРА

Даже самое элементарное понимание мира требует, чтобы определенные процессы в нервной системе всегда соответствовали определенным явлениям окружающей среды. Если каждый раз, когда я вижу лицо определенного человека, в моем мозгу активизируются разные наборы нейронов, во мне не сможет сформироваться память о данном человеке. Глядя на его лицо, я в один момент увижу лицо, а в другой — овалный предмет, и меня не будет удивлять такая непоследовательность, потому что ничто не требует согласовывать один образ с другими. Как считает Стивен Пинкер, только соответствие системы обработки информации (мозга или компьютера) законам логики или вероятности позволяет объяснить, как вообще «разум рождается из неразумных физических процессов»². Мы располагаем слова в определенном порядке на основе правил (синтаксиса), подобным образом мы поступаем с представлениями (логическая последовательность), потому что такой же порядок свойствен и нашему телу, и окружающему миру. Возьмем утверждение: «В коробке для завтрака Джека есть яблоко и апельсин». Синтаксический (и потому логический) смысл союза «и» позволяет любому человеку, который согласен с этим утверждением, согласиться и с двумя другими: «В коробке для завтрака Джека есть яблоко» и «В коробке для завтрака Джека есть апельсин». И дело здесь вовсе не в том, что синтаксис обладает некой волшебной властью над миром, но в том, что союз «и» отражает упорядоченное поведение или расположение предметов. И если некто скажет, что он согласен только с первым утверждением (с союзом «и»), но не с двумя другими, либо просто не понимает значения слова «и», либо не понимает, что такое яблоко, апельсин и коробка для завтрака³. Просто так уж случилось, что мы оказались во вселенной, где, положив в коробку для завтрака яблоко и апельсин, ты обретаешь возможность достать оттуда яблоко, или апельсин, или оба предмета сразу. Во многих ситуациях смысл слов, их взаимоотношения (синтаксис) и сам разум невозможно отделить от упорядоченного поведения объектов в нашем мире⁴.

Каковы бы ни были наши представления, их количество у каждого из нас не может быть бесконечным⁵. Хотя философы сомневаются в том, что количество представлений поддается подсчету, очевидно, что наш мозг

будущем превратить всю материю в один «всеведущий» суперкомпьютер (F. Tipler, *The Physics of Immortality* (New York: Doubleday, 1995)), использующий расширение пространства и времени из-за гравитационного коллапса вселенной. Я не использовал эти и подобные им теоретические священнодействия в настоящей дискуссии.

¹ Можно описать те логические и семантические ограничения, о которых мы здесь говорим, и другими словами: сказав, что наши представления должны быть систематичными. Наш язык, логика и мир в целом неизбежно должны делать представления людей единой системой. Как одни слова обретают смысл благодаря другим, так и каждому представлению нужны другие, чтобы оно заняло свое место в общей картине мира. Как начинает действовать ткацкий станок мышления, собирающий отдельные нити в цельную ткань, пока остается загадкой, но можно с уверенностью сказать, что человек приходит в мир с протолингвистическими и протодоксическими (от греческого корня докса — «представление») способностями, которые позволяют интерпретировать шум органов чувств в окружении и в самих себе. Овладение языком — это не запоминание набора отдельных фраз, а формирование картины мира — это не усвоение ряда не связанных между собой представлений. О систематической природе языка см. J. A. Fodor and Z. W. Pylyshyn, «Systematicity of Cognitive Representation», excerpt from «Connectionism and Cognitive Architecture», in *Connections and Symbols*, ed. S. Pinker and J. Mehler (Cambridge: MIT Press, 1988). Чтобы любое представление вообще стало представлением о чем-либо, ему необходимы взаимосвязи с другими представлениями. (Пока я откладываю в сторону вопрос о существовании представлений, которые обретают свой смысл вне связи со всеми остальными. Если такие атомарные представления и существуют, очевидно, что большинство наших представлений к таковым не относится.)

² S. Pinker, *The Blank Slate* (New York: Viking, 2002), p. 33.

³ Эти мои замечания переключаются с «ментальными моделями» мышления некоторых авторов — см. P. N. Johnson-Laird and R. M. J. Byrne, *Deduction* (Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1991), chaps. 5—6. Я только добавил бы к их рассуждениям, что наши ментальные модели окружающих объектов действуют определенным образом именно потому, что так же действуют и сами эти объекты. См. L. Rips, «Deduction and Cognition», in *An Invitation to Cognitive Science: Thinking*, ed. E. E. Smith and D. N. Osherson (Cambridge: MIT Press, 1995), 297—343, где авторы высказывают сомнение в том, что концепции вроде смысла «и» можно освоить с помощью обучения.

⁴ Конечно, мы можем вспомнить примеры, в которых некоторые слова не ладят с законами обычной логики. Скажем, невозможно положить тень яблока и тень апельсина в коробку для завтрака, закрыть крышку и ожидать, что к концу дня их можно будет оттуда достать.

⁵ Еще одно свойство представлений прямо связано с природой языка: как практически не существует предела предложений, которые может построить человек (язык очень «продуктивен» в этом смысле), так нет предела и для потенциальных утверждений о

способен хранить лишь определенное количество информации¹, ограниченное число воспоминаний и словарь определенного объема, который составляет где-то около 100 тысяч слов. Поэтому стоит отделять представления, которые казуально активны² — то есть которые уже действуют в наших умах, — от тех, которые мы можем сформировать, если это потребуются. Если представления подобны восприятию, то очевидно, что мы сами не в состоянии ответить на вопрос, каким количеством представлений мы пользуемся на данный момент. Так, исследования феномена «слепоты к изменению» показали, что мы замечаем в окружающем мире куда меньше вещей, чем нам кажется, потому что мы не замечаем многих визуальных изменений среды³. Здесь будет уместна и аналогия с компьютерными играми: последние поколения этих игр не строят элементы виртуального мира до тех пор, пока это не понадобится игроку⁴. Возможно, наш когнитивный аппарат ведет себя примерно так же⁵.

Независимо от того, присутствуют ли в нас все наши представления постоянно или мы каждый раз их заново конструируем, похоже, нам нужно заново пересматривать многие убеждения, прежде чем они начнут управлять нашим поведением. Это случается каждый раз, когда мы испытываем сомнения относительно утверждения, которое ранее принимали. Просто представьте себе, что вы забыли таблицу умножения и не знаете, что получится, если 12 умножить на 7. Каждый из нас в какой-то момент может усомниться в том, что правильный ответ — 84. И тогда нам придется произвести подсчеты, прежде чем мы согласимся с утверждением $12 \times 7 = 84$. Или представьте себе, что вы усомнились в том, что действительно помните, как зовут знакомого («Его имя — Джефф? Я так к нему обращался?»). Очевидно, даже самые привычные представления в какой-то момент могут вызывать у нас сомнения. И такие моменты, когда нам требуется новая проверка, очень важны, о чем мы и поговорим ниже.

мире. Скажем, если я полагаю, что в моем шкафу нет совы, я также думаю, что там нет двух сов, трех сов... и так далее, до бесконечности.

¹ По мнению специалистов, количество нейронов, которым каждый из нас располагает, составляет от 10 до 10 клеток, и у каждого нейрона есть в среднем по 104 связи с соседними. Это означает, что мы располагаем 10—10 синапсами. Это огромное число, но оно все же имеет пределы.

² См. N. Block, «The Mind as the Software of the Brain», in *An Invitation to Cognitive Science: Thinking*, ed. E. E. Smith and D. N. Osherson (Cambridge: MIT Press, 1995), 377—425.

³ D. J. Simons et al., «Evidence for Preserved Representations in Change Blindness», *Consciousness and Cognition* 11, no. 1 (2002): 78—97; M. Niemeier et al., «A Bayesian Approach to Change Blindness», *Annals of the New York Academy of Sciences* 956 (2002): 474—75 [abstract].

⁴ R. Kurzweil, *The Age of Spiritual Machines* (New York: Penguin, 1999).

⁵ Возьмем такое математическое представление, как $2 + 2 = 4$. Большинство из нас не просто принимает это утверждение, оно кажется нам априорно верным в любой момент. Казалось бы, мы не конструируем его для отдельных случаев, но это такое основополагающее представление, которое позволяет нам строить многие другие. Но что мы можем сказать об утверждении $865762 + 2 = 865764$? Большинство из нас ранее ни разу не задумывалось о сложении таких чисел, и мы в него поверим только тогда, когда убедимся в его соответствии законам арифметики. Однако, проделав эту проверку, мы можем использовать его точно так же, как и утверждение $2 + 2 = 4$. Есть ли какая-то принципиальная разница между этими двумя математическими утверждениями? На феноменологическом уровне, несомненно, есть. Вам, например, трудно говорить (или думать) о больших числах, тогда как утверждение два плюс два равно четыре кажется чем-то почти рефлекторным. Тем не менее с эпистемологической точки зрения два эти утверждения «истинны» в равной мере. Фактически наша жизнь зависит от куда более сложных (и куда менее очевидных) математических утверждений — и мы это испытываем каждый раз, когда садимся в самолет или пересекаем мост. По сути, большинство из нас верит в то, что сложение дает истинные результаты, какие бы огромные числа мы ни использовали. Но это не дает ответа на вопрос, создаем ли мы представление $2 + 2 = 4$ каждый раз, когда им нужно воспользоваться, или нет. Другими словами, действительно ли мы верим в него априорно? Если мы скажем, что это представление заново создается всякий раз, когда оно нам нужно, мы можем спросить: создается из чего? Из правил сложения? Но трудно поверить в то, что человек освоил законы сложения, если он еще не верит в то, что $2 + 2 = 4$. В то же время можно с уверенностью сказать, что, проснувшись утром, вы не обладаете представлением о том, что восемьсот шестьдесят пять тысяч семьсот шестьдесят два плюс два равно восемьсот шестьдесят пять тысяч семьсот шестьдесят четыре. Чтобы это убеждение действительно существовало в вашем мозгу, его надо создать на основе уже существующего убеждения в том, что два плюс два равно четыре. Очевидно, подобное происходит и со многими другими представлениями, Мы не можем верить во многие наши представления о мире, пока не скажем, что мы в них верим.

ИСТИНА И ЛОЖЬ

Представьте себе, что вы ужинаете в ресторане в компании нескольких старых друзей. Вы на минутку покидаете столик, чтобы помыть руки, а вернувшись, слышите, как один из ваших друзей шепчет: «Тише! Он об этом ничего не знает».

Как вы можете понять эти слова? Все указывает на то, что «он» в этой фразе — это вы сами. Но если вы женщина, а потому к вам эти слова явно не относились, они могут разве что вызвать у вас любопытство. Сев на свое место, вы можете даже тихо спросить: «О ком это вы здесь шепчетесь?» Но в том случае, если вы мужчина, ситуация становится интереснее. Что от вас хотят скрыть друзья? Если через несколько недель у вас день рождения, вы можете подумать, что они готовят вам какой-то сюрприз. Если это не так, есть множество других возможностей, достойных пера Шекспира.

Опираясь на ваши прежние представления и на контекст данной ситуации, в которой прозвучали эти загадочные слова, система вашего мозга, отвечающая за истинность предположений, начнет оценивать самые разные возможности. Вы начнете изучать лица друзей. Не подтверждают ли их выражения ваши самые мрачные догадки? Что, если один из ваших друзей только что рассказал другим, что он спал с вашей женой? Когда бы это могло произойти? В самом деле, их всегда что-то влекло друг ко другу... Понятно, что любая интерпретация событий, которая станет убеждением, будет иметь серьезные последствия для вас и вашей социальной жизни.

На данный момент мы не понимаем, что происходит на уровне мозга, когда человек принимает или отвергает какое-либо утверждение — однако именно от этого момента зависит характер нашего мышления и поведения. Если мы принимаем какое-то утверждение, мы принимаем его содержание, а это влияет на наше поведение. У нас есть основания думать, что этот процесс происходит автоматически — что, поняв какую-то мысль, мы сразу начинаем в нее верить. По мнению Спинозы, вера в представление и вера в понимание тождественны, тогда как для отказа от представления требуется дополнительное усилие. Это подтверждают некоторые любопытнейшие исследования в психологии¹. Можно предположить, что понимание утверждения аналогично восприятию объекта в пространстве. По умолчанию мы считаем, что увиденный нами предмет реален, если только не докажем обратного. Этим может объясняться тот факт, что как только вы минуту назад подумали о гипотетическом предательстве со стороны друга, ваше сердце учащенно забилось.

Независимо от того, считаем ли мы процесс формирования представлений пассивным или активным, мы все равно постоянно проверяем высказывания (как наши собственные, так и чужие) на предмет наличия логических и фактических ошибок. Если мы не находим ошибок, мы можем жить логикой слов, которые в противном случае были бы предложениями без содержания. Конечно, иногда стоит изменить одно слово — и простая банальность может превратиться в вопрос жизни и смерти. Скажем, если глубокой ночью к вам придет ваш ребенок и скажет: «Папа, по комнате ходит слон», — вы отведете его в спальню, вооружив воображаемым пистолетом; если же он скажет: «Папа, по комнате ходит человек, — вам, быть может, захочется взять в руки реальное оружие.

ВЕРА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Все мы знаем, что в целом люди крайне неохотно меняют свои убеждения — для этого нам не нужно быть психологами или обладать специальными знаниями о работе мозга. Многие авторы отмечают, что мы консервативны в своих представлениях, то есть стремимся ничего в них не менять, пока для этого нет особой причины. Представление в эпистемологическом значении этого слова, то есть представление, отражающее наши знания о мире, требует, чтобы мы считали определенное утверждение истинным, а не просто желали, чтобы оно таковым было. Это ограничение, наложенное на наше мышление, несомненно,

¹ См. D. T. Gilbert et al., «Unbelieving the Unbelievable: Some Problems in the Rejection of False Information», *Journal of Personality and Social Psychology* 59 (1990): 601-13; D. T. Gilbert, «How Mental Systems Believe», *American Psychologist* 46, no. 2 (1991): 107—19.

благая вещь, поскольку ничем не ограниченные желания породили бы в нас такую картину мира, которая никак не связана с действующими в нем законами. Но чем плохо верить в истинность утверждения просто потому, что нам так нравится? Чтобы дать ответ на этот вопрос, достаточно вспомнить о значении выражения «потому что». Оно указывает на причинно-следственную связь между истинностью утверждения и верой человека в него. Вот почему для нас так важны доказательства: они устанавливают причинно-следственную связь между разными явлениями в мире и нашими представлениями о них. («Я полагаю, что Освальд застрелил Кеннеди, потому что на винтовке найдены отпечатки пальцев Освальда и потому, что мой кузен видел, как тот стрелял, а мой кузен никогда не лжет».) Мы верим в истинность какого-либо утверждения потому, что наш опыт или наши представления о мире подтверждают его истину¹.

Допустим, я верю в существование Бога, а какой-то невежливый собеседник спрашивает меня, почему я в это верю. На этот вопрос следует — просто необходимо — ответить в следующей форме: «Я верю в существование Бога потому, что...» Хотя здесь я не вправе ответить: «Я верю в существование Бога потому, что это благоразумно» (ответ в стиле Паскаля). Разумеется, я могу произнести эту фразу, но в таком случае слово «верю» имеет иной смысл, чем в таких высказываниях, как, например: «Я верю, что вода состоит из двух частей водорода и одной кислорода, потому что это доказывают два столетия физических опытов» или «Я верю, что на моем дворе растет дуб, потому что могу его видеть». Я в равной мере не вправе сказать: «Я верю в существование Бога потому, что это мне нравится». Тот факт, что мне приятно представлять себе существование Бога, нисколько не дает аргументов в пользу его существования. Чтобы яснее понять ход этих мыслей, лучше заменить Бога какой-либо еще гипотезой. Предположим, мне хочется верить, что в моем саду зарыт алмаз размером с холодильник. Действительно, это представление может быть для меня крайне приятным. Однако есть ли у меня какие-либо основания верить в то, что в моем саду действительно зарыт бриллиант, который в тысячи раз больше всех доселе найденных алмазов? Нет. Это объясняет нам, почему весы Паскаля, «прыжок веры» Кьеркегора и подобные эпистемологические фокусы не работают. Если я верю в существование Бога, это значит, что я нахожусь в каких-то отношениях с его существованием, так что само его существование — причина моей веры. Должна существовать причинно-следственная связь между фактом и тем, что я его принимаю, когда из одного следует другое. Из этого следует, что религиозные представления, чтобы мы могли их считать реальными представлениями о мире, должны в той же мере опираться на доказательства и факты, как и любые другие представления.

Если мы понимаем, что наши представления должны отражать картину мира, мы должны согласиться с тем, что они должны находиться в правильных отношениях с миром, чтобы иметь право на существование. Очевидно, что когда кто-либо утверждает, что верит в Бога на основе духовного опыта, или потому что Библия полна для него значения, или потому что он доверяет авторитету церкви, он ищет такие же обоснования, как и все люди, которые объясняют, почему они верят в какие-то обычные факты. Многие верующие не захотят согласиться с этим выводом, но такое несогласие здесь не просто бесплодно, но и непоследовательно. Для наших представлений о мире просто не существует иного логического пространства. Если религиозные утверждения претендуют на то, что они отражают устройство мира, — Бог может услышать твои молитвы; если ты будешь упоминать его имя всуе, с тобой может случиться беда и т. д., — они должны находиться в определенных отношениях с этим миром и со всеми прочими нашими представлениями о нем. И только в этом случае такие представления могут влиять на наше мышление и поведение. Если человек утверждает, что его представления отражают подлинное положение дел в мире (видимом или невидимом; духовном или земном), он должен верить в то, что его представления есть следствие того, как устроен мир. А это по определению делает его уязвимым для новых фактов. В самом

¹ Этим объясняется тот факт, что представления, которые иногда оказываются верными, не формируют наших знаний о мире, даже когда их подтверждают факты. Как уже много лет назад говорил философ Эдмунд Гетье, мы можем верить в истинность какого-то утверждения (скажем, что сейчас ровно 12:31 ночи), у нас могут быть все основания так думать (мои часы сейчас действительно показывают 12:31 ночи) и это утверждение может быть истинным (сейчас действительно 12:31 ночи), но оно не составляет знания о мире (потому что, например, мои часы сломаны и показывают правильное время лишь иногда). Философы могут здесь спорить о тонкостях, но для нас достаточно главного: чтобы наши представления действительно отражали картину мира, они должны находиться в правильной позиции относительно мира.

деле, если никакие значимые изменения в мире не могут заставить человека поставить под вопрос свои религиозные представления, значит, его представления никак не связаны с тем, что происходит в этом мире. И тогда он не вправе вообще заявлять, что его представления сколько-нибудь отражают этот мир¹.

Хотя у нас есть масса поводов для критики веры, это не значит, что вера не обладает реальной властью. Миллионы из нас даже сегодня готовы умереть за недоказанные представления, и еще больше людей готовы убивать за них других. Люди, которые переживают невыносимые страдания или находятся под угрозой смерти, нередко обретают утешение в той или иной необоснованной идее. Вера позволяет многим из нас терпеть трудности с таким хладнокровием, которое было бы невозможно в мире, опирающемся исключительно на разум. Похоже, иногда вера воздействует на тело в тех ситуациях, когда от характера ожидания — от того, ждем мы дурного или хорошего, — зависит телесное здоровье или болезнь². Но тот факт, что религиозные представления влияют на жизнь людей, ничего не говорит о *ценности* веры. Так, на поведение параноика с бредом преследования несомненно может влиять его страх перед ЦРУ, но это не значит, что его телефоны действительно прослушиваются.

Что же такое вера? Отличается ли она чем-либо от представления? Еврейский термин *אמנה* (глагол *אמן*) можно перевести как «иметь веру» или «доверять». В Септуагинте, греческом переводе Еврейской Библии, в соответствующих местах используется термин *pisteuein*, которое сохраняется и в Новом Завете, Послание к Евреям 11:1 дает такое определение вере: это «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Эти слова говорят о том, что вера сама оправдывает свое существование: похоже, сам тот факт, что кто-то верит в то, чего еще нет («ожидаемое») или для чего не существует доказательств («невидимое»), свидетельствует о подлинности веры (дает «уверенность»). Смотрите, как это работает: допустим, я с трепетом чувствую, что Николь Кидман влюбилась в меня. Поскольку мы никогда не встречались, об этом «факте» свидетельствуют только мои чувства. Я могу сказать так: мои чувства указывают на то, что между мной и Николь существует особая — и даже метафизическая — связь, иначе откуда бы у меня могли взяться такие чувства? Для начала я решаю поселиться в палатке около ее дома. Очевидно, что такого рода вера — самообман.

В данной книге я критикую веру в обычном смысле этого слова, как его понимают священные тексты, — как веру в некоторые исторические и метафизические положения и стремление жить в соответствии с ними. Похоже, смысл данного термина, как в Библии, так и в устах верующих достаточно однозначен. Конечно, некоторые богословы и созерцатели пытались рассматривать веру как духовный принцип, который стоит выше веры в желаемое. Пауль Тиллих в своей книге «Динамика веры» (1957) предпринял остроумную попытку отказаться от такого понимания веры, которую он назвал «идолопоклоннической верой», и даже утверждал, что вера ни в коем случае не тождественна представлению. Подобное делали и другие богословы. Разумеется, каждый волен пересматривать определение «веры» согласно своему пониманию и тем самым стремиться к большему соответствию термина разуму или мистическим идеалам. Но это будет не та «вера», что тысячелетиями вдохновляла верных. Я намерен говорить именно о той вере, которую

¹ Похоже, здесь мы снова натываемся на вопросы эпистемологии. Каким образом, в конце концов, мы можем реально познавать мир? В зависимости от нашего понимания слов «реально» и «мир» такого рода вопросы могут казаться нам либо бесконечно сложными, либо тривиальными. Для наших целей достаточно их тривиального понимания. Какова бы ни была природа реальности, миру нашего опыта, несомненно, присущ определенный порядок. Этот порядок проявляется по-разному, и иногда в форме устойчивых причинно-следственных связей между событиями. Между простой корреляцией и причинно-следственной связью есть большая разница. И это, по знаменитому замечанию шотландского философа Давида Юма, удивительная загадка, поскольку в мире мы сталкиваемся не с причинами, но только с устойчивой корреляцией. Почему мы в одном случае считаем явление причиной чего-то, а в других так не делаем? Это все еще предмет споров. (См. M. Wu and P. W. Cheng, «Why Causation Need Not Follow from Statistical Association: Boundary Conditions for the Evaluation of Generative and Preventative Causal Powers», *Psychological Science* 10 [1999]: 92—97.) Тем не менее, как только у нас сформировались представления о мире, они направляют наши действия, и в этом нет никакой тайны. И при этом некоторые закономерности (в которых мы находим причинно-следственные связи), которые мы кладем в основу действий, нам прекрасно служат, а другие закономерности (просто корреляции, эпифеномены) служат нам дурно. Когда мы этому удивляемся, мы просто совершаем пересмотр списка тех явлений, которые могут быть причиной других, и формируем новые представления. Нам не надо мучиться вопросами Юма, чтобы понять: если ты хочешь согреться, нужно держаться поближе к огню, а не к дыму; нам не нужно знать все возможные критерии для поиска причин, чтобы оценить логические и практические последствия веры в то, что А есть причина В, а С таковой не является. Как только мы приняли некое представление (неважно, насколько разумное), наши слова и поступки начинают выдвигать требование устранять все противоречия по мере нашего столкновения с ними.

² См. H. Benson, with M. Stark, *Timeless Healing: The Power and Biology of Belief* (New York: Scribner, 1996).

Тиллих пренебрежительно называл «актом познания, которое не слишком надежно опирается на доказательства». В конце концов, я спорю с большинством верующих любой религиозной традиции, а не с безупречным приходом Тиллиха с одним-единственным прихожанином.

Несмотря на все усилия таких людей, как Тиллих, которые стараются замаскировать змею, скрывающуюся у подножия любого алтаря, истина заключается в том, что религиозная вера — это **необоснованное** представление о предметах, которые крайне важны для человека, — особенно когда речь идет о возможности избежать разрушительного действия времени и смерти. Вера есть разновидность легковерия, которому удалось убежать от ограничений земного дискурса — таких ограничений, как разумность, внутренняя целостность и непредвзятость. И хотя вам кажется, что вы на голову выше ваших единоверцев (даже если вы в данный момент налаживаете зеркала телескопа Хаббла), вы все равно остаетесь продуктом культуры, которая ставит веру, лишённую доказательств, на первое место среди всех добродетелей. В этой сфере все основывается на невежестве — «блаженны невидевшие и уверовавшие» (Евангелие от Иоанна 20:29), — каждому ребенку внушают, что существует как минимум возможность, если не святая обязанность, игнорировать все факты о мире ради благоговения перед Богом, который живет в воображении его родителей.

Однако вере всегда свойственно плутовство. Это показывает тот факт, что любые сверхъестественные феномены религиозной жизни — плачущие статуи Мадонны или исцеленный ребенок, отбрасывающий свои костыли, — верующие здесь же объявляют подтверждением истинности их веры. В то же время верующие подобны людям, блуждающим по пустыне, которым предложили глоток холодного напитка фактов. Человеку свойственно искать оправдание для своих важнейших представлений и верить в них потому, что, как он думает, их что-то подтверждает, даже если это «что-то» находится в туманной дали. Есть ли практикующие христиане на Западе, которые бы равнодушно отнеслись к вещественным доказательствам исторической правды Евангелий? Допустим, углеродный анализ Туринской плащаницы¹ указывал бы на то, что она была соткана накануне Пасхи 29 года нашей эры. Можно ли сомневаться том, что это известие вызвало бы волну изумленного ликования во всем христианском мире?

Но та же самая вера не сдаётся и тогда, когда у нее нет никаких надежных доказательств. Стоит появиться незначительному подтверждению ее правоты, как все верующие с огромным вниманием относятся к фактам. Это говорит о том, что вера есть желание убежать от доказательств — часто при этом верующие ссылаются на то, что мы во всем убедимся в день Страшного суда или при каких-то подобных обстоятельствах. Это познание «в кредит»: верь сейчас, живи на основе недоказанной гипотезы до смерти, и потом ты убедишься в том, что был прав.

Но в любой другой сфере представления проверяются в жизни по эту сторону смерти: когда инженер говорит, что данный мост выдержит такой-то вес, или доктор утверждает, что данная инфекция устойчива к пенициллину, они опираются на доказательства, о которых можно спорить. Но мулла, священник или раввин ведут себя иначе. Никакие изменения в нашем мире или в мире их опыта не могут продемонстрировать ложность многих из их представлений. Это говорит о том, что подобные представления не основываются на исследовании мира или человеческого опыта. (Они, по выражению Карла Поппера, «не поддаются фальсификации».) Похоже, даже холокост не заставил большинство евреев усомниться в существовании всемогущего и благого Бога. Если мир, в котором половину представителей твоего народа сжигают в печах, не опровергает существования всемогущего Бога, заботящегося о тебе, значит, подобных опровержений просто не существует. Каким образом мулла знает, что Коран есть дословная запись слов Бога? На этот вопрос на любом языке можно дать лишь один ответ, который не содержит издевательства над словом «знает»: **он этого не знает.**

¹ Туринская плащаница — это, возможно, наиболее почитаемая реликвия христианского мира, потому что христиане думают, что именно в нее завернули тело Иисуса в момент его погребения. В 1988 году Ватикан позволил провести углеродный анализ возраста ткани трем независимым лабораториям (Оксфорда, Университета Аризоны и Федерального технического института в Цюрихе) для изучения слепым методом, которое координировал Британский музей. Все три лаборатории пришли к выводу, что плащаница — средневековая подделка, созданная между 1260 и 1390 годами.

Вера — это просто разновидность представлений человека о мире, причем мы как представители нашей культуры сказали человеку, что такие представления о вещах особой важности не требуют доказательств. Нам пора понять, насколько опасна подобная балканизация нашего дискурса. Нам следует посмотреть на любое богословское «знание» глазами человека, у которого утром 11 сентября 2001 года только что начался рабочий день на сотом этаже Всемирного торгового центра. Он мог минуту назад думать о родных и друзьях, или о том, что ему предстоит делать, или о кофе, в котором не хватает сахара — и здесь все обрывается, и перед ним с ужасающей ясностью и простотой встают другие мысли: ожидать ли ему, когда он сгорит живьем в топливе аэроплана, или прыгнуть вниз на асфальт с трехсотметровой высоты. Нам следует взглянуть на веру глазами тысяч мужчин, женщин и детей, у которых с невероятной быстротой отняли жизнь и которые умерли в глубоком ужасе и страхе. Виновники бедствий 11 сентября явно не были «трусами», как их постоянно называли западные СМИ, или помешанными в обычном смысле этого слова. Это были люди веры — как оказалось, совершенной веры, — и нам пора понять, что вера представляет собой ужасное явление.

Я не сомневаюсь в том, что подобное заключение о вере покажется слишком суровым многим читателям, особенно тем, кто сам черпает в ней утешение. Однако тот факт, что необоснованные представления дают утешение, не доказывает их истинности. Если бы каждый врач говорил умирающим пациентам, что их ждет полное выздоровление, это бы утешило многих из них, однако — ценой потери истины. Но почему нас должна заботить истина? Нужно, чтобы родился новый Сократ, который дал бы ответ на такой вопрос. Нам же достаточно заметить, что истина крайне важна для самих верующих — ведь они верят именно в *истинность* своего учения. Верующие никогда не говорили, что утешение для них дороже истины, и любая религия содержит ужасные утверждения, которые вовсе не утешают, но в которые нужно верить, хотя они доставляют боль, чтобы ни один темный уголок реальности не остался вне сферы «знания».

Верующие очень высоко ставят истинность. В этом смысле они подобны многим философам и ученым. Верующие говорят, что они обладают знанием о святых, спасительных и метафизических истинах: Христос умер за наши грехи; он есть Сын Божий; все люди наделены душой, которая попадет на суд после смерти. Эти утверждения претендуют на описание законов нашего мира. Доктрина имеет цену лишь в том случае, если она согласуется с реальностью в целом, только тогда вера человека полезна, спасительна или имеет право на существование, потому что верить в доктрину означает верить в ее истинность. Именно об истинности говорят тогда, когда хотят показать, что все другие веры ложны. Еретические доктрины ложны по определению и заслуживают презрения именно потому, что содержат ложь. Таким образом, если христианин не претендует на обладание знанием, которое основывается на буквальном понимании Писания, то он ничем не отличается от мусульманина, иудея или даже атеиста. Если бы он (с помощью какого-то неопровержимого доказательства) убедился в том, что Христос родился во грехе и умер, подобно животному, от его веры ничего бы не осталось. Вера никогда не была равнодушной к истине, однако сама природа веры не дает ей способности отличать истину от лжи в тех самых вопросах, которые ее больше всего занимают.

Верующий может вести себя в «мирских делах» так же, как и его неверующий сосед — то есть более или менее разумно. Принимая серьезные решения, он должен точно так же опираться на достоверные факты, как и все прочие люди. Когда Свидетели Иеговы отказываются от переливания крови или адепты Христианской науки отвергают все достижения современной медицины, это может показаться исключением из правила, однако это не так. Эти люди действуют рационально в контексте своих религиозных представлений. В конце концов, мать не будет отказываться давать лекарства ребенку по религиозным причинам, если она просто думает, что религия приносит ей утешение. Она должна верить, что ее спасение зависит от проявлений веры в силу Бога и от почтения к нему, и ради этого она даже готова рисковать жизнью своего ребенка. Это, казалось бы, неразумное поведение стоит на службе разуму, потому что оно призвано на практике свидетельствовать об истинности религиозной доктрины. На самом деле, даже самые причудливые проявления веры бывают совершенно рациональными в контексте религиозных представлений. Возьмем танцы со змеями пятидесятников как особо яркий пример: этим они демонстрируют и свою веру в буквально понимаемые слова Библии (в данном случае — Евангелия от

Марка 16:1 В), и истинность этой веры. Поэтому они берут в руки змей (обычно это разные виды гремучей змеи) и пьют яд (чаще всего стрихнин), чтобы подтвердить обетование Христа: «будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им». При этом, что неудивительно, некоторые из них умирают, как умер в 1955 году от укуса змеи основоположник такой практики Джордж Хенсли — это доказывает, как можно думать, не слабость их веры, но силу змеиного яда и стрихнина.

Вера определяет то, что кажется человеку разумным на данный момент. Когда члены секты «Небесные врата» не смогли найти космический корабль, который, как они верили, следует за кометой Хейл-Боппа, они вернули в магазин телескоп стоимостью в четыре тысячи долларов, думая, что им продали испорченный инструмент.

Но вера выплачивает свои дивиденды благодаря сопутствующему убеждению в том, что будущее будет лучше или хотя бы не хуже прошлого. Вспомним знаменитые слова Юлиании Норичской (примерно 1342-1413), которыми она хотела кратко передать суть Евангелия: «Все будет хорошо, и всем будет хорошо, и все вещи будут хороши». Притягательность любого религиозного учения кроется именно в этом, а не в каких-то более возвышенных или непостижимых вещах: **в итоге все будет хорошо**. Вера позволяет наслаждаться этим утверждением уже сейчас и надеяться на то, что оно осуществится в будущем. При этом **подлинное** существование подобного процесса, тот **факт**, что, произнеся особые слова и съев кусочек хлеба, верующий обретает спасение, **уверенность** в том, что Бог видит и слушает тебя и готовит для тебя вечную награду, — то есть, если сказать кратко, соответствие доктрины реальности — исключительно важно для верующего.

Загадочное поветрие в июне [1348 года] достигло Парижа и поражало сей город в течение полутора лет... Король Филипп [VI] попросил преподавателей медицины Парижского университета объяснить ему, чем вызвано это бедствие. Как сообщили ему профессора, беспорядок среди светил привел к тому, что солнце перегрело воды Индийского океана, из которых начали подниматься пагубные испарения. Ученые мужи сообщили королю о различных мерах борьбы с поветрием. Можно, например, употреблять мясной бульон с молотым перцем, имбирем и чесноком. Следует избегать мяса домашних и водоплавающих птиц, молодых свиней и вообще жирного мяса. Крайне опасно оливковое масло. Следует воздерживаться от купания, однако клизмы могут принести пользу. «Мужчины должны соблюдать целомудрие, — сказали медики, — если они ценят свою жизнь».

Короля беспокоило то, что на его подданных обрушился гнев Божий. Он издал закон против богохульства. Виновному в этом преступлении в первый раз отрезают одну губу, во второй раз — другую, в третий — язык...

Городские власти приняли меры против распространения паники. Они отдали распоряжение не звонить в колокола при похоронах и запретили ношение черной одежды. Они запретили собираться группами более двух человек на похоронах и выражать скорбь на публике. Чтобы умилостивить Божий гнев, приведший к такому бедствию, они запретили любого вида работу после полудня по воскресеньям, все азартные игры и сквернословие и велели всем людям, сожителям в грехе, немедленно вступить в брак.

Ли Миуси [настоятель монастыря Турнэ] с удовлетворением отметил, что количество свадеб заметно увеличилось, люди перестали произносить богохульства, а из-за того, что прекратились азартные игры, ремесленники, изготавливавшие игральные кости, начали делать четки. Он также записал, что в этом месте, где снова воцарился дух добродетелей, поветрие унесло жизнь 25 тысяч граждан, которых хоронили в больших ямах, вырытых на окраине города¹.

¹ O. Friedrich, The End of the World: A History (New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1982), 122—24,

Где же кончались религиозные и начинались светские представления людей той эпохи? Ведь, несомненно, испуганные христиане XIV века жаждали **знаний** (то есть представлений, которые одновременно истинны и ценны) о природе чумы, ее причинах и путях распространения и надеялись найти эффективные средства для борьбы с болезнью. Они обращались к религии исключительно из-за своего глубокого невежества в этих вопросах. Если бы они, скажем, знали, что чума прибывает к ним с кораблями купцов с крысами, которые выбирались на берег, неся на себе легионы блох с бациллами болезни, — стали бы они тратить энергию на отрезание языков богохульников, на колокола, цвет одежды и повсеместное использование клизм? Их бы убедил пенициллин, который появился не в низине их невежества, но на склонах высоких гор реальности.

ВЕРА И БЕЗУМИЕ

Мы могли убедиться в том, что наши представления тесно связаны и со структурой речи и с видимой структурой мира. Наша «свобода веры» крайне невелика, если она существует вообще. Свободен ли человек верить в утверждения, для которых нет доказательств? Нет. Только доказательства (органов чувств или логические) позволяют сказать, что данное представление о мире — **реально**. У нас есть ряд терминов, которые описывают людей, опирающихся на лишние доказательства представления. Когда эти представления широко распространены, мы называем людей «верующими», в других же случаях мы называем их «сумасшедшими», «помешанными» или «психотиками». Конечно, большинство верующих не страдает тяжелыми психическими расстройствами, даже если они совершают злодеяния во имя своей веры. Но чем человек, который верит в то, что, убив несколько израильских подростков, он отправится в рай к семидесяти двум девственницам, отличается от человека, который верит, что обитатели Альфа-Центавра посылают ему лучи мира с помощью фена, которым он сушит волосы? Отличие здесь, конечно, существует, но оно не выставляет религию в выгодном свете.

Надо быть человеком определенного рода, если веришь в то, во что больше никто не верит. Если некто строит свою жизнь на основе идей, для которых нет доказательств (и которое потому невозможно оправдать в разговорах с другими людьми), это обычно означает, что ум данного человека глубоко расстроен. Разумеется, существует масса психически здоровых людей с такими представлениями. Тем не менее, только курьезом истории можно объяснить этот удивительный факт: наше общество считает нормальным веру в то, что Творец вселенной может знать твои мысли, но считает ненормальным веру в то, что Бог посылает тебе сообщения в коде Морзе с помощью стука капель дождя по подоконнику в твоей спальне. Таким образом, хотя верующие обычно не принадлежат к сумасшедшим, их представления целиком и полностью относятся к категории сумасшествия. И это неудивительно, поскольку большинство религий канонизировало плоды древнего невежества и неразумия, передав их нам как непреложные истины. И в силу этого миллионы из нас верят в такие вещи, в которые не может поверить ни один человек в здравом уме, если бы он мыслил самостоятельно. Фактически трудно найти более яркую аналогию сумасшествия где-либо еще, кроме тех представлений, которые существуют во многих религиозных традициях. Рассмотрим одно из краеугольных положений католичества:

Исповедую также, что во время Мессы Богу приносится истинная Жертва, искупительная для живых и мертвых, и что в Пресвятом Таинстве Евхаристии присутствуют истинно, реально и сущностью Тело и Кровь вместе с Душой и Божеством Господа нашего Иисуса Христа, и что совершается превращение всей сущности хлеба в Его Тело и всей сущности вина в Его Кровь, каковое обращение Католическая Церковь называет Пресуществлением. Утверждаю также, что под каждым из этих видов целиком находится нераздельный Христос и принимается истинное Таинство¹.

Иисуса Христа — того, который, согласно представлениям христиан, родился от девственницы, перехитрил смерть и в теле вознесся на небеса, — теперь можно есть в форме кусочка хлеба. Стоит произнести несколько латинских слов над вашим любимым бургундским — и тогда вы можете пить его кровь. Можно ли сомневаться в том, что человека, который в это верит, объявили бы сумасшедшим, если бы другие люди

¹ Цитата взята из: The Profession of Faith of the Roman Catholic Church.

не разделили этого представления? И можно ли сомневаться в том, что такой человек и на самом деле **был** бы сумасшедшим? Опасность религии состоит в том, что она позволяет нормальным людям пользоваться плодами безумия предков, которые религия считает **священными**. Поскольку каждому поколению детей снова внушают ту мысль, что религиозные утверждения, в отличие от любых других, не нужно доказывать, наша цивилизация до сих пор находится в плену нелепостей. Мы до сих пор убиваем себя с помощью древних текстов. Кто бы мог себе представить, что такой трагический абсурд вообще возможен?

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В ТО, ВО ЧТО ВЕРИМ

Как правило, мы верим в то или иное утверждение о мире потому, что услышали его от других. Наши представления строятся на мнениях специалистов и свидетельствах обычных людей — так устроен мир. Фактически чем выше уровень образования общества, тем больше знаний мы получаем не из первых рук. Человек, который верил бы только в то, что он сам может доказать с помощью опытов или теоретических конструкций, знал бы очень немного — если бы его невежество не стало причиной его преждевременной смерти. Откуда вы знаете, что падение с десятого этажа опасно для здоровья? Если вы сами не видели человека, погибшего при падении, вы принимаете на веру авторитетные мнения других людей¹. И это логично. Жизнь слишком коротка, а мир слишком сложен, чтобы человек мог познать его без помощи других. Мы неизбежно полагаемся на ум и добросовестность, если не на доброту, незнакомцев.

Из этого не нужно делать вывод, что все источники знаний равноценны, и не следует думать, что всегда можно полагаться даже на знания лучших специалистов. Существуют надежные и сомнительные аргументы, точные и не слишком точные наблюдения, и в итоге каждый из нас должен сам решать, надо ли ему принимать данное представление о мире или нет.

Рассмотрим несколько разных источников информации:

1. Ведущий вечернего выпуска новостей сообщает нам, что в Колорадо пылает огромный пожар. Он занимает площадь в сто тысяч акров и пока не локализован.

2. Биологи утверждают, что ДНК есть молекулярная основа полового размножения. Каждый из нас напоминает своих родителей по той причине, что мы получаем от них их комплект ДНК. У нас есть руки и ноги по той причине, что в ДНК хранится информация о протеинах, которые формируют конечности в процессе нашего внутриутробного развития.

3. Папа говорит, что Иисус родился от девы и телесно воскрес после смерти. Он есть Сын Божий, создавший вселенную за шесть дней. Если вы верите в это, вы отправитесь на небеса после смерти, а если не верите, вас ждет ад, где вы будете мучиться вечно.

Чем отличаются эти свидетельства одно от другого? Почему не каждое «мнение специалиста» заслуживает равного внимания? На основании всего того, о чем мы говорили, нам будет нетрудно решить, что первые два достойны доверия, а третье — нет.

Утверждение 1. Почему мы должны верить рассказу о пожаре в Колорадо? Вдруг нас обманули? Но что мы скажем о переданных кадрах, где мы видим объятые пламенем холмы и самолеты, с которых что-то сбрасывают, чтобы остановить распространение огня? Может быть, их снимали в другом штате, где тоже идет пожар? Допустим, на самом деле пожар бушует в Техасе, Разумны ли подобные предположения? Нет. Почему? Здесь действует фактор под названием «здравый смысл». Наши представления о мышлении других людей и об их успешном сотрудничестве, а также о достоверности новостей не позволяют предположить, что почтенный телеканал и знаменитый ведущий стали бы транслировать выдумку или что тысячи пожарных, журналистов и испуганных домовладельцев спутали Техас с Колорадо. За нашим здравым смыслом стоят представления о причинно-следственных связях между различными событиями в мире, а также о правдоподобии и корыстных умыслах (или их отсутствии) тех, кто свидетельствует о каком-то происшествии. Какую выгоду мог бы преследовать профессиональный телеведущий, если бы он давал

¹ Это представление косвенно влияет на нашу нервную систему и поведение и, несомненно, сохраняется на генетическом уровне. Следует отметить, что и животные не прыгают вниз с утесов.

ложную информацию о пожаре? Нам здесь не обязательно вдаваться в подробности: если ведущий вечерних новостей сообщает нам о пожаре в Колорадо, а затем нам показывают горящие деревья, разумно сделать вывод, что в Колорадо действительно пылает пожар.

Утверждение 2. Что мы можем сказать об «истинах» науки? Они **реальны**? Было написано немало трудов о том, что научным теориям присущ достаточно случайный и временный характер. Карл Поппер утверждал, что мы никогда не в силах доказать верность такой-то теории, но просто не можем доказать, что она ложна¹. Томас Кун говорил, что научные теории подвергаются радикальному пересмотру в течение жизни одного поколения, и потому они не приближаются к истине². Нет ни одного положения наших теорий, которое завтра не могут признать неверным. В какой же мере мы можем им доверять? Многие слишком доверчивые потребители этих идей пришли к выводу, что наука — это просто одна из форм человеческого дискурса и что она не больше связана с реальностью, чем литература или религия. Нам просто предлагают набор истин, из которых мы можем выбирать то, что нам нравится.

Однако разные формы дискурса не равноценны друг другу в силу той простой причины, что не во всех сферах дискурса существует одинаковое желание **найти** обоснование для истин (а в некоторых оно, быть может, вообще отсутствует). Наука занимает особое место именно потому, что это плод наиболее серьезных усилий по проверке истинности наших представлений о мире (или хотя бы стремления выявить возможные противоречия)³. Мы это делаем, включая в контекст любой научной теории эксперименты и наблюдения. Если мы считаем, что такая-то теория, возможно, неверна, это не значит, что она неверна во всех своих частностях или что какая-то иная теория в той же мере может оказаться верной. Какова вероятность того, что ДНК **не** является основой для передачи генетической информации? Если это не так, значит, нам еще долго придется исследовать Мать-Природу. Мы должны узнать, почему пятьдесят лет исследований, которые демонстрируют наличие устойчивых корреляций между генотипом и фенотипом (включая воспроизводимый эффект конкретных генетических мутаций), давали нам неверные результаты. Любая новая теория, которая могла бы прийти на смену нынешней, основанной на молекулярной биологии, должна будет дать объяснение всему накопленному морю фактов, которые подтверждают теорию ДНК. Какова вероятность того, что однажды человечество признает, что ДНК не имеет **никакого отношения** к передаче информации? Вряд ли она заметно превышает ноль.

Утверждение 3. Можем ли мы доверять словам папы? Разумеется, именно это делают миллионы католиков. Папу даже считают **непогрешимым** в вопросах веры и нравственности. Вправе ли мы утверждать, что католики **ошибаются**, когда считают, что папа знает, о чем он говорит? Да, мы вправе это делать.

Мы знаем, что многие важнейшие представления папы невозможно подтвердить фактами. Откуда человек, родившийся в XX веке, может узнать, что Христос действительно родился от девственницы? Какие умозаключения (хотя бы мистического характера) представляют нам необходимые факты о сексуальной жизни галилейской женщины (причем эти факты противоречат всему, что мы знаем о биологии)? Такого метода просто не существует. Нам не помогла бы даже машина времени, разве что мы стали бы следить за Марией по двадцать четыре часа в сутки в течение нескольких месяцев, предшествовавших рождению Иисуса.

Опыт визионеров никогда не помогает ответить на вопрос об историчности какого-либо факта. Представим себе, что папа во сне увидел Иисуса, похожего на того, который изображен кистью да Винчи. Папа даже не смог бы сказать, что Иисус его сна выглядел **как настоящий** Иисус. Сколько бы снов и видений он ни видел, папа со своей непогрешимостью не может вынести хотя бы суждение о том, была ли у исторического Иисуса борода, не говоря уже о том, был ли он действительно Сыном Божьим, рожденным от девы, или мог ли он воскрешать умерших. Духовный опыт не позволяет давать ответы на подобные вопросы.

¹ K. Popper, *The Logic of Scientific Discovery* (1959; reprint, London: Routledge, 1972), and *Objective Knowledge* (1972; reprint, Oxford: Clarendon Press, 1995).

² T. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (1962; reprint, Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970).

³ Как Поппер, так и Кун говорят интересные и ценные вещи о философии науки и о проблемах научного познания, но благодаря их трудам у людей (особенно у тех, кто эти труды не читал) появилось насмешливое отношение к науке. Однако, несмотря на все действительно трудные проблемы эпистемологии, которые нужно ставить, существуют степени разумности, о которых имеет представление любой человек в здравом уме. Не все знания равноценны по надежности своих оснований.

Разумеется, некоторые видения — видел ли их папа или мы сами — можно верифицировать. Если в видении Иисус сообщит кому-то: «В библиотеке Ватикана хранится ровно тридцать семь тысяч двести двадцать шесть книг», — и окажется, что это именно так, мы можем признать, что, по меньшей мере, вступили **в диалог** с тем, кто может нам что-то поведать об устройстве мира. Если бы мы узнали о существовании достаточного количества подобных проверяемых высказываний из видений папы, мы могли бы серьезнее относиться к другим высказываниям Иисуса. В этом случае его авторитет строился бы на единственно возможном основании — на таких утверждениях о мире, которые можно затем проверить с помощью наблюдений. В случае утверждения 3 нам очевидно, что папа мог бы сослаться только на авторитет Библии. Этот текст не может служить надежным основанием для его представлений, учитывая критерии доказательств, которые применялись во время его создания.

Что же нам делать с пресловутой свободой религий? Здесь нет никакого отличия от свободы журналистики или биологии. Если человек верит, что СМИ намеренно скрывают информацию о пожаре или что молекулярная биология — это просто гипотеза, которая может оказаться совершенно неверной, то он просто использует свою свободу для того, чтобы выставить себя дураком. Религиозное неразумие должно было бы казаться нам еще более опасным, поскольку оно остается одной из важнейших причин вооруженных конфликтов в мире. Вы не успеете дочитать этот абзац до конца, как, вероятно, еще один человек в мире погибнет из-за чьей-то веры в Бога. Быть может, настало время потребовать от наших ближних, чтобы они нашли более надежные основания своей вере — если эти основания, конечно, существуют?

Нам нужно начать свободнее говорить о содержании священных книг, выходя за рамки робкого отклонения от ортодоксии наших современников — христиан, которые начали рукополагать геев и лесбиянок, мусульманских священнослужителей, которые уже не желают отрубать кому-либо конечности на глазах у зрителей, или людей, которые ходят в церковь, но ни разу внимательно не читали Библию. Пристальное изучение этих книг и истории религий показывает, что нет такого жестокого поступка, который нельзя было бы оправдать (или даже сделать священной обязанностью) с помощью ссылки на священные тексты. Только в силу того, что мы ловко закрываем глаза на отрывки, в каноническом статусе которых никто не сомневался, мы не убиваем друг друга во славу Божью. Здесь остается справедливым следующее замечание Бертрана Рассела:

В Мексике и Перу испанцы крестили индейских младенцев, а потом тотчас же разбивали им головы: это вселяло в них уверенность в том, что дети попадут на небеса. Ни один ортодоксальный христианин не сможет найти логических оснований для того, чтобы осудить подобную практику, хотя сегодня все ее осуждают, Христианское учение о личном бессмертии во многом оказывает разрушительное действие на нравственность...¹

Несомненно, существуют миллионы людей, которых вера вдохновляет на удивительное самопожертвование ради других. Помощь бедным, которую оказывают христианские миссионеры в странах развивающегося мира, говорит о том, что религиозные идеи могут порождать прекрасные и нужные действия. Но существуют более хорошие причины для самопожертвования, чем те, что предлагают религии. Тот факт, что вера стоит за многими добрыми поступками, вовсе не означает, что вера есть необходимый (или хотя бы хороший) источник добра. Человек может — и даже на разумных основаниях — рисковать своей жизнью ради других, и когда он не разделяет этих невероятных представлений о природе вселенной.

Напротив, самые ужасающие преступления против человечества всегда основывались на недоказанных представлениях. Это просто трюизм. Геноцид в любой его форме никогда не отражал рациональности злодеев просто потому, что не существует **надежных** причин убивать мирное население без разбора. И даже когда подобные преступления совершались не на основе религии, для их осуществления требовалось великое легкоеверие общества. Вспомним о миллионах людей, убитых Сталиным и Мао: хотя эти диктаторы

¹ B. Russell, Why I Am Not a Christian, ed. P. Edwards (New York: Simon and Schuster 1957), 35.

на словах восхваляли разум, коммунизм был не чем иным, как политической религией¹. В сердце аппарата угнетения и террора таилась догматичная идеология, в жертву которой приносили одно поколение за другим. Хотя эти представления не касались загробной жизни, они обладали культовым и иррациональным характером. В качестве примера можно вспомнить о знаменитой «социалистической» биологии Лысенко — противостоящей «капиталистической» теории Менделя и Дарвина, — которая способствовала гибели миллионов людей в Советском Союзе и Китае в периоды голода в первой половине XX столетия.

В следующей главе мы рассмотрим два самых мрачных эпизода в истории веры: инквизицию и холокост. Первый я выбрал как показательный пример, потому что трудно найти подобное событие, когда бы столько обычных людей стали безумцами из-за своей веры в Бога и когда бы люди с такой настойчивостью сопротивлялись разуму, что привело к ужасающим последствиям. Холокост имеет отношение к нашей теме именно потому, что его обычно не связывают с религией. Но это неверно. Антисемитизм, который вдохновлял людей на строительство крематориев — и который процветает и сегодня, — был порождением христианского богословия. Сознавали они то или нет, нацисты оказались служителями религии.

3. В ТЕНИ БОГА

ВЕДЬМЫ, ИНКВИЗИЦИЯ, ЕВРЕИ, ХОЛОКОСТ

Вас внезапно арестовывают и тащат на суд. Не вы ли вызвали грозу, которая погубила урожай в деревне? Вы убили соседа дурным глазом? Вы сомневаетесь в том, что Христос телесно присутствует в Евхаристии? Скоро вы поймете, что в случае подобных обвинений перед судьями оправдаться невозможно.

Вам не сообщают имена обвинителей. Кто они, не имеет значения, потому что если даже они позже откажутся от своих обвинений, их просто накажут как лжесвидетелей, но их изначальные показания против вас вполне сохранят свой вес. Судебная машина так прекрасно смазана маслом веры, что на нее ничто уже не может повлиять.

Но у вас есть выбор, если здесь уместно такое слово. Во-первых, вы можете признать свою вину и выдать соучастников. Да, разумеется, с вами вместе действовали сообщники. Никакое признание своей вины не принимается, пока вы не укажете списка имен тех, кто вместе с вами совершал преступления. Возможно, вы с тремя вашими знакомыми **действительно** превратились в зайцев и в таком виде общались с дьяволом. Один вид железных сапог, в которых будут ломать кости ваших ступней, освежает вашу память. Да, Фридрих, Артур и Отто тоже колдуны. А их жены? Разумеется, они все ведьмы.

Затем вас наказывают соответственно преступлению. Это может быть бичевание, пешее паломничество в Святую землю, конфискация имущества или, вероятнее, долгое заключение, иногда пожизненное. Ваши сообщники тоже скоро познакомятся с пытками.

Либо вы можете настаивать на своей невиновности, что, скорее всего, соответствует действительности (мало кто может вызвать грозу). В этом случае тюремщики будут вас мучить всеми возможными способами, чтобы, в конце концов, сжечь вас живьем. Вас могут держать в совершенно темной камере месяцы или годы подряд, вас могут избивать и лишать пищи или терзать на дыбе. В застенке вам могут сжимать в тисках пальцы, могут засовывать в рот, во влагище или в задний проход инструменты для расширения отверстий, которые причинят невыносимые муки. Вас могут подвесить к потолку на **strappado** (когда руки, связанные за спиной, тянет вверх веревка на воротах, а к ногам привязывают груз), вывихнув плечевые суставы. К этому могут добавить **squassation**, после которого подозреваемые в иных случаях умирали, что избавляло их от мук сожжения². Если вам не повезло и дело происходит в Испании, где пытки при дознании

¹ J. Glover, *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999) говорит о том же. См. также A. N. Yakovlev, *A Century of Violence in Soviet Russia* (New Haven: Yale Univ. Press, 2002).

² Что же касается squassation, это делается следующим образом. Руки заключенного связывают за спиной, к ногам его привязывают груз, а затем его высоко поднимают, так что его голова касается ворота. После того, как он повисит так какое-то время, благодаря тяжести груза, привязанного к ногам, все его суставы и конечности медленно растягиваются. Затем веревку внезапно отпускают, так что он падает вниз, но не касается земли, и благодаря такой встряске его руки и ноги выходят из суставов, а он испытывает самую острую боль; сотрясение, когда он падает и резко останавливается, не касаясь земли, и груз, привязанный к ногам,

достигали запредельной жестокости, вас могут посадить на «испанское кресло»: железное сиденье с колодками, которые фиксировали шею и конечности. Ради спасения вашей души между вашими голыми стопами ставили жаровню с горящими углями, так что ноги начинали медленно поджариваться. Поскольку грязь ереси проникает глубоко, вашу плоть постоянно смазывают жиром, чтобы она не горела слишком быстро. Либо вас могут привязать к скамейке, прикрепив к вашему голому животу котелок с мышами. Затем жар нужной температуры заставит мышей, отчаянно ищущих выхода, делать норы в вашем животе¹.

Если вы, обезумев от пыток, признаетесь в том, что вы действительно еретик, колдун или ведьма, вам нужно будет подробно описать все ваши злодеяния судье — если же вы попытаетесь отказаться от своих слов, заявив, что вы дали ложные показания под пытками, вас либо снова вернут к вашим палачам, либо прямо отправят на костер. Если же вы признаете свою вину и покаетесь в грехах, сострадательные и ученые мужи, забота которых о судьбе вашей вечной души безгранична, окажут вам милость: задушат вас прежде сожжения².

Средневековая церковь быстро поняла, что Хорошая Книга достаточно хороша и предлагает широкий набор средств для искоренения ересей: от публичного побивания камнями до сожжения живьем³. При буквальном понимании Ветхого Завета убийство еретиков не просто оправданно, но является **обязанностью**. И оказалось, что всегда было несложно найти людей, которые готовы выполнить этот священный долг просто потому, что они доверяли церкви — поскольку обладание Библией на родном европейском языке тогда еще расценивалось как серьезное преступление⁴. Фактически Писание было недоступно для обычного человека до XVI века. Как мы уже отмечали, в каноне инквизиторов на первом месте стояло Второзаконие, которое прямо предписывает верным убивать своих ближних, включая членов семьи, которые симпатизировали чужим богам. Автор этого текста демонстрирует такие глубины тоталитаризма, которые мало где еще встретишь: он требует, чтобы людей, которые брезгуют убивать отступников, самих лишили жизни (Втор 17:12—13)⁵. И если кто-то думает, что в Писании нет оправдания инквизиции, ему достаточно открыть Библию, чтобы убедиться в ошибочности этого мнения:

Если услышишь о каком-либо из городов твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе для жительства, что появились в нем нечестивые люди из среды тебя и соблазнили жителей города их, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали», — то ты разыщи, исследуй и хорошо расспроси; и если это точная правда, что случилась мерзость сия среди тебя, порази жителей того города острием меча, предай закланию его и все, что в нем, и скот его порази острием меча; всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнем город и всю добычу его во всесожжение Господу, Богу твоему, и да будет он вечно в развалинах, не должно никогда вновь созидать его (Втор 13:12-16).

растягивают его тело сильнее и причиняют большие муки. John Marchant, цитируется по J. Swain, *The Pleasures of the Torture Chamber* (New York: Dorset Press, 1931), 169.

¹ Ibid., 174-75, 178.

² См. Swain, *Pleasures*; O. Friedrich, *The End of the World: A History* (New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1982); L. George, *Crimes of Perception: An Encyclopedia of Heresies and Heretics* (New York: Paragon House, 1995).

³ Новый Завет иногда прямо упоминает о ересь и пронизан естественной нетерпимостью к отклонению в вопросах веры. См. 1 Кор 11:19, Гал 5:20, 2 Петр 2:1, Рим 16:17, 1 Кор 1:10; 3:3; 14:33, Флп 4:2, Иуд 19.

⁴ Нам достаточно вспомнить о том, что случилось с Уильямом Тиндейлом в 1536 году, после того как он издал свой перевод Нового Завета на английский. Затем, думая, что ему ничего не угрожает, он отправился в Антверпен. Но он не осознавал всей серьезности содеянного им преступления и упорства своего суверена [Генриха VIII, отличавшегося своим благочестием]. Британские агенты не переставали его искать. По желанию Генриха он был заключен в темницу замка в Вильфорде, неподалеку от Брюсселя, где его судили и признали виновным в ереси, после чего повесили. Его тело сожгли на глазах у публики в знак предостережения для тех, кого искушает мысль последовать подобному безумию. См. W. Manchester, *A World Lit Only by Fire: The Medieval Mind and the Renaissance* (Boston: Little, Brown, 1992), 204.

⁵ Тем не менее Библия требовала, чтобы обвинение в «служении иным богам» подтвердили как минимум двое свидетелей, которые должны первыми бросить камни в преступника (Втор 17:6—7). Инквизиторы отказались от этого правила ради более эффективной работы своей машины.

По понятным причинам церковь обычно игнорировала последний призыв Библии — она не уничтожала собственность еретиков.

Иисус не только призывал нас исполнять каждую «йоту» и «черту» ветхозаветного закона¹, но, похоже, предложил дальнейшее усовершенствование практики убийства еретиков и неверующих: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин 15:6). Конечно, мы, если захотим, вправе увидеть в этих словах метафору. Но проблема с Писанием состоит в том, что многие тексты здесь (в том числе — понятые буквально) можно использовать для оправдания жестокостей ради защиты веры.

Формально святая инквизиция была создана в 1184 году при папе Луции III для борьбы с популярным движением катаров. Катары (от греческого слова *kataroi* — «чистые») были особым направлением манихейства (самого Мани в 276 году н. э. замучили до смерти по распоряжению зороастрийских священников); они считали, что материальный мир был создан сатаной и потому он зол по самой своей природе. Среди катаров произошел раскол, и в каждой из сект возникло разделение на особо посвященных *perfekti* («совершенных») и их почитателей, простых *credentes* («верующих»). *Perfekti* не ели ни мяса, ни яиц, ни сыра, ни жира, постились по несколько дней подряд, стойко соблюдали целомудрие и отказывались от любого личного богатства. Жизнь *perfekti* была столь суровой, что большинство *credentes* вступали в их ряды лишь на пороге смерти, чтобы, пожив в свое удовольствие, успеть предстать перед Богом в святости. Святой Бернар, который неуспешно пытался сражаться с этой суровой доктриной силами церкви, так объяснял причину своей неудачи: «Собеседования (с катарами) совершенно бесполезны... кроме того, они подкрепляют свои слова делами. Что касается нравственности еретика, то он никого не обманывает, никого не угнетает, никого не бьет; его щеки бледны от поста... она зарабатывает себе на хлеб, трудясь своими руками»².

Похоже, эти люди были всем прекрасны, за исключением одного — их неортодоксальных представлений о сотворении мира. Тем не менее, ересь есть ересь. Любой человек, который верит в то, что Библия есть непогрешимое слово Бога, понимает, почему таких людей следует убивать.

В начале инквизиция была достаточно мягкой (использование пыток в процессе расследования еще не было официально санкционировано, это произошло в 1215 году на IV Латеранском соборе), но появились две вещи, которые способствовали сохранению этого института. Во-первых, в 1199 году папа Иннокентий III отдал распоряжение о том, что все конфискованное имущество еретиков переходит в собственность церкви, затем церковь начала делиться добычей с местными чиновниками и обвинителями жертвы — как вознаграждение за чистосердечие последних. Во-вторых, возник орден доминиканцев³. Святой Доминик, выражая мысли всех добрых католиков своего времени, заявил катарам: «Многие годы я тщетно уговаривал вас с кротостью, проповедовал, молился, плакал. Однако в моей стране принято говорить: «Где благословением ничего не добьешься, пользуются ударом». Мы поднимем против вас князей и прелатов, которые, увы, вооружат народы и царства против этой земли...»⁴. Похоже, у святости есть самые разные проявления. С появлением священного ордена нищенствующих доминиканцев инквизиция могла взяться за свое дело серьезно. Хотя общее варварство того времени способно вселить в нас ужас при чтении

¹ Мф 5:18.

² Friedrich, *End of the World*, 70.

³ Надо заметить, что и францисканцы не остались здесь в стороне. Вот что об этом писал Расселл (B. Russell, *A History of Western Philosophy*, New York: Simon and Schuster, 1945, 450): Если бы сатана существовал, история ордена, основанного святым Франциском, принесла бы ему глубокое удовлетворение. Непосредственный преемник Франциска брат Илия купался в роскоши и совершенно оставил традицию бедности. Главным делом, за которое взялись францисканцы в первые же годы после смерти своего основателя, была вербовка бойцов для тяжелой и кровавой войны между гвельфами и гибеллинами. Инквизицией, появившейся через семь лет после смерти Франциска, в некоторых странах руководили францисканцы. Горстка францисканцев, которых называли «спиритуалами», осталась верна своему основателю, многие из них погибли от рук инквизиции по обвинению в ереси. Эти люди говорили, что у Христа и апостолов не было собственности или даже запасов одежды; в 1323 году папа Иоанн III признал это мнение еретическим. Таким образом, святой Франциск оказался создателем очередного богатого и продажного ордена, усилил позицию иерархии и способствовал преследованию тех, кто стремился к нравственному совершенству или свободомыслию. Если учитывать его собственный характер и его цели, трудно представить себе более печальный исход.

⁴ Friedrich, *End of the World*, 74.

исторических хроник, важно помнить, что все исполнители инквизиции — палачи, осведомители и те, кто руководил их действиями, — были клириками того или иного ранга. Это были Божьи люди — папы, епископы, монахи и священники. Они посвятили — если не на деле, то на слове — свою жизнь Христу, о котором говорит Новый Завет, тому, кто исцелял больных и призывал людей без греха первыми бросить камень в грешницу.

В 1234 году в Тулузе прозвучало официальное заявление о канонизации святого Доминика. Епископ Раймон дю Фога мыл руки перед ужином, когда ему донесли, что в соседнем доме женщина, страдающая лихорадкой, намерена принять участие в ритуале катаров. Епископ поспешил к лежащей на постели женщине, завоевал ее доверие своим дружелюбным тоном и начал расспрашивать о том, во что она верит. В итоге он обвинил ее в ереси и призвал оставить свои заблуждения, но она отказалась это сделать. Тогда епископ повелел вынести ее на кровати на пустырь и там сжечь. «И затем, когда епископ, братья и их товарищи убедились в том, что дело завершено, — пишет брат Гийом, — они вернулись в трапезную и, воздав благодарение Богу и блаженному Доминику, с радостью начали вкушать приготовленную им еду»¹.

Вопрос о том, как церкви удалось превратить призывы Иисуса любить ближнего и подставлять другую щеку в доктрину убийства и грабежа, может показаться удивительной загадкой, но на самом деле здесь нет ничего загадочного. Кроме того, что Библия содержит разнородные и взаимно противоречивые тексты², что позволяет оправдать ссылкой на нее самые разные вещи, во всем виновата сама доктрина веры. Когда человек думает, что ему надо просто верить в истинность какого-либо утверждения, не основанного на доказательствах, — что неверующие попадут в ад или что иудеи пьют кровь младенцев, — он способен на все.

Инквизиция приобрела свою печальную славу благодаря одному нововведению, которое обеспечивало ее машину потоком подозреваемых и позволяло постоянно выносить обвинительные приговоры. Это была практика использования пыток для получения признания со стороны подозреваемых, для того, чтобы заговорили свидетели и чтобы признавшийся в своих преступлениях еретик выдал сообщников в его грехе. Оправдание подобной процедуры прямо связано с именем блаженного Августина, который рассуждал так: если пытки можно применять для нарушителей человеческих законов, тем более они уместны в случае нарушения законов божественных³. Пытки, применявшиеся христианами Средних веков при судопроизводстве, были проявлением их веры. Самое удивительное то, что кто-то из них верил, что такие бредовые процедуры позволяют узнавать **факты** — это кажется просто чудом. Как писал Вольтер в 1764 году, «в этом есть нечто божественное, потому что невозможно понять, каким образом люди терпеливо носили это ярмо»⁴.

¹ Ibid., 96.

² Сравните большинство других высказываний Иисуса с приведенной цитатой из Ин 15:6 или с такими его словами: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф 10:34). Если вы хотите убедиться в противоречивости Библии, я бы порекомендовал вам следующую работу, которая прекрасно это демонстрирует: Bugg, *Selfcontradictions of the Bible* (1860). Автор здесь приводит 144 утверждения — богословских, этических, исторических и спекулятивных — для каждого из которых можно найти нечто прямо противоположное, например: Бога можно слышать и видеть/Бог невидим и его нельзя слышать; Бог вездесущ, он все видит и все знает/Бог присутствует не везде, он не видит и не знает всего; Бог создал зло/Бог не создавал зла; прелюбодеяние запрещено/прелюбодеяние допустимо; отцом Иосифа, мужа Марии, был Иаков/отцом Иосифа, мужа Марии, был Илий; младенца Христа увезли в Египет/младенца Христа не увозили в Египет; Иоанн был в темнице, когда Иисус пришел в Галилею/Иоанн не был в темнице, когда Иисус пришел в Галилею; Иисус был распят в третьем часу/Иисус был распят в шестом часу; Иисус равен Богу/Иисус не равен Богу; отпасть от благодати невозможно/отпасть от благодати возможно и т. д. — и все это с подтверждающими утверждение цитатами из Ветхого и Нового Завета. Многие из таких отрывков содержат непримиримые противоречия (то есть если ты веришь в один, ты неизбежно должен считать другой ложным). Это, возможно, самое яркое свидетельство о несовершенстве Библии как описания реальности, небесной или земной, так как эта книга сама себя опровергает. Разумеется, когда в голове человека воцаряется безумие веры, он видит даже в самых явных противоречиях упрек земной логике со стороны неба. Чтобы отгородиться от разума, Мартину Лютеру достаточно было произнести одну фразу: «Святой Дух смотрит только на суть вещей и не связан словами». Похоже, этот Святой Дух был бы готов играть в теннис без сетки.

³ Следует заметить, что Августин не был полным садистом. Он говорил, что исследуя дело о ереси, подозреваемого «не нужно поднимать на дыбу, или жечь пламенем, или раздирать его плоть железными щипцами, но следует наносить ему удары палкой». См. P. Johnson, *A History of Christianity* (New York: Simon and Schuster, 1976), 116—17.

⁴ Voltaire, «Inquisition», *Philosophical Dictionary*, ed and trans. T. Besterman (London: Penguin Books, 1972), 256.

Общая картина была бы неполна без описания испанского аутодафе (действия для публики, на котором еретикам зачитывали приговоры, после чего их нередко сжигали). Испанская инквизиция продолжала преследовать еретиков до 1834 года (а последнее аутодафе было совершено в Мексике в 1850 году), то есть примерно до тех времен, когда Чарльз Дарвин отправился в путешествие на корабле «Бигль», а Майкл Фарадей открыл, что электричество и магнитное притяжение взаимосвязаны.

Затем осужденных быстро отправляют в Риберию, на место казни, где уже заготовлены костры по числу приговоренных к сожжению. Упорных и тех, кого судят второй раз, сначала удушают, а потом сжигают, нераскаянные же сами по лестницам восходят на костры, а иезуиты, после нескольких увещеваний, когда им предлагают примириться с церковью, предадут их вечной гибели и врагу рода человеческого, который стоит рядом с ними, готовый забрать их на место мучения. После этого раздается громкий крик: «Сделаем им собачьи бороды!» — при этом на длинные палки надевают горящие ветки утесника, которые подносят к бородам осужденных, пока их лица не почернеют. Окружающие наполняют воздух радостными восклицаниями. Наконец зажигают огонь под костром, над которым находится связанная цепями жертва — на такой высоте, что языки пламени редко поднимаются выше сиденья, на котором она сидит, так что казнимый не столько сгорает, сколько поджаривается. Хотя это крайне горькое зрелище, и страдающие не перестают кричать, пока они еще это могут делать: «Помилуйте меня ради любви Божьей!» — люди любого возраста, мужчины и женщины, взируют на происходящее с радостью и чувством удовлетворения¹.

Когда же деятели Реформации в силу разных причин порвали с Римом, они не стали относиться к своим ближним человечнее. Публичные казни стали еще популярнее, чем когда бы то ни было: еретиков продолжали сжигать, ученых пытали и убивали за их дерзкую преданность разуму, а прелюбодеев предавали смерти без угрызений совести². Из этого можно сделать один главный вывод, который Уилл Дюрант сформулировал такими словами: «Нетерпимость — это неперенный спутник крепкой веры; терпимость растет лишь тогда, когда градус уверенности снижается; уверенность убивает»³.

В этом нет ничего особо загадочного. Сожжение людей, которые и без того обречены гореть во веки веков, — небольшая плата за то, чтобы защитить людей, которых ты любишь, от подобной участи. И представление о том, что вера может ужиться с разумом — так что поведением вполне разумных во всем прочем людей могут управлять недоказанные представления, — помещает наше общество на скользком склоне, где на высоте царствуют путаница и лицемерие, а внизу таятся пытки инквизиции.

ВЕДЬМЫ И ЕВРЕИ

В истории существовало две группы людей, преследуемых церковью, которые заслуживают особого упоминания. Ведьмы интересуют нас потому, что для их преследования требовалась высшая степень легковерия по той простой причине, что тайного союза ведьм, похоже, в средневековой Европе никогда не существовало. Не было никаких шабашей вероотступников, которые собирались в укромных местах, обручались с сатаной, предавались радостям свального греха и каннибализма и с помощью колдовства насылали бедствия на соседей, их поля и скотину. Похоже, все эти образы — порождение фольклора, диких мечтаний и откровенной выдумки, но люди признавались в подобных вещах под воздействием кошмарных пыток. Антисемитизм представляет для нас интерес по двум причинам: из-за его глубокой иррациональности и потому, что он явно имеет богословские корни. С точки зрения христианского учения иудеи куда хуже заурядных еретиков, потому что первые открыто отвергали божественность Иисуса Христа.

¹ Из The Percy Anecdotes, цитируется по Swain, Pleasures, 181.

² Manchester, A World Lit Only by Fire, 190-93.

³ W. Durant, The Age of Faith (1950; reprint, Norwalk, Conn.: Easton Press, 1992), 784.

Любопытно, что и ведьм, и евреев в христианском мире подозревали в одном и том же — в том, что они невероятным образом убивают христианских младенцев и пьют их кровь¹, — тем не менее, у них была разная судьба. Вероятнее всего, ведьм и колдунов просто не существовало, хотя за триста лет гонений по этому обвинению было убито, возможно, от 40 до 50 тысяч человек². Что же касается евреев, они на протяжении почти двух тысячелетий жили бок о бок с христианами, которым они передали свою веру, и на основаниях не более надежных, чем основания веры в воскресение, с первых веков нашей эры христиане относились к ним с жестокой нетерпимостью.

Рассказы об охоте на ведьм во многом напоминают более широко распространенное преследование еретиков со стороны инквизиции: это арест на основании голого подозрения, пытки в процессе дознания, обязательная выдача сообщников, смерть на медленном огне и новый поиск подозреваемых. Вот одна из типичных историй:

В 1595 году пожилая жительница села, расположенного неподалеку от Констанца, обиделась на то, что ее не пригласили участвовать в развлечениях местных жителей во время праздника. Соседи видели, как она что-то бормотала себе под нос, а затем пошла через поля к холму, где ее потеряли из виду. Где-то через два часа разразилась мощная гроза, так что танцующие промокли до нитки, а посевы были в значительной мере испорчены. Женщину схватили по обвинению в колдовстве говорили, что она вызвала грозу, налив в ямку вино и помешав его палочкой. Ее пытали до тех пор, пока она не признала себя виновной, а на следующий вечер сожгли живьем³.

Хотя сельские жители могут по самым разным причинам с неприязнью относиться к кому-то из своих соседей, нет сомнения в том, что подобного не могло бы произойти без веры в существование ведьм. Но во что же именно верили те люди? Они верили в то, что их соседи могут вступать в подовые сношения с дьяволом, летать по ночам на помеле, превращаться в кошек и зайцев и есть мясо других людей. Что еще важнее, они верили в *maleficium* — в то, что колдовство приносит вред другим. Краткая жизнь человека в Средние века была подвержена многим невзгодам, но христиан особенно беспокоило то, что колдовство соседки может принести серьезный вред их здоровью или благополучию. Только научное мышление могло изгнать такие представления вместе с неслыханно жестокими проявлениями насилия, которые они порождали. Мы должны помнить, что представления о возбудителях инфекционных болезней появились только в середине XIX века, что положило конец многим суевериям относительно причин заболеваний.

Вера в подобные оккультные силы — это, несомненно, наследие магического мышления наших предков. Например, у народа форе, обитающего в Новой Гвинее, кроме каннибализма существовал ужасный обычай охотиться на тех, кого подозревают в колдовстве:

*Мужчины народа форе не только посещают общие собрания, но также охотятся на людей, которых они считают колдунами и убивают из мести. У «охотников» существует специальная техника борьбы с колдунами под названием **тукабу**: им прокалывают почки, растаптывают гениталии и ломают кости бедер каменным топором, взгрызаются в шею и разрывают трахею, втыкают бамбуковые щепки в вены, чтобы кровотечение не прекращалось⁴.*

¹ Когда христиане были еще скромной сектой, их в том же самом обвиняли язычники, жители Римской империи. В сознании средневековых христиан ведьмы и евреи во многом были связаны между собой. Так, евреев постоянно подозревали в колдовстве, а магические заклинания часто приписывали (чтобы показать их благородное происхождение) Соломону или различным каббалистическим источникам.

² См. R. Briggs, *Witches and Neighbors: The Social and Cultural Context of European Witchcraft* (New York: Viking, 1996), 8, где автор пишет: На волне феминизма и движений ведьм возник миф о том, что в Европе было сожжено 9 миллионов ведьм, что можно было бы назвать не геноцидом, но истреблением женщин. Эта цифра явно преувеличена раз в 200. Наиболее разумные нынешние исследователи считают, что между 1450 и 1750 годами прошло около 100 тысяч судебных процессов, которые повлекли за собой 40—50 тысяч казней, причем 20—25 процентов казненных составляли мужчины.

³ C. Mackay, *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds* (1841; reprint, New York: Bames & Noble, 1993), 529.

⁴ R. Rhodes, *Deadly Feasts: Tracking the Secrets of a Terrifying New Plague* (New York: Simon and Schuster, 1997), 78.

Несомненно, каждое такое действие обладало магическим смыслом. Подобные акты насилия были распространены среди народа форы по меньшей мере до 1960-х годов. Кошмарная комедия невежества здесь особенно показательна: такими методами форы просто пытались бороться с болезнью куру — неизлечимой инфекцией, вызывающей губкообразное поражение мозга, — но источником болезни были не колдуны, она распространялась через их ритуальное поедание тел и мозга покойников¹.

На протяжении Средних веков и эпохи Ренессанса люди верили в то, что болезни могут насылать демоны и колдуньи. До нас дошел рассказ об одном процессе, где хрупких старых женщин обвиняли в том, что они убивали здоровых мужчин и ломали шеи их лошадям — в чем сами подозреваемые признались под пытками — и, похоже, никому это не показалось неправдоподобным. Палачи даже оправдывали примененные пытки с помощью извращенной логики: дьявол, думали они, делает своих сторонников нечувствительными к боли, даже если те взывают о пощаде. Таким образом, на протяжении веков мужчин и женщин, виновных лишь в том, что они были уродливыми с виду, старыми, одинокими или психически нездоровыми, осуждали за невероятные преступления и затем убивали во славу Бога.

Прошло около четырех веков, и некоторые клирики стали понимать, насколько все это безумно. Вот к какому выводу пришел Фридрих Шпее: «Пытки наполняют нашу Германию ведьмами и неслыханными злодействами, и не только Германию, но и любую другую страну, где подозреваемых пытаются... Все мы еще не признались в колдовстве только потому, что не все испытали на себе пытки»². Однако Шпее пришел к своему разумному заключению лишь потому, что его скептически настроенный друг, герцог Брауншвейгский, вел дело женщины, подозреваемой в колдовстве, которую пытали и допрашивали в его присутствии. Несчастливая женщина дала показания о том, что видела самого Шпее на горе Броккене, который мог принимать обличье волка, козла и других животных, и что собиравшиеся там ведьмы родили от него множество детей с жабыми головами и ногами паука. По счастью, Шпее узнал об этом от своего друга и, уверенный в собственной невиновности, он здесь же сел писать свой труд *Cautio Criminalis* (1631) о несправедливости процессов над ведьмами и колдунами³.

Однако, отмечает Бертран Рассел, не всем благоразумным людям так везло, как Шпее:

*Отдельные рационалисты, даже когда преследование ведьм было в самом разгаре, высказывали обоснованные сомнения в том, что женщины с помощью каких-то манипуляций действительно способны вызвать бури, град, гром и молнию. С подобными скептиками безжалостно расправлялись. Так, в конце XVI века Фладе, ректор Трирского университета и председательствующий судья, который сам осудил великое количество людей за колдовство, начал испытывать сомнения: а что, если признания подозреваемых объясняются лишь желанием избежать пыток на дыбе? После этого он перестал выносить обвинительные приговоры. Тогда его обвинили в том, что он продал себя сатане, и подвергли тем же пыткам, которым он раньше подвергал других. Подобно прочим, он признал себя виновным, и в 1589 году его удушили и сожгли*⁴.

И даже в 1718 году (когда в Англии начали вводить прививки от оспы, а английский математик Брук Тэйлор совершенствовал системы исчисления) это безумие остается значимой социальной силой. Чарльз Мэкей описывает следующий инцидент, произошедший в Кейтнесе (на северо-востоке Шотландии):

¹ Некоторые люди сомневаются в существовании систематического каннибализма среди народа форы ~~~ или какого-либо еще народа (см. статью «Каннибализм» в *The Oxford Companion to the Body*). Если этого явления среди форы не существовало, нам придется искать иное объяснение распространению куру. Но мы в любом случае можем смело сказать, что колдуны не имели никакого отношения к заражению. Аргументы ученых, отрицающих каннибализм, выглядят неубедительно на фоне широкого распространения этого явления среди африканских участников вооруженных конфликтов в таких странах, как Конго, Уганда, Либерия, Ангола и других. В этих странах сохраняются магические представления о том, что, съев органы тела своего врага, ты становишься неуязвимым для пули. См. D. Bergner, «The Most Unconventional Weapon», *New York Times Magazine*, March 26, 2003, pp. 48—53.

² Friedrich Spee (1631), цитируется по Johnson, *History of Christianity*, 311.

³ Mackay, *Delusions*, 540—41.

⁴ B. Russell, *Religion and Science* (1935; reprint, Oxford: Oxford Univ. Press, 1997), 95.

Один местный плотник, человек недалекого ума по имени Уильям Монтгомери, страстно ненавидел кошек. По какой-то загадочной причине эти животные устраивали кошачьи концерты на его дворе. Он недоумевал: почему кошки мучают именно его, а не кого-то из его соседей? И он пришел к мудрому выводу, что ему досаждают вовсе не кошки, но ведьмы. Это мнение поддержала его служанка, которая клялась, что не раз слышала, как эти кошки переговариваются между собой человеческими голосами. И вот когда несчастные создания в очередной раз собрались на его дворе, отважный плотник был готов к их вторжению. Он кинулся на них, вооруженный топором, кинжалом и палашом. Одну тварь он ранил в спину, другую в бок, третьей рассек лапу топором, но ни одной не смог поймать. Прошло несколько дней, и умерли две старые женщины из его прихода. В процессе подготовки умерших к погребению на их телах нашли шрамы от свежих ран: у одной на спине, у другой — на боку. Плотник и его служанка не сомневались в том, что это были те самые кошки, и об этом событии заговорило все графство. Все стали искать новые доказательства и вскоре нашли одно, причем чрезвычайно важное. Оказалось, что Нэнси Гилберт, нищая старуха лет семидесяти, лежит в кровати со сломанной ногой. Она выглядела достаточно уродливо, чтобы сойти за ведьму, и все пришли к выводу, что это одна из кошек, пострадавшая от рук плотника. Последний, когда ему рассказали об этом подозрении, подтвердил, что действительно ударил одну из кошек палашом, повредив ей лапу. Нэнси немедленно вытащили из постели и отволокли в тюрьму. Пока еще к ней не применяли пыток, она могла связно объяснить, где и когда сломала ногу, но это показалось допрашивающим неудовлетворительным. Умелое использование аргумента боли заставило ее переменить свои показания: она призналась, что действительно была ведьмой и что ее действительно в ту ночь ранил Монтгомери, а также добавила, что и две недавно умершие женщины были ведьмами, и назвала еще множество других имен. Бедняга так сильно страдала, очутившись вне дома и от пыток, что она умерла в тюрьме на следующий день¹.

Это очередная яркая иллюстрация того, к чему приводят некоторые представления, но кроме этого нам следует обратить внимание на ту логику, которую используют охотники на ведьм, чтобы подтвердить свои подозрения. Они ищут корреляции, причем определенного свойства: не **любая** пожилая женщина здесь подойдет, но только с травмой подобной той, что получила кошка. Если вы верите в возможность того, что старая женщина способна превратиться в кошку, все остальное просто **наука**.

Церковь официально запретила пытки только с выходом буллы папы Пия VII в 1816 году.

Антисемитизм² столь же невозможно отделить от доктрины церкви, как арки — от готического собора, и эту ужасающую истину евреи слишком хорошо усвоили уже в первых столетиях нашей эры. В рамках данной книги мы не можем достаточно подробно рассмотреть историю антисемитизма, как и историю инквизиции. Но мне хочется коснуться данной темы по той причине, что иррациональная ненависть к евреям породила множество последствий, которые мы все остро ощущаем и сегодня. Антисемитизм присущ и христианству, и исламу, представители обеих этих традиций думают, что иудеи исказили Божье откровение. Кроме того, христиане также обычно думают, что евреи убили Христа, и само существование еврейского народа отрицает его статус как Мессии. И в любом случае ненависть к евреям порождена верой: христианской, мусульманской и иудейской.

Нынешние мусульмане позаимствовали многие антисемитские представления у христиан. Так, «Протоколы сионских мудрецов», антисемитская подделка, появившаяся на свет в России и ставшая источником многих конспирологических теорий, связанных с евреями, в нынешнем арабском мире считается авторитетной

¹ Mackay, *Delusions*, 525—26.

² Как и термин «ариец», слово «антисемитизм», продукт немецкой псевдонауки XIX века, крайне неудачны. Слою «семитский» (происходит от имени Сима, одного из сыновей Ноя) относится к «языковой группе, к которой принадлежат еврейский, арабский, арамейский, ассирийский и эфиопский языки, а не к этнической группе или расе». См. R. S. Wistrich, *Anti-Semitism: The Longest Hatred* (New York: Schocken Books, 1991), xvi. Таким образом, термином «антисемитизм» можно было бы назвать ненависть к арабам, хотя так не делают. Несмотря на неудачно выбранный корень слова, на сегодняшний день это единственный приемлемый термин для ненависти к евреям.

книгой¹. В недавно вышедшей статье в «Аль-Акбар», одной из ведущих каирских газет, автор писал о том, что теперь проблема мусульманского антисемитизма настолько глубока, что ее не устранил рукопожатие в Розовом саду Белого дома. «Нам надо благодарить Гитлера, блаженной ему памяти, который заранее отомстил за палестинцев самым отвратительным преступником из всех, кто был на земле... Хотя у нас есть повод быть недовольными Гитлером за то, что он не отомстил им еще сильнее»². Такие статьи выходят в **умеренном** Каире, где мусульмане пьют алкоголь, ходят в кинотеатры и любят танцами живота — и где правительство активно борется с фундаментализмом. Несомненно, уровень ненависти к евреям в мусульманском мире достигает белого каления.

Евреи страдали на протяжении многих столетий, и кульминацией этих страданий стал холокост. Нам трудно предположить, что они сами навлекли на себя эти невзгоды, хотя в этом есть доля правды. До появления церкви к евреям относились подозрительно и иногда их преследовали из-за того, что они сопротивлялись ассимиляции, держались изолированно и верили в превосходство своей религии — то есть это было связано с содержанием их неразумной сектантской веры. Представление об «избранном народе», хотя оно (не всегда в артикулированном виде) присутствует во многих верах, в иудаизме достигло необычайно великого значения, что не встречалось нигде больше в античном мире. Люди, которые поклонялись многим богам, не могли переносить иудейского монотеизма. И хотя для демонизации еврейского народа понадобился безумный труд христианской церкви, идеология иудаизма по сей день остается молниеотводом нетерпимости. Похоже, этой системе представлений в силу ее богословских особенностей выжить труднее, чем всем прочим. Христианство и ислам признают святость Ветхого Завета и охотно приглашают новообращенных принять их веры. В исламе почитают Авраама, Моисея и Иисуса как предтеч Мохаммеда. Индуизм с широко раскрытыми руками готов принять почти все, что ему попадает на глаза (так, многие индуисты считают Иисуса аватаром Вишну). Только иудаизм видит вокруг себя сплошные заблуждения. И потому неудивительно, что он порождает сектантский дух. Иудеи верят, что они носители уникального завета с Богом. Вследствие этого в течение последних двух тысяч лет они сотрудничают с теми, кто считает их особыми, тем, что и сами глубоко в этом уверены. Иудаизм, подобно любым другим религиям, создает раздоры, склонен к забавному буквализму и не в ладах с современными знаниями, которые двигают вперед цивилизацию. Еврейские поселенцы, использующие свою «свободу веры» на завоеванной земле, сегодня представляют собой основное препятствие для развития мирного процесса на Ближнем Востоке. Они могут стать непосредственной причиной войны между исламом и Западом в случае начала войны по поводу палестино-израильского конфликта³.

Перед христианами I века стояла простая проблема: они принадлежали к иудейской секте, которая признавала Иисуса Мессией (чему соответствует греческое слово **Christos**), в то время как большинство их единоверцев так не считало. Разумеется, Иисус был евреем, а его мать — еврейкой. Все до единого его апостолы были евреями. И даже нет никаких свидетельств, если не прислушиваться к тенденциозным мнениям позднейших христианских авторов о том, что Иисус считал себя кем-либо еще, кроме еврея среди евреев, стремящегося практиковать иудаизм — и, возможно, желавшего для евреев независимости от Римской империи.

Как замечают многие авторы, многочисленные ветхозаветные пророчества, которые якобы указывают на служение Иисуса, на самом деле отражают апологетические цели — и часто слабую образованность — авторов Евангелий.

Евангелисты Лука и Матфей, например, стремясь показать, что жизнь Иисуса соответствует ветхозаветным пророчествам, настаивают на том, что Мария зачала Иисуса, оставаясь девственницей (греческое **parthenos**), используя греческий перевод Книги пророка Исаии 7:14.

¹ D. J. Wakin, «Anti-Semitic 'Elders of Zion' Gets New Life on Egypt TV», New York Times, Oct. 26, 2002. Цитаты из этой фальшивки приводятся в хартии «Хамаса». См. J. I. Kertzer, «The Modern Use of Ancient Lies», New York Times, May 9, 2002.

² E. Goldberg, The Executive Brain: Frontal Lobes and the Civilized Mind (Oxford: Oxford Univ. Press, 2001).

³ Тем не менее иудаизм — куда менее плодородная почва для вооруженных экстремистов. Еврейская идентичность связана отнюдь не только с определенным набором представлений о Боге. Можно, например, быть практикующим иудеем, не веря в Бога. Подобного нельзя сказать о христианстве и исламе.

Но на беду тех, для кого важна девственность Марии, в еврейском оригинале стоит слово *alma* (которое было просто неверно переведено как *parthenos*), которое просто означает «молодая женщина» и ничего не говорит о ее девственности. Очевидно, что христианский догмат о рождении от девы, как и вытекающее отсюда напряженное отношение церкви к сексуальной жизни, было просто результатом неверного перевода с еврейского¹.

Еще один удар по доктрине рождения от девы наносит тот факт, что двое других евангелистов, Марк и Иоанн, похоже, об этом ничего не знают — хотя их обоих смущают обвинения Иисуса в том, что он незаконнорожденный². Павел явно считал Иисуса сыном Иосифа и Марии. Он говорит, что Иисус «родился от семени Давидова по плоти» (Рим 1:3 — имея в виду, что его отец Иосиф) и что он «родился от жены» (Гал 4:4 — имея в виду, что Иисус действительно был человеком) и ни слова не говорит о девственности Марии³.

Девственность Марии всегда указывала христианам на отношение Бога к сексуальной жизни как на греховное по своей природе явление и механизм передачи первородного греха от поколения к поколению, начиная с Адама. Похоже, западный мир два тысячелетия страдал священным сексуальным неврозом просто потому, что евангелисты Матфей и Лука не умели читать по-еврейски. Что же касается евреев, истинных потомков Иисуса и апостолов, догмат девственного рождения использовался как оправдание гонений на них, потому что он был главным «доказательством» божественности Иисуса.

Нам стоит заметить, что когда Новый Завет демонстрирует чудесные события и когда утверждает, что жизнь Иисуса соответствует ветхозаветным пророчествам, за этим стоит попытка первых христиан, хотя и неумелая, показать рациональный характер своей веры. Учитывая то, что любому чуду придавали великое значение и что люди верили в пророчества, разумно было бы предположить, что эти вещи воспринимались как доказательства божественности Христа. Августин прямо говорит об этом: «Я не стал бы христианином, если бы не чудеса». Тысячу лет спустя Блез Паскаль — одаренный математик, философ и физик — был настолько поражен исполнением пророчеств в жизни Христа, что посвятил последний год своей краткой жизни защите христианского учения. Он писал:

Через Иисуса мы знаем Бога. Все, кто говорил, что знает Бога, и обосновывал его существование не на Иисусе Христе, тщетно трудились над доказательствами. Но говоря о Христе, мы имеем пророчества как твердые и осязаемые доказательства. Они сбылись и оказались истинными, и потому эти пророчества верны, и это доказывает, что Иисус божественен⁴.

«Твердые и осязаемые»? Тот факт, что такой великий ум стал служить этой догме, — это одна из величайших загадок нашей истории⁵. Даже сегодня нам говорят, что мы должны признать Иисуса Мессией в первую очередь потому, что он исполнил библейские пророчества, как о том говорит Новый Завет. На самом деле «прыжок веры» — это чистая фикция. Ни один христианин, хотя бы и в I веке, не мог полагаться только на него.

¹ См. В. М. Metzger and M. D. Coogan, eds., *The Oxford Companion to the Bible* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1993), 789—90, and A. N. Wilson, *Jesus: A Life* (New York: W. W. Norton, 1992), 79. Можно найти и другие подобные нелепые сопоставления: Мф 2:3—5 и Мих 5:2; Мф 2:16-18 и Иер 31:15/Быт 35:19; Мф 8:18 и Ис 53:4; Мф 12:18 и Ис 42:1-4; Мф 13:35 и Пс 77:2; Мф 21:5сл. и Зах 9:9/Ис 62:11. Мф 27:9—10 говорит об исполнении слов, которые ошибочно приписаны Иеремии, хотя содержатся в Книге пророка Захарии 11:12 — это еще одно свидетельство о «безошибочности» священного текста.

² В 1 веке н. э. среди евреев быть незаконнорожденным было позорным клеймом. См. S. Mitchell, *The Gospel According to Jesus* (New York: HarperCollins, 1991).

³ См. *ibid.*, 78; J. Pelikan, *Jesus through the Centuries* (New York: Harper and Row, 1987), 80.

⁴ B. Pascal, *Pensées*, trans. A. J. Krailsheimer (Baltimore: Penguin Books, 1966), sec. 189.

⁵ Справедливы слова Ницше: «Самый жаркий пример — порча Паскаля, который верил, что его разум испорчен первородным грехом, тогда как на самом деле он был испорчен христианством» (*The Portable Nietzsche*, trans. W. Kaufmann [New York: Viking, 1954], 572). Паскаль действительно пережил удивительный мистический опыт в ночь на 23 ноября 1654 года, после которого он целиком и полностью обратился к Иисусу Христу. Я не сомневаюсь в могуществе подобных переживаний, но не считаю, что на них вправе претендовать исключительно верные христиане — с подобным успехом они могли бы претендовать на право проливать слезы от радости. Индуисты, буддисты, мусульмане, иудеи, как и анимисты любого рода, на протяжении долгой истории своего существования постоянно сталкивались с подобными вещами. Паскаль, обладавший огромным умом и получивший прекрасное образование, должен был бы это знать; тот факт, что он этого не знал (или сделал вид, что не знает), свидетельствует о том, что ортодоксальная вера притупляет ум человека.

Хотя Бог заключил свой завет с Израилем и его Сын стал евреем, среди первых христиан становилось все больше и больше язычников, и по мере распространения этого учения новообращенные начали думать, что, отвергая божественность Иисуса, евреи совершают ужасающий грех. Такой сектантский дух существовал в церкви уже во времена Павла:

Ибо вы, братия, сделали подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца (1 Фессалоникийцам 2:14-16).

В Евангелии от Иоанна иудеи прямо изображаются как исчадия ада:

Иисус сказал им [иудеям]: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне (Ин 8:42-45).

С разрушением Храма в 70 году нашей эры христиане — из язычников и иудеев — увидели в этом исполнение пророчества, думая, что римские легионы были наказанием Божиим для тех, кто предал Христа. Антисемитизм стал среди них всеобщим явлением, а когда в 312 году христианство после обращения императора Константина получило статус государственной религии, христиане начали унижать евреев открыто¹. Были изданы законы, которые отнимали у евреев многие из дарованных им прежде привилегий. Иудеям закрыли доступ к военной службе и к высоким государственным должностям и запретили заниматься прозелитизмом и вступать в сексуальные отношения с христианками (два последних «преступления» карались смертью). Кодекс Юстиниана VI века, по сути, вообще лишил иудеев законного статуса, запретив Мишну (сборник устных законов иудаизма) и введя смертную казнь за неверие в Воскресение и Страшный суд². Августин с его сектантским задором радовался унижению евреев, и особенное удовлетворение ему доставляла мысль о том, что они теперь будут скитаться по земле, повсеместно свидетельствуя об истинности Писания и о спасении язычников. Страдание и рабское положение евреев доказывали, что Иисус и в самом деле был Мессией³.

В Европе иудеев, подобно ведьмам и колдунам, часто обвиняли в невероятных преступлениях, особенно в том, что называют «кровавым наветом», основанном на представлении о том, что иудеи в своих ритуалах

¹ Они также отомстили своим римским гонителям: «Христиане бросили жену Максимиана в реку Оронт и убили всех его родственников. В Египте и Палестине они убили судей, которые яростнее всего сражались с христианством. Вдова и дочь Диоклетиана укрылись в Фессалониках, однако там их узнали, и их тела бросили в реку». Voltaire, «Christianity», Philosophical Dictionary, 137.

² Wistrich, Anti-Semitism, 19—20.

³ Августин (Град Божий, XVIII, 46): Таким образом, в то время, как нашим писаниям иудеи не верят, на них исполняются их собственные, которые они читают слепыми глазами. Или, быть может, кто-нибудь скажет, что христиане выдумали те пророчества о Христе, которые возвещаются от имени Сивиллы или кого-нибудь другого, если есть действительно пророчества, не принадлежащие народу Израильскому? Но для нас достаточно и тех, какие содержатся в кодексах наших противников. Мы убеждены, что они и рассеяны среди всех народов, где только Христова Церковь распространяется, ради свидетельства об этих пророчествах, — свидетельства, которое они дают нам вопреки своей воле, имея и сохраняя те же самые кодексы. Ибо в псалмах, которые и они сами читают, предпослано относительно этого пророчество в словах: «Бог мой, милующий меня, предварит меня; Бог даст мне смотреть на врагов моих. Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой; расточи их силою Твоею» [Пс 68:11—12]. Таким образом, Бог явил Церкви на врагах ее иудеях благодать Своего милосердия, потому что, как говорит апостол, их падение есть спасение язычников [Рим 11:11]. И Он их не убивает, то есть не теряет в них того, что они суп» иудеи, хотя и побеждены и угнетены римлянами, с той именно целью, чтобы, не забывая закона Божия, они были свидетельством о том, о чем говорим мы. Поэтому мало было сказать: «Не умерщвляй их»; но еще и прибавлено: «Расточи их», ибо, если бы иудеи с этим свидетельством Писаний оставались только в своей земле, а не были рассеяны повсюду, Церковь, которая распространена повсюду, не могла бы иметь их среди всех народов свидетелями тех пророчеств, которые были изречены о Христе.

используют кровь христиан (особенно младенцев). На протяжении Средних веков евреев постоянно обвиняли в убийстве младенцев и подвергали презрению за это. Все знали, что у всех иудеев — включая мужчин — бывают месячные, и потому им требовалось восполнить запасы потерянной крови за счет христиан. Кроме того, они страдали от ужасного геморроя и были покрыты сочащимися ранами в наказание за убийство Христа — и это соответствовало их наглому утверждению перед «невинным» Понтием Пилатом (Мф 27:25): «Кровь Его на нас и на детях наших». И потому неудивительно, что евреи в их жалком положении использовали кровь христиан как целебное средство. Эта кровь также облегчала роды, если еврейке удавалось завладеть окропленным кровью куском пергамента и зажать его в кулаке. Кроме того, всем было известно, что евреи всегда рождались слепыми и обретали зрение только тогда, когда их глаза мазали кровью. А у еврейских мальчиков при рождении пальцы рук часто были соединены со лбом, и только кровь христиан помогала без риска для жизни ребенка избавить его от такого положения мыслителя.

Раз появившись, желание использовать христианскую кровь у еврея уже никогда не утихало. Во время обрезания ее применяли вместо священного масла (*crissam*, доступного исключительно христианам), а затем еврейские дети, как мальчики, так и девочки, смазывали свои гениталии кровью какого-нибудь благочестивого бедняка — его подстерегали в засаде и душили в канаве, — чтобы сделать их плодовитыми. Христиане Средневековья верили в то, что евреи используют их кровь для множества разных целей — и как губную помаду и румяна, и как приворотное зелье, и как средство для предотвращения проказы. А если это так, как можно было усомниться в том, что евреи любого возраста высасывали кровь у христианских младенцев «через гусиные перья или тонкие стебли камыша» и собирали ее, чтобы потом их старейшины использовали ее на свадебном пиру? И наконец, на тот случай, если им понадобится запасная лазейка, евреи смазывали своих умерших кровью невинного христианского младенца (недавно крещенного, а затем задушенного), говоря: «Если обещанный пророками Мессия уже действительно пришел и если это Иисус, да поможет тебе эта невинная кровь обрести жизнь вечную»¹.

Разумеется, кровавый навет строился на основе других великих ошибок, в частности на распространенном представлении о том, что различные составляющие тела человека обладают магическими и целебными свойствами. Это объясняет некоторые подобные обвинения против ведьм, например в том, что они делают свечи из человеческого жира, которые освещают окружающее, но при этом делают человека невидимкой². Любопытно, сколько нужно было переловить воров, которые держали в руках вонючие свечи в полной уверенности, что их не заметят, прежде чем такая волшебная техника грабежа вышла из моды?

Однако из всех готических нелепостей первое место занимает осквернение гостии, которое занимало возмущенные умы благочестивых христиан многие столетия. Учение о пресуществлении было формально принято в 1215 году на IV Латеранском соборе (том самом, который разрешил инквизиторам применять пытки и запретил евреям владеть землей или делать карьеру на государственной или военной службе), после чего оно стало краеугольным камнем христианской (теперь уже — католической) веры (соответствующую цитату из «Исповедания римско-католической веры» мы уже приводили в главе 2). С тех пор представление о том, что хлеб причастия во время мессы становится живым телом Иисуса Христа, стало не подлежащим сомнению фактом. После признания этой нелепой догмы, в силу ее повторения, христиане начали беспокоиться о том, чтобы оградить этот живой хлеб от различных злоупотреблений или даже пыток со стороны еретиков и евреев. (Конечно, здесь уместен вопрос: чем поедание тела Иисуса отличается от других издевательств над ним?) И кто мог сомневаться в том, что иудеи должны стремиться снова поиздеваться над Сыном Божьим, понимая, что теперь его тело вполне доступно в форме беззащитных кусочков хлеба? Историки подсчитали, что около трех тысяч евреев были убиты в силу голословного обвинения в этом воображаемом преступлении. Осквернение гостии наказывали по всей Европе на протяжении нескольких столетий³.

¹ См. J. Trachtenberg, *The Devil and the Jews: The Medieval Conception of the Jew and Its Relation to Modern Anti-Semitism* (1943; reprint, Philadelphia: Jewish Publication Society, 1983), 153.

² *Ibid.*, 140.

³ *Ibid.*, 114. Реформация, отказавшись от веры в доктрину пресуществления, привела к тому, что это преступление перестало волновать умы христиан. И именно в XVI веке, когда произошел раскол церквей, евреев начали активно судить за «колдовство».

Именно эта долгая история богословски оправданных преследований породила секулярный антисемитизм. Даже откровенно антихристианские движения, такие, как немецкий нацизм или русский социализм, позаимствовали у церкви эту доктрину нетерпимости и осуществляли ее на практике. Самое же удивительное то, что нелепый кровавый навет все еще широко распространен и множество мусульман верит в то, что евреи пьют кровь¹.

ХОЛОКОСТ

Национал-социализм всех нас основан на лишенной сомнений верности, на подчинении фюреру, когда мы не задаем вопросов «почему?» в каждом отдельном случае, но молча исполняем его распоряжения. Мы верим в то, что фюрер повинует высшему призванию, которое изменит ход истории Германии. Эту веру нельзя подвергать критике.

Рудольф Гесс, речь, произнесенная в июне 1934 года².

Подъем нацизма в Германии требовал «верности» без критики. Причиной холокоста, кроме такой подобострастной (и *религиозной*) преданности Гитлеру, были некоторые невероятные представления, в которые верили люди.

Генрих Гиммлер считал, что члены СС должны есть на завтрак лук-порей, запивая его минеральной водой. Он думал, что с помощью телепатии можно заставить других быть откровеннее. Помня о круглом столе короля Артура, он приглашал на ужин только по двенадцать гостей. Он верил, что арийцы, в отличие от всех других рас, не произошли от обезьян и приматов, но спустились на землю с небес, где их от начала мира хранили во льду. Он организовал группу метеорологов, которые должны были найти подтверждения его теории космического льда. Он также верил, что является новым воплощением Генриха Первого. Гиммлер представляет собой крайний случай, быть может, на грани сумасшествия. Но одна из его особенностей была присуща многим — его ум ничто не заставляло развиваться. Он был наполнен информацией и мнениями, но лишен критической силы³.

За любым тоталитарным проектом стоят причудливые и не слишком систематизированные догмы, которые неизбежно приводят в движение абсурдный механизм смерти. Разумеется, нацизм возник под влиянием различных экономических и политических факторов, но его делала единым вера в расовую чистоту и превосходство немецкого народа. Восхищение своей расой порождало ощущение, что все нечистые элементы — гомосексуалисты, инвалиды, цыгане и, прежде всего, евреи — представляют собой угрозу отечеству. И хотя ненависть к евреям в Германии в основном не носила открыто религиозного характера, она была прямым наследием средневекового христианства. На протяжении веков немцы видели в евреях еретиков наихудшего сорта и объясняли все болезни общества их присутствием среди верных. Дэниел Голдхаген исследовал развитие представления немцев о евреях как о «расе» и «нации», которое достигло кульминации, превратившись в откровенно националистическую формулировку, отражавшую древние христианские предрассудки⁴. Разумеется, параллельно существовали и *религиозные* предубеждения против евреев, казавшихся людям исчадием ада⁵. (Даже Ватикан поддерживал кровавый навет в газете, выпущенной в 1914 году.) По грустной иронии судьбы, сам тот факт, что евреев с незапамятных времен притесняли в Германии (как и в других странах), загоняя их в гетто и лишая гражданских прав, способствовал появлению современного антисемитизма в секулярной форме, потому что лишь на фоне освободительных движений начала XIX века ненависть к евреям приобрела расовый характер. Даже люди, которые считали

¹ И египетская газета «Аль-Акбар», и выходящая в Саудовской Аравии газета «Аль-Рияд» публикуют статьи в защиту подобных обвинений. Сирийский министр обороны Мустафа Тлас написал книгу «Сионская маца», в которой он обвиняет евреев в ритуальных убийствах. Материалы нацистских пропагандистов 1930-х годов сегодня вывешены на веб-сайтах исламистов. См. Kertzer, «Modem Use.»

² Цит по j Glover, *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999), 328.

³ Ibid., 360-61.

⁴ D. J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York: Alfred A. Knopf, 1996), 28—48.

⁵ Kertzer, «Modem Use.»

себя «друзьями евреев» и боролись за включение евреев в немецкое общество на равных правах со всеми остальными гражданами, делали это из желания таким путем переделать и «очистить» евреев через взаимодействие с германской расой¹. Таким образом, за призывами немецких либералов к терпимости нередко скрывался тот же антисемитизм, который был свойствен их консервативным оппонентам, поскольку первых отличала от вторых лишь вера в то, что евреи способны к нравственному перерождению. К концу XIX века, когда попытки либералов растворить евреев в немецкой терпимости не увенчались успехом, прежние «друзья евреев» стали относиться к этим живущим среди них чужакам с той же ненавистью, что уже давно жила в их современниках, не склонных к идеализму. Изучение антисемитской литературы, вышедшей в Германии с 1861 по 1895 год, показывает, насколько она была пропитана тягой к убийству: две трети известных авторов, предлагавших свои «решения» еврейского вопроса, открыто выступали за физическое уничтожение евреев — причем, как замечает Голдхаген, все это существовало еще за несколько десятков лет до прихода Гитлера к власти. Люди размышляли об истреблении целого народа задолго до того, как появилось само понятие «геноцид», и задолго до того, как две мировые войны показали, что столь масштабные убийства потенциально возможны.

Голдхаген утверждает, что немцы стали «добровольными палачами» на службе у Гитлера, и, хотя не все с ним согласны, в целом это справедливо, но следует добавить, что другие нации также добровольно в этом участвовали. Антисемитизм в форме геноцида уже носился в воздухе, особенно в Восточной Европе. Так, в 1919 году только на Украине было убито шестьдесят тысяч евреев². Как только Третий рейх начал открыто преследовать евреев, волны погромов прокатились по Польше, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Хорватии и другим местам³.

С принятием Нюрнбергских законов в 1935 году немецкий антисемитизм уже полностью преобразился. Евреев стали рассматривать как расу, которая принципиально враждебно относится к здоровой Германии. Их совершенно невозможно перевоспитать, потому что даже если еврей откажется от своей религиозной идеологии и примет крещение в церкви, он сохранит свою прежнюю природу. И здесь мы снова видим, как церковь принимает участие в попытке истребления целого народа. Католики с удивительной покорностью согласились с расистскими догматами, которые противоречили, по меньшей мере, одному их представлению: если крещение действительно обладает искупительной силой, следует без каких-либо оговорок признать обращенных из иудаизма спасенными. Но, как мы уже видели, любая система представлений в той или иной мере страдает от непоследовательности — и германские церкви, в надежде сохранить порядок во время богослужения, были вынуждены напечатать объявления с призывом не нападать на обращенных евреев во время службы. О том, что расовое происхождение заслуживает серьезного отношения, еще в 1880 году говорилось в одной статье, одобренной Ватиканом: «О, как глубоко заблуждается тот, кто считает иудаизм просто религией, такой же, как католичество, язычество, протестантизм, а не расой, не народом, не нацией!.. Потому что иудеи являются иудеями не по причине религии... но, что еще важнее, из-за своей расы»⁴. Католические епископы Германии выпустили в 1936 году свое руководство, в котором есть такие слова: «Раса, почва, кровь и народ — это важные естественные ценности, которые создал Господь Бог, доверив заботу о них нам, немцам»⁵.

¹ Сегодня все чаще можно услышать примерно такое утверждение: ужас холокоста заключается не только в его масштабах, но и в том, что он был выражением разума, и потому демонстрирует врожденную патологию западной традиции Просвещения. Многие ученые считают это самоочевидным — потому что никто не вправе утверждать, что Третий рейх мог осуществить свой грандиозный план геноцида лишь при поддержке технологии, бюрократической машины и системы управления. За этим кроется еще один драматический тезис о том, что у самого разума есть «темная сторона», а потому он не может вести человечество к счастью. Но это ужасающее непонимание ситуации. Холокост был кульминацией немецкой обособленности и двух тысячелетий ненависти христиан к евреям. Разум не имеет к этому никакого отношения. Допустим, вы вложили телескоп в лапы шимпанзе, и затем обезьяна начала колотить им по головам своих соседей — станете ли вы и здесь говорить о «темной стороне» разума? (K. Wilber, *Sex, Ecology, Spirituality* [Boston: Shambhala, 1995], 663—64, где автор говорит о том же.)

² M. Gilbert, *The Holocaust: A History of the Jews of Europe during the Second World War* (New York: Henry Holt, 1985), 22.

³ Ibid.

⁴ Цит. по G. Wills, «Before the Holocaust», *New York Times Book Review*, Sept. 23, 2001.

⁵ Цит. по Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*, 106. Разумеется, Церковь одобряла антисемитизм не только в Германии. Так, в 1936 году римско-католический примас Польши кардинал Август Хлонд писал в своем пастырском послании: «Еврейская проблема будет существовать до тех пор, пока существуют евреи. Всем известно, что евреи сражаются против Католической церкви,

Однако настоящее злодеяние церковь сделала тогда, когда согласилась предоставить нацистам свои архивы с родословными, что позволило им выявить людей с еврейской кровью. Исследователь истории Католической церкви Гюнтер Леви писал:

Сам вопрос о том, вправе ли [Католическая] церковь оказывать помощь нацистам, выслеживающим евреев, никогда не обсуждался. Напротив. «Мы всегда бескорыстно помогли народу, независимо от того, благодарили нас или нет, — писал один священник в газете Kierusblatt в сентябре 1934 года. — Мы также должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь этой службе на благо народа». Сотрудничество церкви в этих вещах продолжалось и в военные годы, когда еврейское происхождение означало уже не конец карьеры на государственной службе или потерю жилья, но депортацию и физическое уничтожение»¹.

Все это показывает, что, несмотря на свои идейные расхождения с нацистами, Католическая церковь покорила их власти. Голдхаген также обращает внимание на то, что ни один немецкий католик не был отлучен от причастия ни до, ни во время, ни после войны, «несмотря на все эти величайшие в истории человечества преступления». Это и в самом деле удивительный факт. В эти годы церковь продолжала отлучать богословов и ученых за неортодоксальные мнения и запрещала читать книги сотнями, в то время, как ни один из участников геноцида — которых было масса — не попал в список осужденных папой Пием XII.

Чтобы объяснить эту странность, нам надо сделать небольшое отступление. В конце XIX века, когда исследователи Библии приходили к неортодоксальным выводам, Ватикан решил вступить с ними в борьбу с помощью собственных точных изысканий.

Католических исследователей призвали освоить методы тогдашней критики и продемонстрировать, что результаты вдумчивого и объективного изучения Библии совпадают с официальной доктриной церкви. Движение, которое воспринимало Библию критически, получило название «модернизм», и оно начало смущать умы верующих, поскольку многие из ведущих католических ученых в результате сами начали скептически относиться к буквальным истинам Писания. В 1893 году папа Лео XIII торжественно объявил:

Все эти книги... которые церковь считает священными и каноническими, были целиком написаны по вдохновению Духом Святым. Мы не можем согласиться с тем, что они содержат ошибки, поскольку само Божественное откровение исключает любые ошибки, и это неизбежно следует из того, что Бог, Верховная Истина, не может ошибаться в своем учении»².

В 1907 году папа Пий X объявил модернизм ересью, отлучил модернистов от церкви и поместил все труды ученых, критически изучавших Библию, в Индекс запрещенных книг. В этот список входили многие другие известные авторы, например Декарт (избранные работы), Монтень («Опыты»), Локк («Опыт о человеческом разумении»), Свифт («Сказка бочки»), Сведенборг (Principia), Вольтер («Философские письма»), Дидро («Энциклопедия»), Руссо («Об общественном договоре»), Гиббон («Закат и падение Римской империи»), Пейн («Права человека»), Стерн («Сентиментальное путешествие»), Кант («Критика чистого разума»), Флобер («Мадам Бовари») и Дарвин («Происхождение видов»). Позже, в 1948 году, к списку были добавлены «Размышления» Декарта. Учитывая все исторические события, произошедшие незадолго до 1948 года, можно было бы ожидать от святейшего престола беспокойства о преступлениях иного рода. Однако ни один из вождей Третьего рейха, включая самого Гитлера, не был отлучен от церкви, хотя при этом Галилей продолжал числиться в списке еретиков до 1992 года.

стоят за свободомыслие, насаждают безбожие и большевизм и ведут подрывную деятельность... Всем известно, что евреи лгут, берут взятки и занимаются сводничеством. Всем известно, что еврейская молодежь оказывает дурное влияние на религию и нравственность юных поляков». Автор одной статьи (J. Carroll, «The Silence», New Yorker, April 7, 1997) делает по этому поводу следующее замечание: «В своем послании Хлодз из осторожности говорит, что все эти «факты» не оправдывают убийства евреев, однако нетрудно понять, как этот антисемитизм главы католиков Польши связан с последующими событиями. На протяжении десятилетий и веков этого тысячелетия подобные настроения среди христианских руководителей не были чем-то необычным».

¹ G. Lewy, The Catholic Church and Nazi Germany (New York: McGraw- Hill, 1964), 282, цитируется по Goldhagen, Hitler's Willing Executioners, 110.

² Цитируется по L. George, Crimes of Perception: An Encyclopedia of Heresies and Heretics (New York: Paragon House, 1995), 211.

Следующие слова папы Иоанна Павла II позволяют нам понять нынешнее положение вещей: «Это Откровение вполне определено, его можно либо принять, либо отвергнуть — иных возможностей не существует. Если человек его принимает, он исповедует веру в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли, и в Иисуса Христа, Сына, единосущного Отцу, и в святого Духа, Господа и Подателя жизни. Либо он отвергает все это сразу»¹. Хотя расцвет и увядание модернизма в церкви вряд ли можно назвать победой сил разума, эти вещи иллюстрируют одно важное положение: если мы хотим знать, как устроен мир, мы становимся уязвимыми для новых данных. И нам не следует удивляться тому, что религиозные доктрины и честное исследование в нашем мире, как правило, не сочетаются между собой.

Если мы вспомним о том, что церковь еще сравнительно недавно терзала невинных людей на глазах у их родственников, сжигала на кострах пожилых женщин на городских площадях и пытками доводила до безумия ученых лишь за то, что они осмелились размышлять о природе звезд, нас не удивят все те ужасы, что происходили в Германии в годы войны. Всем известно, что некоторые чиновники Ватикана (из которых особенно прославился епископ Алоис Худаль) помогли таким членам СС, как Адольф Эйхман, Мартин Борман, Генрих Мюллер, Франц Штангл, и многим другим бежать в страны Южной Америки и Ближнего Востока после окончания войны². В ответ на это многие начинают говорить о том, что Ватикан также помогал уехать евреям. И это правда. Однако при этом помощь Ватикана слишком сильно зависела от того, были ли эти евреи крещеными³.

Конечно, мы можем вспомнить множество примеров того, как христиане Европы с риском для жизни спасали евреев, причем они делали это именно из-за своей христианской веры⁴. Но этого было недостаточно. Из того факта, что люди иногда совершают героические добрые поступки из-за учения Христа, никак не следует, что он был Сыном Божьим и что эта вера мудра и истинна. И мы еще увидим, что для сострадания человеку не требуется вера в то, что невозможно доказать. Мы можем облегчать страдания других людей просто в силу того, что мы все принадлежим к одной человеческой семье. Тогда как нетерпимость, порождающая геноцид, всегда опирается на какие-то особые представления. Если где-то люди начинают планомерно и без разбора убивать мирное население, за их поведением всегда стоит какая-то догма. Мы здесь можем задать себе вопрос: во что **верят** эти свежиспеченные убийцы? И мы всегда — у этого правила **не бывает исключений** — увидим, что они верят в какую-либо нелепость.

В данной главе я хотел показать как можно яснее, к каким ужасным последствиям — неизбежно и в силу самой ее логики — приводит христианская вера. К сожалению, мы могли бы приводить кошмарные иллюстрации этого положения до бесконечности. Освенцим, ересь катаров, охота на ведьм — все это связано с такой глубиной зла и страдания, которое неспособен изобразить ни один писатель. В данной главе я просто дал намек на большую картину и призываю читателя, который думает, что здесь просто изображены «несчастные случаи», обратиться к специальной литературе по этим предметам. Такое «внеклассное чтение» покажет вам, что история христианства — это по своей сути история страданий и невежества, а вовсе не история декларируемой Божьей любви.

Сегодня на нашей планете осталось немного живых христианских инквизиторов, зато их немало среди мусульман. В следующей главе мы увидим, что наше противостояние миру ислама есть противостояние цивилизации, остановившейся в своем развитии. Как будто распахнулись ворота прошлого и из них в наш мир вылезла орда людей XIV века. К сожалению, сегодня эти люди держат в руках оружие XXI столетия.

¹ Pope John Paul II, *Crossing the Threshold of Hope* (New York: Alfred A. Knopf, 1994), 10. Эта книга — просто удивительный шедевр софистики, уклончивых ответов и узости мышления. Несмотря на ссылки на Витгенштейна, Фейербаха и Рикера, каждая ее строчка ярко демонстрирует мой тезис.

² M. Aarons and J. Loftus, *Unholy Trinity: The Vatican, the Nazis, and the Swiss Banks*, rev. ed. (New York: St. Martin's Griffin, 1998); G. Sereny, *Into That Darkness: An Examination of Conscience* (New York: Vintage, 1974).

³ См. Sereny, *Into That Darkness*, 318.

⁴ См., например, Glover, *Humanity*, chap. 40.

4. ПРОБЛЕМА ИСЛАМА

ДЖИХАД, КОРАН, ОТСТУПНИЧЕСТВО, СМЕРТНИКИ

Хотя в этой книге я веду разговор о самой вере, нам не стоит забывать и об особенностях разных вер — они тоже многое значат, и у нас есть причина повести речь именно о мусульманских, а не, скажем, о джайнистских террористах, существующих в самых разных углах земного шара. Джайнизм вовсе не содержит представлений, которые бы вдохновляли людей взрывать себя, чтобы уничтожить неверных. Какие бы нормативы мы ни пытались применять (этические, практические, эпистемологические, экономические и т. д.), мы увидим, что существуют хорошие и плохие веры — и сегодня всем уже должно быть понятно, что ислам относится к последней из этих категорий¹.

Разумеется, ислам, как и любая другая религия, имеет свои сильные стороны. Мусульманские ученые создали алгебру, они переводили труды Платона и Аристотеля и во многом продвигали вперед науку в те времена, когда среди христиан Европы процветало глубочайшее невежество. Только благодаря тому, что мусульмане завоевали Испанию, классические греческие тексты были переведены на латынь, так что они могли готовить эпоху Ренессанса в Западной Европе. В истории каждой религии существует великое множество подобных ценных вещей, но что все это означает? Следует ли из этого, что вера — хорошая, добрая вещь? Говорят, что верующие создали почти все прекрасное в нашем мире, но это объясняется лишь тем, что почти каждый человек, который размахивал молотком или натягивал паруса, принадлежал той или иной религиозной традиции. Не было никого другого, кто мог бы выполнять эти дела. С таким же успехом мы можем заявить, что до XIX века все достижения человечества осуществляли исключительно такие люди, которые ничего не знали о молекулярной основе жизни. Значит ли это, что представления XIX века о биологии правильнее, чем современные? Мы не знаем, каким был бы наш мир, если бы во времена крестовых походов в нем возникло великое царство Разума, которое бы способствовало примирению народов Европы и Ближнего Востока. Быть может, в этом случае к концу XVI века у нас бы появились современная демократия и Интернет. Тот факт, что религия оставила свой отпечаток на каждом аспекте нашей цивилизации, ничего не говорит о ее ценности, как и тот факт, что какие-то последователи определенной религиозной традиции внесли важный вклад в человеческую культуру.

На фоне всех превратностей истории ислама начало моей книги, где говорится об одном смертнике-террористе, который исполняет именно то, что диктует ему религия, может вызвать гнев у многих читателей. Да, здесь я забыл о всем том, что говорят исследователи Ближнего Востока об истоках насилия среди мусульман. Я забыл о мучительной истории израильской оккупации Западного берега и сектора Газа. Я забыл о тайном сотрудничестве западных политиков с продажными диктаторами. Я забыл о повсеместной бедности и отсутствии экономических возможностей в нынешнем арабском мире. Но я намерен показать, что мы вправе забыть обо всем этом — или разобраться с этими вещами одной за другой, чтобы отодвинуть их в сторону, — потому что весь мир наполнен бедными, необразованными и угнетаемыми людьми, которые не совершают терактов и даже никогда не смогут стать террористами такого рода, как те, которые появляются среди мусульман, а в то же время в исламском мире полно образованных и благополучных людей, которых терзает разве что только страстная верность эсхатологии Корана, готовых убивать неверных ради Бога².

¹ Как мы уже видели в главе 2, когда кто-то думает, что его представления содержат истинную картину мира, это обязательно имеет последствия — логические, психологические и поведенческие. Как только ты решил, что религиозные (или духовные, или этические) утверждения что-то значат, ты должен признать, что они могут быть в разной мере точными или расплывчатыми, внутренне противоречивыми или нет, ценными или бесполезными. Такого рода иерархические ряды встроены в саму структуру мира. Мы подробнее рассмотрим вопрос о нравственности в главе 6.

² Пейп (R. A. Pape, «The Strategic Logic of Suicide Terrorism», *American Political Science Review* 97, no. 3 (2003): 20—32) утверждает, что терроризм следует понимать как определенную стратегию для достижения конкретных националистических целей, а не как феномен религиозной идеологии. В поддержку своего тезиса он приводит ряд примеров, когда Хамас и Исламский джихад использовали террористов-смертников, чтобы добиться уступок со стороны израильского правительства. Пейп говорит, что если бы эти организации были просто группой «иррациональных фанатиков», они бы не смогли столь умело использовать насилие для достижения своих целей. Значит, это в первую очередь проявление национализма. Подобно другим аналитикам, пишущим об этом адском использовании человеческих жизней, он не представляет себе, что это значит, когда миллионы людей действительно верят в то, во что

Мы ведем войну с исламом. Наши политики открыто этого не признают, вероятно, потому, что это не соответствует нашим интересам в сфере международных отношений, однако это факт. И нельзя сказать, что это война против в целом мирной религии, которую захватили в свои руки экстремисты. Нет, это война именно против того представления о жизни, держаться которого мусульманам повелевает Коран и которое развивают Хадисы, содержащие речения и деяния Пророка. Если представить себе такой будущий мир, где ислам и Запад сосуществуют, не пытаясь уничтожить друг друга, это будет такой мир, где большинство мусульман научились не обращать внимания на свои догматы, как это уже научилось делать большинство христиан. Но нельзя быть уверенным в том, что это произойдет, поскольку тому препятствуют сами принципы ислама.

КРАЯ БЕЗ ЦЕНТРА

Многие авторы указывают на то, что выражение «исламский фундаментализм» проблематично, поскольку оно строится на предпосылке о существовании некой группы фундаменталистов, которая резко отличается от большинства обычных мусульман. На самом же деле большинство приверженцев ислама можно назвать «фундаменталистами» с западной точки зрения, поскольку даже «умеренные» мусульмане считают Коран буквально записанными и безошибочными словами единого истинного Бога. Фундаменталисты (подобно экстремистам любого рода) отличаются от «умеренных» лишь тем, что первые в большей мере считают политические и военные действия неотъемлемой частью своей веры. Как бы там ни было, людей, которые считают, что ислам должен проникнуть во все сферы человеческого существования, включая политику и законодательство, сегодня обычно называют не «фундаменталистами» или «экстремистами», но «исламистами».

С точки зрения мусульманина весь мир делится на две части: «дом ислама» и «дом войны», и второе выражение указывает на то, что многие мусульмане верят в то, что в итоге разрешат проблему неверных. Хотя, разумеется, существует масса «умеренных» мусульман, которые не придают значения жесткой военной составляющей своей религии, ислам — это, несомненно, религия завоевания. Благочестивый мусульманин может представить себе (*как мусульманин*) лишь один вариант будущего — это мир, где все неверные обращены в ислам, покорены или стали покойниками. Доктрины ислама просто не позволяют постоянно делить власть с «врагами Бога».

В исламе, как и в большинстве других религий, не раз происходили расколы. С VII века сунниты (большинство) считали шиитов еретиками, а последние, в свою очередь, так же воспринимали первых. Внутри этих течений также происходили разделения, включая разделения среди тех, кого явно можно отнести к исламистам. Нам не нужно углубляться в эту сектантскую алгебру, но достаточно сказать, что все эти разделения внутри дома ислама для нас благотворны. Это смягчает исламскую угрозу для западного мира, но отнюдь не создает условий для примирения между исламом и западным либерализмом. Умеренного — *действительно* умеренного, содержащего критику мусульманской иррациональности, — ислама, похоже, не существует. Если же он и существует, то пока может лишь прятаться, как прятались умеренные христиане в XIV веке (и по тем же самым причинам).

Всех немусульман сильнее всего путает принцип джихада, который стараются скрыть от глаз публики все апологеты ислама. Это слово в его буквальном смысле означает «борьба» или «старание», но сегодня оно в основном звучит для нас как «священная война», и это не случайность. Хотя мусульмане любят говорить о том, что существует внутренний (или «более великий») джихад — война со своей греховностью, — это не заслоняет от нас того факта, что внешний («менее великий») джихад — война против неверных и

должны верить мусульмане. Даже если террористические группы преследуют какие-то краткосрочные цели, это не значит, что именно это, а не религиозные догматы, — главный мотив их деятельности. Пейп утверждает, что «самой главной целью для этих людей является независимость их родины (популяции, собственности, образа жизни) от иноземного влияния или контроля. Но он забывает о том, что эти люди сами определяют свою идентичность с помощью религии. Размышления Пейпа не работают в случае Аль-Каиды. Приписывать «территориальные» и «националистические» мотивы Усаме бен Ладену совершенно неразумно, поскольку Усаме беспокоили лишь распространение ислама и мусульманские святыни. Террористы-смертники, во всяком случае в мусульманском мире, — это чисто религиозный феномен, напрямую связанный с идеями мученичества и джихада, которые позволяют предсказать такое поведение и оправдывают его своей логикой. Этот феномен стоит столь же далеко от секулярного мира, как и молитва.

отступников — занимает центральное место в этой религии. Вооруженная борьба «в защиту ислама» — это религиозный долг всякого мужчины. И когда мы слышим фразу «в защиту ислама», нам не следует думать, что речь идет исключительно о «самозащите». Джихад — это недвусмысленный призыв к покорению мира. Как писал Бернард Льюис, «за этим стоит представление о том, что джихад надлежит вести непрерывно, лишь с краткими перемириями, до того дня, когда весь мир либо примет ислам, либо покорится мусульманскому правлению»¹. Не следует сомневаться и том, что мусульмане стремятся к победе в этом мире, а не только в грядущем. По словам Мэлайса Рутвена, «Пророк был своим собственным кесарем... Если imitatio Christi предполагает отказ от земных амбиций в надежде на спасение с помощью частных добродетелей, imitatio Muhammadi означает, что ты рано или поздно берешь в руки оружие и идешь сражаться с теми силами, которые, как тебе кажется, несут в себе внутреннюю или внешнюю угрозу исламу»². Об этом немало сказано в самом Коране, и эту тему развивают Хадисы:

Джихад — твой долг при любой правителе, как благочестивом, так и порочном.

Труд (или сражение) ради Аллаха утром или после полудня лучше всего мира и того, что в нем. День и ночь, проведенные в битве в передних рядах, лучше, чем месяц поста и молитвы.

Ни один из умерших, который обретает дары Аллаха (в ином мире), не желает вернуться в этот мир, хотя бы ему обещали весь мир и то, что в нем, кроме мученика, который, взирая на превосходство мученичества, хотел бы вернуться в этот мир, чтобы снова отдать жизнь (за Аллаха).

Если умирает человек, не принимавший участия в сражении, он умирает как бы в неверии.

*Рай находится в тени мечей*³.

Можно найти много подобных речений, и исламисты регулярно ссылаются на них, чтоб оправдать борьбу с неверными и отступниками.

Нет сомнений в том, что исламу присущ воинственный дух, хотя в Коране можно найти несколько мест, которые, похоже, запрещают применять насилие без разбора. Ведущие джихад не должны нападать первыми (Коран 2:190), потому что «Аллах не любит нападающих». Но этот запрет никому не связывает рук. На фоне долгой истории конфликта между исламом и Западом любой акт насилия против неверных можно подать как действие в защиту веры. Недавняя американская кампания в Ираке дает оправдание любым действиям мучеников, ведущих джихад против «друзей сатаны», на несколько десятилетий вперед. Льюис отмечает, что во время войны за Бога верному предписано не убивать женщин, детей и стариков, если того не требуют цели самозащиты, но и здесь с помощью хитрого толкования понятия самозащита воинствующие мусульмане могут обойти данное ограничение. А важнее всего то, что благочестивый мусульманин твердо верит в рай и в мученичество как средство для достижения рая. Он также не задумывается о том, насколько мудро и разумно убивать людей ради веры. В исламе только «умеренным» остается рвать на себе волосы, потому что в целом доктрина ислама однозначна: обращай, покоряй или убивай неверных, убивай отступников, завоевывай мир. Императив завоевания мира выглядит особенно любопытно на фоне того факта, что мусульмане постоянно обвиняют Запад в грехе «империализма»:

Слово «империализм» постоянно повторяют на Ближнем Востоке и в мусульманском мире, говоря о Западе. Здесь это слово имеет особое звучание. Его никогда не употребляют, если речь идет о великих мусульманских империях — первой, основанной арабами, или последней, созданной турками, завоевавшими большие территории с огромным населением и присоединившие их к дому ислама. Это воспринимается как совершенно законная вещь, когда мусульмане завоевывают Европу и порабащают европейцев, давая им возможность (конечно, без применения насилия) принять истинную веру. Но когда европейцы покоряют мусульман и, что еще хуже, сбивают их с пути, — это великое преступление и большой

¹ B. Lewis, *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror* (New York: Modern Library, 2003), 32.

² M. Ruthven, *Islam in the World*, 2d ed. (Oxford: Oxford Univ. Press, 2000), 7.

³ Некоторые из этих речений приводит Льюис (Lewis, *Crisis of Islam*, 32). Другие взяты из Интернета: www.usc.edu/dept/MSA/reference/searchhadith.html.

грех. Как это видят мусульмане, обращение других в ислам есть благодеяние для обращенных и добродетель обращающих. В то же время мусульманский закон считает обращение в иную веру отступничеством, за которое следует казнить и сбившегося с пути, и того, кто его «совратил», здесь закон совершенно ясен и однозначен. Когда мусульманин отвергает ислам, даже если он возвращается к своей прежней религии, его надлежит предать смерти¹.

Нам еще придется поговорить об отступничестве. Пока же заметим, что слова Льюиса о ненасильственном обращении в ислам несправедливы в данном контексте. Коран действительно в чем-то поддерживает «умеренных» мусульман. Там сказано: «Нет принуждения в религии» (Коран 2:256). Однако, если мы почитаем другие части Корана или вспомним об истории ислама, нам станет понятно, что эти слова не дают слишком надежной опоры для мусульманской веротерпимости. Во-первых, терпимость ислама распространяется только на иудеев и христиан — на «народы Книги», — тогда как вера буддистов, индуистов и прочих идолопоклонников для мусульман настолько порочна, что с ней можно не считаться². Но даже «народы Книги» должны были таить свою веру и «смирненно» платить десятину (*джизья*) мусульманским правителям. Фарид Закария³ (как и многие другие авторы) отмечает, что евреи веками жили в мусульманских странах относительно благополучно — но это можно назвать благополучием лишь на фоне ужасов их жизни в теократических христианских обществах. На самом деле в доме ислама евреи постоянно подвергались унижению и переживали погромы. Это было нечто вроде апартеида: евреям запрещали носить оружие, выступать свидетелями на суде и ездить на лошадях. Их обязывали носить особую одежду (желтый отличительный символ был придуман вовсе не в нацистской Германии, но в Багдаде) и не заходить на определенные улицы и в некоторые здания. Они должны были (за нарушения этого правила полагалось физическое наказание вплоть до смертной казни) держаться слева (с нечистой стороны) от мусульман, опустив глаза. В некоторых арабских странах дети мусульман, увидев евреев, обычно швыряли в них камни и плевали на них⁴. Кроме всего этого, в мусульманских странах постоянно происходили массовые убийства евреев и погромы: в Марокко (1728, 1790, 1875, 1884, 1890, 1903, 1912, 1948, 1952 и 1955), в Алжире (1805 и 1934), в Тунисе (1864, 1869, 1932 и 1967), в Персии (1839, 1867 и 1910), в Ираке (1828, 1936, 1937, 1941, 1946, 1948, 1967 и 1969), в Ливии (1785, 1860, 1897, 1945, 1948 и 1967), в Египте (1882, 1919, 1921, 1924, 1938-39, 1945, 1948, 1956 и 1967), в Палестине (1929 и 1936), в Сирии (1840, 1945, 1947, 1948, 1949 и 1967), в Йемене (1947) и т. д.⁵ Жизнь христиан под властью ислама была куда спокойнее.

Согласно исламской доктрине веротерпимости, всех, кто не исповедует ислам, надлежит подчинять (в политическом и экономическом смысле), обращать или казнить. И тот факт, что мусульманский мир в его истории никогда не был и, возможно, никогда не станет единым, не мешает мусульманам мечтать о гегемонии. Ибо «закон мусульманского государства должен приводить всех в послушание откровению»⁶.

Закария говорит, что мусульмане, живущие на Западе, обычно толерантно относятся к иным представлениям. Попробуем временно согласиться с этим утверждением — несмотря на то, что многие западные страны сегодня становятся «рассадниками агрессии ислама»⁷. Но прежде разговора о мусульманской терпимости нам стоит спросить себя о том, как мусульманская нетерпимость проявляется на Западе. Даже самым радикальным меньшинствам приходится терпеть окружающих. Любые террористы и революционеры большую часть жизни выжидают своего часа, приспособляясь к внешнему миру. Нам не следует смешивать такую «терпимость» — политическую, экономическую и временную — с либерализмом.

¹ Lewis, *Crisis of Islam*, 55.

² «Идолопоклонство хуже, чем убийство» (Коран 2:191). Правление могольского императора Акбара (1556-1605) представляет исключение, однако терпимое отношение Акбара к индуистам было открытым нарушением исламских законов.

³ F. Zakaria, *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad* (New York: W. W. Norton, 2003), 126.

⁴ См. A. Dershowitz, *The Case for Israel* (Hoboken, N. J.: John Wiley, 2003), 61.

⁵ См. R. S. Wistrich, *Anti-Semitism: The Longest Hatred* (New York: Schocken Books, 1991), and Dershowitz, *Case for Israel*.

⁶ L. Binder, *Islamic Liberalism: A Critique of Development Ideologies* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988), 129.

⁷ A. Cowell, «Zeal for Suicide Bombing Reaches British Midland», *New York Times*, May 2, 2003. Возьмем, например, Великобританию: живущие здесь мусульмане участвовали в боевых действиях Талибана, организовывали теракты в Йемене, совершали попытки взрывов самолетов, похищали и убивали журналистов в Пакистане. Недавно двое из британских подданных вызвались стать террористами-смертниками в Израиле (одному это удалось, другому нет).

Льюис говорит, что «мусульмане не готовы отдать ни клочка той земли, что однажды была завоевана исламом»¹. К этому можно добавить еще кое-что: ни один клочок *ума*, завоеванный исламом, невозможно вернуть назад — поскольку, как говорит Льюис, за отступничество наказывают смертью. Нам стоит поразмышлять об этом факте — это такой феномен нетолерантности, который не по зубам либеральным толкователям Корана. В доме ислама человека, который слишком многое узнает о мире — так что он начинает сомневаться в главных доктринах, — нужно лишить жизни. Если в XXI веке кто-то отвергает мусульманство — даже если он побыл правоверным всего лишь один час, — по исламским законам, которые распространены повсеместно, его следует убить. Сам Коран только лишь описывает то наказание, которое ждет отступников в мире ином (Коран 3:86—91), зато Хадисы говорят о том, как надо осуществлять справедливость в этом мире: «Если кто меняет свою веру, убей его». Здесь нет никаких метафор, и никакое либеральное толкование не в силах скрыть смысл этого призыва. Конечно, мы можем сказать, что подобных слов нет в самом Коране, но на практике вся жизнь мусульман опирается на Хадисы. Поскольку верные толкуют Коран именно в свете Хадисов, многие мусульмане приписывают Хадисам еще больший авторитет². Хотя некоторые либеральные юристы говорят, что надо наказывать отступника смертью лишь в том случае, когда он поносит ислам, сама смертная казнь не воспринимается ими как слишком суровое наказание. Если даже мусульмане не практикуют подобные меры, в целом они признают их законность. Вот почему ни один разумный мусульманин не протестовал тогда, когда аятолла Хомейни предложил награду за убийство Салмана Русди. Многие западные люди удивлялись тому, что «умеренные» мусульмане не осудили эту фатву публично. Ответ на этот вопрос дает само учение ислама, так что в справедливости подобных приговоров не сомневается даже Кэт Стивенс, певец в стиле фолк западного происхождения (которого сейчас зовут Юсуф Ислам)³.

Как мы уже видели, подобная нетолерантность свойственна также христианству и иудаизму — однако это явление не встречается уже несколько столетий. В исламе же это происходит сегодня: если, желая свободно исследовать мир, ты открыл не ту дверь, твои собратья обязаны тебя за это убить. Не удивительно ли, что при этом мусульмане любят повторять слова об «отсутствии принуждения в вере»?

В своей критической рецензии на недавно вышедшую книгу Льюиса об исламе Кеннет Поллак поднимает вопросы, которые имеют прямое отношение к тому, о чем мы сейчас говорим:

Льюис не затронул многие более глубокие вопросы. Он не объясняет, почему исламский Ближний Восток переживает стагнацию, почему здесь не удаются реформы, почему ему не удастся достойным образом вписаться в глобальную экономику и почему все эти неудачи не порождают еще большего стремления добиться успеха (что на протяжении последних пятидесяти лет происходило в Восточной Азии или — хотя это спорный вопрос — в Индии, в Латинской Америке и в недавние времена даже в странах Африки, расположенных к югу от Сахары), но только усиливают злость и обиду на Запад, и эти чувства достигают такой силы, что мусульмане совершают теракты с самоубийством, несмотря на запрет ислама относительно последнего⁴.

Все это хорошие вопросы — Закария дает на них правдоподобные ответы, — хотя их неверно называть «глубокими». Если вы верите всему, что говорит Коран, и стремитесь избежать огненных мучений в аду, вы должны как минимум с сочувствием относиться к деятельности Усамы бен Ладена. Запрет на «теракты с самоубийством» в Коране не столь ясен, как считает Поллак. Это единственное не слишком однозначное речение: «И не убивайте самих себя» (4:29). Подобно большинству других аналитиков, пишущих об этих предметах, Поллак, похоже, не способен поставить себя на место человека, который **действительно верит** словам Корана — что тебя ждет рай и что нас окружает падший мир, который надо завоевать во славу Божью. Откройте Коран на любой странице и просто прочтите его глазами верующего. Вы поймете, что не стоит испытывать сострадания к тем, кого сам Бог «высмеивает», «проклинает», «стыдит», «наказывает», «бичует», «судит», «сжигает», «уничтожает», «не прощает» и кому он «не дает отсрочки».

¹ Lewis, *Crisis of Islam*, xxviii.

² Ruthven, *Islam in the World*, 137.

³ Умудренный Юсуф Ислам написал следующие слова в ответ на вопросы людей, шокированных этой фатвой Хомейни.

⁴ K. H. Pollack, «'The Crisis of Islam': Faith and Terrorism in the Muslim World», *New York Times Book Review*, April 6, 2003.

Бесконечно мудрый Бог уже проклял неверных вместе с их сомнениями. Он не лишает их жизни и богатства, чтобы они продолжали прилагать один грех ко другому, обрекая себя на мучения, которые ждут их после смерти. С этой точки зрения люди, погибшие 11 сентября, были просто топливом для вечных костров Божьей справедливости. Чтобы продемонстрировать ту беспощадность, с которой Коран бичует неверных, я приведу длинный ряд цитат в порядке их появления в священном тексте. Вот каковы замыслы Творца вселенной (когда его ум не занят мыслями о гравитационных постоянных или атомных массах):

«Поистине, те, которые не уверовали, — все равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не веруют» (2:6). «Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо!» (2:15). Их ожидает «огонь, топливом для которого будут люди и камни» (2:24). Их ничего не ждет, «кроме позора в жизни ближайшей, а в день воскресения они будут преданы самому жестокому наказанию!» (2:85). «Проклятие же Аллаха над неверующими!» (2:89). «И навлекли они на себя гнев на гнев. Поистине, для неверных — наказание унижительное!» (2:90). «Аллах — враг неверным!» (2:98). «Не хотели бы те из обладателей писания [христиан и иудеев] и многобожников, которые не веруют, чтобы вам ниспосылалось благо от вашего Господа» (2:105). «Для них в здешнем мире — позор, и для них в будущем — великое наказание!» (2:114). «Те, кому Мы [Бог] даровали писание, считают его достойным чтением — те веруют в него. А если кто не верует в него — те будут в убытке» (2:121). «А тем, которые не уверовали, Я дам в пользование ненадолго, а потом силой приведу их к наказанию огнем». Скверно это возвращение!» (2:126). «Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!» (2:142). «Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: «Мертвые!» Нет, живые! Но вы не чувствуете» (2:154). «Поистине те, которые не веровали и умерли, будучи неверными, — над ними проклятие Аллаха, и ангелов, и людей — всех! Вечно пребывающими в нем они будут, — не будет облегчено им наказание, и не будет дано им отсрочки» (2:161—162). «Те, которые не веруют, подобны тому, который кричит на тех, что не слышат ничего, кроме зова и призыва: глухи, немые, слепы, — они и не понимают!» (2:171). «И для них — мучительное наказание!» (2:174). «И как они терпеливы к огню! Это — потому, что Аллах ниспослал писание воистину, а те, которые разногласят о писании, конечно, в далеком расколе» (2:175—176). «И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убийство! ... Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных! Если же они удержатся, то ведь Аллах — прощающий, милосердный! И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к несправедным!» (2:191-193). «Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — поистине, Аллах знает, а вы не знаете!» (2:216). «А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут. А если кто из вас отпадает от вашей религии и умрет неверным, у таких — тщетны их деяния в ближайшей и будущей жизни! Эти — обитатели огня, они в нем вечно пребывают! Поистине, те, которые уверовали и которые выселились и боролись на пути Аллаха, те надеются на милость Аллаха, — ведь Аллах прощающ, милосерд!» (2:217—218). «Аллах ведь не ведет прямо людей несправедных!» (2:258). «Аллах не ведет прямым путем людей неверных!» (2:264). «Нет помощников у несправедливых!» (2:270). «Аллах ведет прямым путем, кого хочет» (2:272).

«Поистине, те, которые не веруют в знамения Аллаха, — для них сильное наказание. Поистине, Аллах велик, обладатель мщения!» (3:4). «Поистине, те, которые не уверовали, не избавят их ни от чего пред Аллахом ни их достояния, ни их дети! Эти — растопка для огня» (3:10). «Скажи тем, которые не уверовали: «Будьте вы побеждены и собраны в геенну. Скверно это седалище!» (3:12). «Поистине, религия пред Аллахом — ислам... А если кто не верует в знамения Аллаха, то ведь Аллах быстр в расчете!» (3:19). «Пусть верующие не берут себе близкими неверных помимо верующих. А кто сделает зло, у того с Аллахом нет ничего общего, если вы только не будете опасаться их страхом» (3:28). «О вы, которые уверовали! Не берите себе близких друзей, кроме вас самих. Они не преминут вам вредить, они хотели бы того, чтобы вы попали бы в беду.

Обнаружилась ненависть из их уст, а то, что скрывают их груди, больше» (3:118). «Если вас коснулась рана, то такая же рана коснулась и того народа. Эти дни мы сменяем чередой среди людей, и чтобы знал Аллах тех, которые уверовали и взяли из вас исповедников, — поистине, Аллах не любит несправедливых! — и чтобы очистил Аллах тех, которые уверовали и стер неверных» (3:140-141). «О, вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться тем, которые не веровали, они обратят вас вспять, и вы вернетесь понесшими убыток... Мы ввергнем в сердца тех, которые не веровали, ужас... Убежище их — огонь, и скверно пребывание нечестивых!» (3:149—151). «О вы, которые уверовали! Не будьте, как те, кто не веровал и говорил своим братьям, когда они двинулись по земле или совершали поход: «Если бы они были при нас, то не умерли бы и не были бы убиты», — чтобы Аллах сделал это огорчением в сердцах... И, конечно, если бы вы были убиты на пути Аллаха или умерли, то прощение от Аллаха и милосердие — лучше того, что вы собираете» (3:156—157). «И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из Своей милости, и ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что над ними нет страха, и не будут они опечалены!» (3:169-170). «И пусть не считают никак те, которые не веровали, что то, что Мы им продлеваем, — во благо для них самих. Мы продлеваем им, только чтобы они усилились в грехе, и для них — наказание унижительное!» (3:178). «А тем, которые выселились или были изгнаны из своих жилищ, и были подвергнуты страданиям на Моем пути, и сражались, и были убиты, — Я очищу их дурные деяния и введу их в сады, где внизу текут реки, — в награду от Аллаха, а у Аллаха — хорошая награда!». Пусть не соблазняет тебя изворотливость тех, которые не уверовали в стране: малое пользование, а потом убежище их — геенна, и скверно это ложе!» (3:195-197).

«Проклял их Аллах за их неверие» (4:46). «Аллах не простит тем, кто служит иным богам, кроме Него, но простит, кого пожелает, за другие грехи. Служащий иным богам повинен в мерзком грехе... Разве ты не видел тех, которым дарована часть писания, — они веруют в джибта и тагута и говорят о тех, которые не веровали: «Эти — вернее путем, чем те, которые уверовали» (4:50-51). «Поистине, тех, которые не веровали в Наши знамения, Мы сожжем в огне! Всякий раз, как сготовится их кожа, Мы заменим им другой кожей, чтобы они вкусили наказания. Поистине, Аллах — великий, мудрый!» (4:56).

«О, вы, которые уверовали! Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных» (5:57). «И конечно, у многих из них низведенное тебе от твоего Господа только увеличивает заблуждение и неверие. Мы бросили между ними вражду и ненависть до дня воскресения» (5:64). «Поистине, Аллах не ведет прямо людей неверных!» (5:67). «Но у многих из них низведенное тебе от твоего Господа увеличивает только заблуждение и неверие. Не горюй же о людях неверных!» (5:68). «Ты видишь, как многие из них берут в друзья тех, которые не веровали. Как скверно то, что им раньше уготовали их души, что разгневался на них Аллах, и в наказании они пребывают вечно!.. Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы — христиане!» (5:80~82). «А те, которые не веровали и считали ложью Наши знамения, они — обитатели огня!» (5:86).

«Они сочли за ложь истину, когда та к ним пришла. Придут к ним вести о том, над чем они издевались!» (6:5). «Мы укрепляли их на земле так, как не укрепляли вас [обитателей Мекки], посылали на них небо обильным дождем и заставляли реки течь у них, а потом погубили их за грехи и произвели после них другое поколение. А если бы Мы ниспослали тебе книгу в хартии, и они оцупали бы ее руками, то те, которые не веровали, сказали бы: «Это — только очевидное колдовство!» И сказали они: «Если бы к нему [Мохаммеду] был сведен ангел!» А если бы Мы свели ангела, то дело было бы решено, и потом им не было бы отсрочки!» (6:6—8). «Кто несправедливее того, кто измышляет на Аллаха ложь или считает ложью Наши знамения?» (6:21). «Среди них

есть такие, что прислушиваются к тебе, но Мы положили на сердца их покровы, чтобы они не поняли его, а в уши их — глухоту. Хотя они и видят всякое знамение, но не верят в него. А когда они приходят к тебе, препираются, то говорят те, которые не веровали: «Это — только сказки первых!» Они и удерживают от него и удаляются от него, но губят они только самих себя и не знают. Если бы ты видел, как они будут поставлены перед огнем и скажут: «О, если бы мы были возвращены, мы не считали бы ложью знамени Господа нашего и были бы в числе верующих!» (6:25— 27). «Если бы они были возвращены, то вернулись бы к тому, от чего их удерживали! Ведь они — лжецы» (6:28). «Если бы пожелал Аллах, то Он собрал бы их на прямом пути» (6:35). «А те, которые считали ложью Наши знамения, — глухи, немые, во мраке. Кого желает Аллах, того сбивает с пути, а кого желает, того помещает на прямой дороге» (6:39). «Но отвердели сердца их, и сатана разукрасил им то, что они делали! А когда они забыли то, о чем им напоминали, Мы открыли пред ними ворота всего. А когда они радовались тому, что им было даровано, Мы внезапно схватили их, и вот, они — в отчаянии. И усечен был последний из тех людей, которые были неправедны. И хвала Аллаху, Господу миров!» (6:43-45). «А тех, которые считали ложью Наши знамения, коснется наказание за то, что они нечестивы!» (6:49). «Это — те, которые погублены от того, что они приобрели. Для них — питье из кипятка и мучительное наказание за то, что они неверные!» (6:70). «Если бы ты видел, как неправедные пребывают в пучинах смерти, а ангелы простирают руки: «Изведите ваши души, сегодня будет вам воздано наказанием унижения за то, что вы говорили на Аллаха не истину и превозносились над его знамениями!» (6:93). «Отвернись от многобожников. Если бы захотел Аллах, они не поклонялись бы идолам... И Мы переворачиваем сердца их и взоры, как они не уверовали в это в первый раз, и оставляем их скитаться слепо в своем заблуждении... А если бы Мы низвели на них ангелов, и заговорили бы с ними мертвые, и собрали бы Мы пред ними все лицом к лицу, они все-таки не уверовали, если не пожелает Аллах... И так Мы всякому пророку устроили врагов — шайтанов из людей и джиннов; одни из них внушают другим прелесть слов для обольщения. А если бы пожелал Господь твой, они бы этого не делали. Оставь же их и то, что они измышляют! И пусть склоняются к нему сердца тех, которые не верят в жизнь будущую, и удовлетворяются им и пусть приобретают то, что они приобретают» (6:106-113). «Ведь шайтаны внушают своим сторонникам, чтобы они препирались с вами, а если вы их послушаете, вы тогда — многобожники... Постигнет тех, которые согрешили, унижение пред Господом и наказание сильное за то, что они ухищрялись!» (6:121— 124). «Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для ислама, а кого пожелает сбить с пути, делает грудь его узкой, тесной, как будто бы он поднимается на небо. Так Аллах направляет наказание на тех, которые не веруют!» (6:125).

Конечно, все это до отчаяния утомительно читать¹. Но без этого текста обойтись невозможно. Мне трудно судить о достоинствах арабского оригинала, допустим, он прекрасен. Но этого никак нельзя сказать о содержании. Почти на каждой странице Коран призывает верных мусульман с презрением относиться к неверующим. Почти каждая страница книги готовит почву для религиозных конфликтов. И если человек, читая подобные тексты, продолжает утверждать, что акты насилия со стороны мусульман никак не связаны с их верой, ему, возможно, следует проконсультироваться у невропатолога.

Ислам в большей мере, чем любая другая религия из всех, созданных человеком, пропитан бескомпромиссным культом смерти. Саид Кутб, один из самых влиятельных мыслителей мусульманского мира и отец современного исламизма среди суннитов, писал: «Коран указывает на еще одно презренное качество евреев — это их страстное желание жить, чего бы это ни стоило, независимо от качества жизни, от чести и от достоинства»². Это высказывание удивительным образом суммирует то, о чем мы говорим.

¹ Томас Карлейль (1795-1881) написал такие слова: «Должен признаться, это мне было читать труднее, чем что-либо иное за всю мою жизнь. Утомительная и запутанная, неумелая и дурно написанная книга с бесконечными повторами, с обилием лишних и темных словес... короче сказать — невообразимая нелепица! Европейец может читать Коран лишь по одной причине — из чувства долга!» Цитируется по Ruthven, Islam in the World, 81—82.

² Цит. по P. Berman, Terror and Liberalism (New York: W. W. Norton, 2003), 68.

Может показаться, что это просто банальный выпад против евреев, однако здесь перед нами раскрывается самая суть мусульманского мировоззрения. Стоит немножко поразмышлять над этими словами, и здесь перед твоими глазами разворачивается вся логика нетерпимости и торжественных самоубийств. Запрет на самоубийство в Коране абсолютно никого не останавливает. Конечно, иные специалисты по мусульманским законам могут говорить, что деятельность террористов-смертников противоречит учению ислама (хотя почему мы не видим этих специалистов?) и что поэтому людей, что себя взрывают, следует считать не мучениками, но новыми обитателями преисподней. Такое мнение меньшинства (если его вообще кто-либо высказывает) не мешает большей части мусульманского мира оправдывать подобные теракты, которые верные называют «священными взрывами».

И оправдать их несложно, если помнить о доктринах ислама. Представления мусульманина о джихаде, мученичестве, рае и неверных делают смерть террориста логичным продолжением их веры, а не отклонением от нее. И нас не должно удивлять то, что большинство из погибших таким образом людей их братья по вере считают мучениками. В любых боевых действиях присутствует риск для жизни, а потому их можно в каком-то смысле назвать «самоубийственными», и это стирает грань между самоубийством и смертью в бою того, кто исполнял свой священный долг и сражался «за Бога». Потенциальный мученик, вероятно, применяет такую логику: когда ты убиваешь неверующих и отступников «в защиту ислама», Аллаху неважно, совершаешь ты при этом акт самоубийства или нет.

Недавно Исследовательский центр Пью провел масштабный опрос, в котором участвовало более 38 тысяч респондентов. Результаты опроса были первой публикацией в рамках проекта глобальных исследований центра под названием «Что думает мир в 2002 году?»¹.

Среди прочих вопросов там был и следующий, который задавали исключительно мусульманам:

Некоторые люди считают, что деятельность смертников, которые себя взрывают, или другие акты насилия, направленные на мирное население, оправданы как средство защиты ислама от его врагов. Другие люди думают, что, независимо от их причин, подобные акты насилия оправдать невозможно. Что думаете вы: защита ислама оправдывает такие акты насилия часто, оправдывает их иногда, лишь в редких случаях или никогда не оправдывает?

Прежде чем мы обратимся к результатам исследования, нам надо обратить внимание на то, что здесь рядом стоят выражения «смертники, которые себя взрывают», и «мирное население». Мы живем в мире, где мусульмане проходят опрос, проведенный по всем правилам (с допустимой погрешностью от 2 до 4%), в ходе которого их спрашивают: поддерживают ли они («часто», «иногда», «лишь в редких случаях» или «никогда») целенаправленное убийство (или нанесение им тяжелых телесных повреждений) мирных мужчин, женщин и детей в защиту ислама? Вот часть результатов опроса Исследовательского центра Пью (сумма ответов не во всех случаях составляет 100%):

¹ www.people-press.org.

СМЕРТНИКИ, ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИСЛАМ

Оправдано ли их поведение?

	ДА	НЕТ	НЕ ЗНАЮ/ОТКАЗ ОТ ОТВЕТА
Ливан	73	21	6
Берег Слоновой Кости	56	44	0
Нигерия	47	45	8
Бангладеш	44	37	19
Иордания	43	48	8
Пакистан	33	43	23
Мали	32	57	11
Гана	30	57	12
Уганда	29	63	8
Сенегал	28	69	3
Индонезия	27	70	3
Турция	13	73	14

Если вас не пугают эти данные, вспомните о том, что существуют и другие страны: Саудовская Аравия, Йемен, Египет, Иран, Судан, Ирак, а также Палестинские территории, не включенные в опрос. Если бы у нас были данные по этим странам, можно без сомнения сказать, что Ливан не оказался бы вверху этого списка. Конечно, поведение смертников включает в себя самоубийство, которое, по мнению большинства мусульман, прямо запрещено Богом. И потому, если бы вопрос был задан в иной форме: «Оправдано ли насилие, направленное на мирное население, как средство защиты ислама от его врагов?» — мы бы получили больше голосов в поддержку терроризма.

Но за опросом Центра Пью кроется куда более мрачная картина. Оказывается, в отрицательный ответ включены голоса тех, кто сказал «никогда не оправдывает», а также тех, кто ответил «лишь в редких случаях», так что ислам стал выглядеть в данных опроса более миролюбивым. Возьмем, например, данные по Иордании: 43% населения здесь явно одобряют терроризм, а 48% — нет. Однако на самом деле 22% опрошенных жителей Иордании ответили, что терроризм оправдан «лишь в редких случаях», а это

половина из всех отрицательных ответов. Ответ «лишь в редких случаях» все равно допускает, что в некоторых особых ситуациях оправдано убийство мирного населения без разбору (плюс самоубийство), причем речь не идет о неизбежных потерях среди мирного населения во время боевых действий, но о результате целенаправленной деятельности смертника. О терпимом отношении мусульман к терроризму свидетельствуют и цифры в последнем столбике, показывающие процент населения, которые не могли сказать «никогда не оправдывает» и ответили «не знаю» или отказались отвечать на вопрос. Если мы разделим все данные по другому принципу, мусульманский мир окажется еще дальше от солнца современности:

СМЕРТНИКИ, ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИСЛАМ

Оправдано ли их поведение хотя бы в каком-то случае?

	ДА	НЕТ	НЕ ЗНАЮ/ОТКАЗ ОТ ОТВЕТА
Ливан	82	12	6
Берег Слоновой Кости	73	27	0
Нигерия	66	26	8
Иордания	65	26	8
Бангладеш	58	23	19
Мали	54	35	11
Сенегал	47	50	3
Гана	44	43	12
Индонезия	43	54	12
Уганда	40	52	8
Пакистан	38	38	23
Турция	20	64	14

Это ужасающие цифры. Даже если бы весь мусульманский мир ответил так же, как мусульмане Турции (где 4% считают, что поведение смертников оправдано «часто», 9% — «иногда», а 7% — «лишь в редких случаях»), у нас и здесь был бы повод для беспокойства: это бы значило, что около 200 миллионов людей в

мире открыто поддерживает терроризм. Однако Турция — это просто исключительно мирная страна по сравнению с другими частями мусульманского мира.

Представим себе Ближний Восток, где в один прекрасный день воцарился мир. Что бы должны были думать там мусульмане о террористах-смертниках? Говорили бы они: «Наши предки были каким-то поколением социопатов»? А что бы они сказали о праздниках, которые следуют за «священными взрывами»? Молодой человек, родившийся в достаточно привилегированной семье, начинает себя взрывчаткой и шариками от подшипников и уничтожает себя вместе с каким-то количеством детей на дискотеке, после чего его мать торжественно поздравляет сотни соседей. Что должны были бы думать палестинцы о таком поведении, если бы на Ближнем Востоке был мир? Если бы они остались верными мусульманами, они **должны** были бы думать так: «Теперь наши мальчики в раю, и они приготовили путь в рай для нас. Ад же уготован неверующим». На мой взгляд, это совершенно очевидная истина о человеческой природе: никакой мир не может долго просуществовать на фоне такого рода представлений.

Нам не стоит забывать о том факте, что значительная часть мусульман всего мира верит в то, что люди, разрушившие Всемирный торговый центр, ныне сидят по правую руку Бога, где «реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, и реки из меду очищенного» (47:15). Эти люди — перерезавшие горло стюардесс, несшиеся со скоростью восемьсот километров в час, чтобы убивать молодых родителей с их детьми, — теперь пируют в «царстве блаженства и славы», где им прислуживают «юноши вечные». «На них одеяния зеленые из сундуса и парчи, и украшены они ожерельями из серебра» (76:21). Коран приводит длинный список ожидающих их наград. Но что поднимает смертника с постели в его последний день среди живых? Неужели кто-то из девятнадцати террористов мечтал о саде Аллаха просто по той причине, что там ему вручат роскошные одежды? Маловероятно. Ответ на этот вопрос — чудо своего рода: наиболее сексуально зажатые люди во всем мире, люди, которые яростно протестовали против показа сериала «Спасатели Малибу», идут на мученичество ради такого рая, который более всего напоминает бордель на открытом воздухе¹.

Мы не будем говорить об ужасающих этических последствиях подобных представлений о загробной жизни, достаточно сказать, что рай Корана крайне неправдоподобен. Слова пророка VII века о саде с молочными и медовыми реками аналогичны словам пророка XXI века, который бы описывал роскошь и блеск райского города, где каждая душа водит новенький «Lexus». Достаточно немного поразмыслить, чтобы понять простую истину: эти описания ничего не говорят о жизни после смерти, а лишь открывают ограниченность человеческого воображения.

ДЖИХАД И ЭНЕРГИЯ АТОМА

Верующие мусульмане определяют себя в первую очередь своей религией. Несмотря на движение панарабизма, представления об этнической или национальной идентичности никогда не пускали столь же глубоких корней в мусульманском мире, как в мире западном. Ярким примером мусульманской солидарности служит всеобщая поддержка мусульманами Саддама Хусейна после нападения США на Ирак, хотя ранее весь мир ислама презирал Хусейна за его секуляризм и деспотизм. Эта реакция продемонстрировала одну вещь: несмотря на все преступления диктатора против народа Ирака, против Кувейта и Ирана, сама идея о том, что армия неверующих занимает Багдад — какими бы благими мотивами последние ни руководствовались, — невыносима для мусульман. Саддам Хусейн мог бы пытаться и убивать мусульман больше, чем любой другой политик в истории, но при этом американцы все равно остаются «врагами Бога».

Важно помнить об этой широкой картине, потому что ее детали в крайней степени абсурдны и просто бессмысленны. Ведя диалог с мусульманским миром, мы говорим с людьми, представления которых о

¹ Christopher Luxenberg (это псевдоним), специалист по древним семитическим языкам, недавно показал, что мусульмане населили рай «девственницами» (арабское *hur*, откуда и происходит слово «гурии», в буквальном переводе — «белые»). Вероятно, описания рая в Коране заимствованы из более древних христианских текстов, где часто используется арамейское слово *hur*, означающее «белый изюм». Похоже, этот изюм был драгоценным деликатесом в древнем мире. Представьте себе лицо юного мученика, который обнаружил, что в раю ему вручают просто горсть изюма, а не то, чего он так ожидал. См. A. Stille, «Scholars Are Quietly Offering New Theories of the Koran», *New York Times*, March 2, 2002.

мире не опираются на разум, так что их даже невозможно обсуждать, хотя именно эти представления стоят за многими претензиями мусульман к Западу.

В этом контексте нас особенно должна заботить проблема ядерного сдерживания. Никакая *холодная* война невозможна в том случае, если исламистские режимы располагают ядерным оружием дальнего действия. Холодная война возможна тогда, когда обе стороны сдерживает угроза смерти. Представления мусульман о мученичестве и джихаде перечеркивают ту логику, которая ранее позволяла США и Советскому Союзу более или менее стабильно не переступить черту Армагеддона. Что мы будем делать, если какая-либо группа исламистов, у которых увлажняются глаза при упоминании о рае, овладеет ядерным оружием дальнего действия? История говорит нам о том, что, вероятно, мы не сможем заранее узнать, где находится штаб боевых действий и каково состояние готовности противника, чтобы превентивно уничтожить его обычным управляемым оружием.

В такой ситуации нам останется только одно средство спасения от смерти — первыми нанести ядерный удар.

Надо ли говорить о том, что это было бы ужасным преступлением — оно повлекло бы за собой гибель десятков миллионов невинных людей в один день, — но, учитывая представления исламистов, можно предположить, что у нас не останется иного выбора. Как будет воспринят подобный преступный акт самозащиты в мусульманском мире? Вероятнее всего — как первый шаг крестового похода, направленного на истребление мусульман. Ужасающая ирония этого заключается в том, что такое *представление может творить реальность*, эта мысль может втянуть нас в кровавую войну со всяким мусульманским государством, располагающим ядерным оружием. Весь этот сценарий, конечно, похож на бред: я просто хотел представить потенциально возможное развитие событий, которые повлекут за собой уничтожение значительной части населения мира из-за религиозных идей, которые стоило бы поставить в один ряд с верой в Бэтмена, в философский камень или единорогов. Такая гибель из-за мифа кажется нам зловещим абсурдом, но такое действительно может случиться. Более того, тот факт, что вера в нашем обществе защищена от разумного обсуждения, увеличивает вероятность подобного сценария. Нам пора привыкнуть думать о том, что люди, проникнутые тем же духом, что и девятнадцать похитителей самолетов, однажды могут завладеть ядерным оружием дальнего действия. Мусульманский мир особенно сильно мечтает об этом и делает все возможное для достижения такой цели. Учитывая неуклонное развитие техники, мы с уверенностью можем сказать, что время здесь работает на противника.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ЗАПАДОМ

Сэмюэль Хантингтон назвал конфликт между исламом и Западом «столкновением цивилизаций». Хантингтон заметил, что когда мусульманская страна граничит с немусульманской, между ними часто происходят вооруженные конфликты. Он нашел удачную фразу для описания злосчастного факта, когда написал о «кровавых границах ислама»¹. Многие ученые подвергли Хантингтона резкой критике. Эдвард Саид написал по этому поводу, что только «великая демагогия и откровенное невежество позволяют Хантингтону самонадеянно говорить обо всей религии или цивилизации»². Сам же Саид утверждал, что члены Аль-Каиды — это просто «безумные фанатики», которых, вопреки мнению Хантингтона, следует отнести к таким же людям, как последователи Джима Джонса, основателя секты «Ветвь Давидова» в Гайане³, или сторонники культа Аум Сенрикё: «Хантингтон пишет, что миллиард мусульман, живущих в мире, «убежден в превосходстве своей культуры и страдает от унижения из-за того, что имеет мало власти». Спросил ли он, что об этом думают хотя бы сотня жителей Индонезии, 200 марокканцев, 500 египтян и 50

¹ S. P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster, 1996).

² E. W. Said, «The Clash of Ignorance», *Nation*, Oct. 4, 2001.

³ Так у автора. Джим Джонс был основателем религиозного движения «Народный храм». История этого движения завершилась одним из самых страшных и загадочных преступлений второй половины XX века — в Джонстауне, Гайана, были обнаружены около 1000 тел последователей Джонса. Основателем «Ветви Давидовой» был Дэвид Кореш, погибший вместе с более чем 70 своих последователей (включая 21 ребенка) в 1993 году в США. В обоих случаях есть версии, что к трагической развязке имели непосредственное отношение спецслужбы США. — Прим. ред.

боснийцев? А если бы даже и спросил, разве можно было бы делать столь глобальные выводы?» Нетрудно понять, что такого рода критика страдает недобросовестностью. Разумеется, не все обобщения относительно культуры правомочны, однако слова о том, что Усама бен Ладен — это просто мусульманский эквивалент преподобного Джима Джонса, смехотворны. Саид считает, что бен Ладен стал «неким обобщенным символом всего того, чего боится и ненавидит Америка»¹, но это не так. Достаточно открыть Коран, чтобы понять правоту слов Хантингтона: подлинно верующий мусульманин действительно «убежден в превосходстве своей культуры и страдает от унижения из-за того, что имеет мало власти», и он просто обязан быть именно таковым. А этого достаточно для доказательства его тезиса.

Нравится кому-либо формулировка Хантингтона или нет, одно совершенно ясно: то зло, которое уже напрямую коснулось нашей страны, не сводится к одному лишь терроризму. Это зло религии, которая в данный момент обретает политическую власть. Разумеется, в истории подобная ужасающая трансформация происходила и с другими религиями, однако на данный момент это происходит именно с исламом². Западные лидеры, которые говорят, что у нас нет никакого конфликта с исламом, ошибаются; однако, как я не забываю повторять на протяжении всей книги, христианство и иудаизм также представляют для нас проблему. Нам пора понять, что у всех разумных людей существует один общий враг. Этот враг рядом с нами, и он умело прячется, так что мы делаем ему уступки, несмотря на то, что он может разрушить саму возможность человеческого счастья. И этот враг — вера.

Нас утешает надежда на то, что диалог с мусульманским миром в будущем приведет нас к взаимной терпимости, однако ничто не гарантирует подобного исхода, и особенно ему препятствует само вероучение ислама. Если мы вспомним об узких рамках мусульманской ортодоксии и о том, как жестко наказывает ислам за радикальную (и разумную) адаптацию к современности, мы поймем, что в этом случае исламу придется решительным образом — будет это мирный процесс или нет — пересмотреть свое вероучение. Что из этого выйдет, мы не можем сказать. Однако нам очевидно другое: если Запад не победит в споре, ему придется побеждать в войне. Все другие варианты только приведут к его порабощению.

ЗАГАДКА «МУСУЛЬМАНСКОГО УНИЖЕНИЯ»

Томас Фридмен, который неумоимо анализирует все проблемы нашего мира в газете *New York Times*, утверждает, что корень мусульманского терроризма — это «унижение» мусульман. Это повторяют многие другие люди, а сами мусульмане постоянно обвиняют западный империализм в том, что он оскорбляет их достоинство, их гордость и честь. Насколько это справедливо? Кто может сильнее унижить достоинство мусульманина, нежели сам закон ислама? Чтобы в этом убедиться на примере из свежей истории, достаточно вспомнить о жизни в Афганистане под управлением Талибана. Кому же приходилось в панике спасаться бегством, завернувшись в покрывала, и кого избивали за то, что человек выставил свою лодыжку? Достойных (и неграмотных) женщин, принадлежавших к дому ислама.

Закария и многие другие авторы отмечали, что хотя арабские диктаторы суровы, их подданные обычно строже своих повелителей. Так, например, король Саудовской Аравии Абдулла, которого трудно назвать либералом, — недавно предложил разрешить женщинам управлять автомобилями в стране. Как выяснилось, его угнетенные подданные не пожелали согласиться с такого рода духовным гнетом, так что королю пришлось взять назад свое предложение. Если на данный момент истории дать мусульманам право голоса, они сами проголосуют за решительный отказ от своей политической свободы. И нам не надо забывать о том, что они ограничили бы и нашу свободу, если бы только имели власть это сделать.

Наши тайные союзы с мусульманскими тиранами — в Ираке, Сирии, Алжире, Иране, Египте и других странах, — несомненно, заслуживают порицания. Мы ничего не сделали, чтобы приостановить акты унижения и иногда убийства десятков тысяч мусульман, страдающих от собственных тиранов — которым мы сами нередко помогали обрести власть. То, что мы не поддержали восстание шиитов в Южном Ираке, к которому сами их призывали, — несомненно, одна из самых безнравственных ошибок нашей внешней

¹ E. W. Said, «Suicidal Ignorance», *CounterPunch*, Nov. 18, 2001.

² Нас может также насторожить усиление политического влияния христианства в развивающемся мире; см. P. Jenkins, «The Next Christianity», *Atlantic Monthly*, Oct. 2002, pp. 53—68*

политики, и эта ошибка имела огромные последствия. Но, не забывая о нашей вине, следует помнить и еще об одной вещи: мы понимали, что мгновенное введение демократии в этих странах лишь стало бы началом наступления теократии. Принципы ислама несколько не предохраняют общество от соскальзывания к шариату (исламскому закону), но, напротив, всячески поощряют такое движение. Нам необходимо признать ужасную истину: сегодня между нами и бушующим морем мусульманского неразумия стоит лишь одна преграда, которую мы сами помогали строить, — тирания и нарушение гражданских прав. Эту ситуацию необходимо изменить, но мы не можем просто свергнуть мусульманских диктаторов и открыть избирательные участки. Это было бы все равно что дать доступ к демократическим выборам христианам XIV столетия.

Справедливо и то, что бедность и недостаток образования также играют во всем этом свою роль, но это не такая простая проблема, как может показаться. Сегодня арабский мир переживает глубокий экономический и интеллектуальный застой, и никто не мог бы этого предсказать, думая о его истории, когда он развивал и хранил познания человечества. В 2002 году ВВП всех арабских стран в сумме был меньше, чем ВВП Испании. Хуже того, в Испании за один год переводят на испанский столько книг, сколько весь арабский мир перевел на арабский с IX века¹. Такая изолированность и отсталость просто поразительны, но нам не следует думать, что корень проблемы — это бедность и недостаток образования. Нас может ужасать тот факт, что поколения бедных и неграмотных детей попадают в машину медресе (религиозных школ, финансируемых Саудовской Аравией)². Однако мусульманские террористы в целом происходят не из семей необразованных бедняков, многие из них принадлежат к среднему классу, получили достаточно хорошее образование и не страдают под гнетом тяжелых личных проблем. Как отмечает Закария, Джон Уокер Линд (молодой житель Калифорнии, вступивший в Талибан) выглядит «явно менее образованным» на фоне девятнадцати смертников, совершивших теракты 11 сентября. Ахмед Омар Шейх, организовавший похищение и убийство журналиста Wall Street Journal Дэниела Пэрла, обучался в Лондонской школе экономики. Боевики Хэзболлы, умирающие во время сражений, в среднем принадлежат к более богатым семьям, чем их прочие сверстники, и чаще заканчивают среднюю школу³. Все предводители Хамаса окончили колледж, а некоторые из них имеют степень магистра⁴. Как показывают эти факты, даже если бы уровень стандарта жизни каждого мусульманина соответствовал показателям для представителя среднего класса в Америке, это не решило бы проблемы конфликта между исламом и Западом. Я подозреваю, что экономическое процветание мусульманского мира только бы усугубило проблему, потому что мусульманин начинает сомневаться в истинности своих представлений лишь потому, что может наблюдать вопиющую отсталость исламских стран⁵. Если бы мусульманская ортодоксия оказалась бы экономически и технологически столь же плодотворной, как и западный либерализм, возможно, сегодня нам пришлось бы жить в эпоху исламизации всей планеты.

Как показывает пример Усамы бен Ладена, кровавый религиозный фанатизм вполне сочетается с обеспеченностью и образованностью. Само техническое искусство многих мусульманских террористов показывает, что такая вера сочетается с научными познаниями. Вот почему новые знания или перемена культуры не заменят снятия священного ореола с самой веры. Пока человек может думать, что он знает волю Божию относительно всех обитателей земли, мы будем продолжать убивать друг друга за наши мифы. Нам следует признать тот факт, что мы не слышали от мусульман убедительного осуждения терактов 11

¹ Данные из отчета ООН Arab Human Development Report 2002, которые приводит Льюис — см. Lewis, *Crisis of Islam*, 115—17.

² См. R. D. Kaplan, «The Lawless Frontier», *Atlantic Monthly*, March 2000, pp. 66-80.

³ S. Atran, «Opinion: Who Wants to Be a Martyr?» *New York Times*, May 5, 2003. Как написано в данной статье, один социальный работник из Пакистана провел интервью с 250 потенциальными палестинскими смертниками и их вербовщиками и сделал следующий вывод: «Ни один из них не был необразованным и крайне бедным, ни один не страдал от снижения интеллекта или депрессии... Все они производили впечатление совершенно нормальных членов своих семей». Автор также приводит отчет об опросе 2001 года, проведенном центром Palestinian Center for Policy and Survey Research, где говорится: «Палестинцы, образование которых занимало 12 и более лет, значительно чаще поддерживают террористов-смертников, чем палестинцы, не умеющие читать».

⁴ B. Hoffman, «The Logic of Suicide Terrorism», *Atlantic Monthly*, June 2003, pp. 40—47.

⁵ Возможно, именно это происходит теперь в Иране. Установив исламскую теократию, иранцы все больше избавляются от той иллюзии, что их проблемы связаны с недостаточной верностью исламу.

сентября, кроме широко распространенной «утки» о том, что на самом деле террористы были евреями¹. Мусульмане часто опираются на мифы, теории заговоров² и нравственные императивы, достойные VII века. У нас нет оснований верить в то, что экономические и политические усовершенствования в мусульманском мире сами по себе радикально переменяют их мышление.

Пол Берман написал прекрасный «букварь» по тоталитаризму — левому и правому, восточному и западному, — и показал, что тоталитаризм всегда чреват геноцидом и даже массовым самоубийством. Он отмечает, что XX век стал великим инкубатором «патологических движений масс» — политических движений, «опьяненных идеей кровавой бойни»³. Берман также указывает на то, что либеральные мыслители часто не способны увидеть, насколько ужасны подобные явления. Существует некая великая традиция «либерализма как отрицания», писал он. Особым даром такого самообмана отличались французские социалисты 1930-х, которые, несмотря на то, что на востоке собирались темные тучи неразумия, не могли поверить в то, что нацизм заслуживает серьезного отношения. Когда военная угроза Германии стала вполне реальной, они продолжали обвинять свое правительство и оборонную промышленность в милитаризме. По мнению Бермана, подобная склонность выдавать желаемое за действительное и сомневаться в себе стала особенно ярко проявляться на Западе после событий 11 сентября. Многие западные либералы, которые полагают, что людьми во всем мире движут те же самые желания и страхи, что и ими самими, начали говорить, что за мусульманский терроризм несут ответственность правительства западных стран. Многие говорят, что мы сами стали причиной зла, обрушившегося на наши головы. В частности, Берман отмечает, что многие люди сегодня думают, что в палестинском терроризме виноват Израиль. Эта точка зрения не просто отражает антисемитизм (хотя и это, конечно, здесь присутствует), но это продукт парадоксальной моральной логики. Люди есть люди (думают сторонники такой теории), и они не делают *таких* ужасных вещей, пока для того нет весомых оснований. Следовательно, палестинские террористы-смертники ведут себя таким образом в ответ на эксцессы израильской оккупации. В силу такой логики, говорит Берман, в европейской прессе Израиль нередко сравнивают с нацистской Германией⁴. Нужно ли говорить о том, что такое сравнение нелепо? По словам Дершовица, истина заключается в том, что «ни один другой народ в истории, сталкивавшийся со столь же тяжелыми испытаниями, не придерживался столь же высоких стандартов в сфере прав человека, не заботился в той же мере о безопасности невинных граждан, не пытался изо всех сил оставаться в рамках закона или не стремился жертвовать столь же многим ради примирения»⁵. Израиль показал, что способен ограничивать применение силы в такой степени, какая и не снилась нацистам и, что для нас еще важнее, на подобное не способна ни одна из нынешних мусульманских стран. Спросите себя: если бы евреи были бессильным меньшинством в Палестине, могли бы палестинцы подобным образом воздерживаться от убийства евреев? Или появились бы в этом случае еврейские террористы-смертники? Такое развитие событий не более правдоподобно, чем рассказ о полете Мохаммеда на небеса на крылатом коне⁶.

¹ Закария (Zakaria, Future of Freedom) приводит данные опроса CNN (февраль 2002), проведенного в девяти мусульманских странах. Около 61% опрошенных заявили, что не верят, будто теракты 11 сентября совершили арабы. Несомненно, 39% людей, придерживающихся иного мнения, выражают представления миллионов мусульман, которые желают, чтобы арабы, выполнившие свой ужасный долг, получили должное признание.

² В настоящей книге мы не можем достойным образом продемонстрировать все богатство фантастических представлений, свойственных мусульманскому миру. Приведу лишь один пример подобных нелепостей: многие жители Ирака думают, что широко распространенное мародерство после падения режима Саддама было подстроено американцами и Израилем как часть ужасного сионистского плана. Нападения на американских солдат на самом деле совершали агенты ЦРУ — это входило в состав «секретной операции, целью которой было продлить срок американской оккупации». Без комментариев! См. J. L. Anderson, «Iraq's Bloody Summer», New Yorker, Aug. 11, 2003, pp. 43-55.

³ Berman, Terror and Liberalism, 153.

⁴ Об антисемитизме в ведущих периодических изданиях Европы см. также M. B. Zuckerman, «Graffiti on History's Walls», U. S. News and World Report, Nov. 3, 2003.

⁵ Dershowitz, Case for Israel, 2.

⁶ Об этом чудесном вознесении (ми'радж) рассказывают только Хадисы, хотя, возможно, на него намекает и Коран (17:1). Сравнение Израиля с нацистской Германией особенно возмутительно по той причине, что палестинцы сотрудничали с нацистами во время войны. Их запланированные нападения на евреев в 1930-х и 1940-х годах повлекли за собой смерть сотни тысяч евреев Европы, которые не получили от правительства Великобритании разрешения на иммиграцию. Это не было случайностью. Хадж Амин аль-Хусейни, в военные годы бывший муфтием Иерусалима и вождем палестинцев, консультировал нацистов по еврейскому вопросу.

Кроме того, Берман полемизирует с тезисом о «столкновении цивилизаций» Хантингтона, говоря, что концепция «цивилизации» не позволяет рассмотреть все различные грани конфликта. Это скорее не столкновение цивилизаций, пишет Берман, но «столкновение идеологий», где «либерализм противостоит апокалиптическим и фантазмагорическим движениям, которые ведут борьбу с либеральной цивилизацией уже со времен Первой мировой войны»¹. Это ценное замечание, но оно не говорит о самой существенной стороне явления. Проблема же заключается в том, что некоторые наши представления не могут сосуществовать рядом с иными представлениями. У нас остается две возможности: война или диалог, и нет гарантии, что мы всегда будем иметь возможность свободно выбирать одну из них.

Берман дает прекрасное краткое описание нынешней ситуации:

Что привело к нынешнему расцвету терроризма? Наши колоссальные ошибки в мусульманском мире из-за недостатка политической смелости и воображения. Мы как будто нарочно сдерживали свое любопытство и не интересовались подобными неудачами в других частях мира — этот недостаток любопытства породил в нас веру в то, что тоталитаризм побежден, тогда как он достигал нового апогея. Мы активно выдавали желаемое за действительное — и простодушно верили в разумный мир, в котором отдельные вспышки тоталитаризма объясняются в первую очередь неспособностью понять природу реальности... Мы сидели в изоляции и не интересовались тем, что происходило в умах жителей других частей мира. Мы были слепы к обидам европейских стран и безумно гордились Америкой. Мы сделали все возможное для развития терроризма, мы создали для этого все нужные условия с великой щедростью²!

Но здесь не упомянуто еще кое-что. Для развития терроризма нужна была религиозная доктрина, широко распространенная по странам развивающегося мира, которая освящает тоталитаризм, невежество и действия смертников, несущих смерть невинным. Берман видит в исламе просто новейшее проявление тоталитарного нигилизма, но это не совсем так. Существует разница между нигилизмом и надеждой на сверхъестественные награды. Исламисты могут разнести весь мир на кусочки, но при этом их нельзя будет назвать нигилистами, потому что все в их представлениях о мире окрашено верой в рай. В свете веры исламистов их желание душировать современность везде, где это возможно, совершенно рационально. И даже когда мусульманские женщины одобряют самоубийства своих детей, если это смерть за Бога, — это тоже вполне рациональное поведение. Благочестивые мусульмане твердо знают, что их дети отправились в лучший мир. Бог и бесконечно могущественен, и бесконечно справедлив. Разве это не повод радоваться, глядя на судороги греховного мира? Существуют и другие идеологии, которые уничтожают последние остатки разума в общественном дискурсе, но ислам, без сомнения, делает это куда эффективнее всех других, нам известных.

Сторонники секуляризма обычно говорят, что характер общества зависит в первую очередь не от религии (включая ислам), но от политики. Согласно их точке зрения, люди преследуют свои политические интересы, а затем находят оправдание для своего поведения в религии. Несомненно, можно привести немало примеров, когда политики говорят о религии, прикрывая ею свои чисто прагматические или даже корыстные цели (яркая иллюстрация тому — годы правления Зия-уль-Хака в Пакистане). Но из этого не следует делать ложных выводов.

Никакой рычаг не действует без **точки опоры**. В конце концов, кто-то должен верить в Бога, чтобы политики могли использовать Бога для своих целей. И у меня практически нет сомнений в том, что когда огромное количество людей становятся живыми бомбами или когда многие посылают своих детей

Генрих Гиммлер даже устроил ему персональную экскурсию по Освенциму, и аль-Хусейни мечтал создать свой лагерь смерти в Палестине после военной победы Германии. Все эти действия были преданы широкой огласке, что только усилило популярность аль-Хусейни в арабском мире. Его разыскивали как политического преступника, но Египет предоставил ему политическое убежище. Совсем недавно, в 2002 году, Ясир Арафат, глава администрации Палестинской автономии, называл аль-Хусейни «героем». См. Dershowitz, Case for Israel, 56.

¹ Berman, Terror and Liberalism, 183.

² Ibid., 206-7.

«очищать» минные поля (что нередко происходило во время войны между Ираном и Ираком)¹, это уже невозможно объяснить чисто политическими мотивами. Это не значит, что потенциальные смертники вовсе не думали о политическом значении своей смерти, но если бы не их невероятные представления о мире — в частности, о загробной жизни, — они бы никогда не пошли на это. Ничто не может нам объяснить феномен мусульманского экстремизма и широкую поддержку терроризма в мусульманском мире лучше, чем вероучение ислама.

Возможен ли подлинный мир на земле на фоне того, во что верят многие мусульмане? Не объясняется ли тот факт, что ислам не ведет открытую войну с Западом, только относительной слабостью мусульманских государств? Увы, я сомневаюсь в том, что на эти вопросы можно дать утешительные ответы. Похоже, потенциал для либерализма в вероучении ислама настолько слаб, что его можно просто не принимать во внимание. Хотя мы могли видеть, что и Библия содержит множество оснований для нетерпимости (и это касается как христиан, так и иудеев) — что демонстрирует масса примеров, начиная от трудов Августина и заканчивая действиями израильских поселенцев, в Доброй Книге содержатся и контраргументы, которые постоянно находят иудейские и христианские толкователи. Христианин, желающий дружить с разумом и современностью, может оставить при себе Иисуса, произносящего Нагорную проповедь в Евангелии от Матфея, и просто забыть о книге Откровение с ее вздорными речами о разрушении мира. Однако ислам не позволяет сделать чего-либо подобного мусульманину, который хотел бы мирно жить в плюралистическом мире. Разумеется, какие-то проблески надежды можно встретить в самых мрачных местах: как отмечает Берман, ислам все громче восхваляет свою ортодоксию ради того, чтобы заглушить страх перед западным либерализмом, который уже вторгается в мышление мусульманина и «крадет его преданность» — а это значит, что и мусульман, как других людей, пленяют песни сирен либерализма². Надо на это надеяться. Однако характер их веры делает их менее податливыми к этим песням, чем других людей.

По причинам, которые мы уже начали обсуждать, нам трудно прийти к подобным выводам. Говоря об исламе, либералы привычно обвиняют Запад, который якобы навлек на себя праведный гнев мусульманского мира тем, что столетиями стремился покорить этот мир и вмешивался в его дела. Консерваторы же при этом вспоминают об особенностях Ближнего Востока, арабов или истории ислама. И те и другие ищут корень проблемы где угодно еще, но только не в самой вере мусульман — хотя именно эта вера отличает мусульманина от всех неверных. Без этой веры мусульмане не смогли бы даже сформулировать свои обиды на Запад и уж точно не стали бы за них мстить.

НЕРАЗУМИЕ ЛЕВЫХ И СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ НОАМА ХОМСКОГО

Тем не менее, сегодня множество людей думают, что теракты 11 сентября мало связаны с исламом и скорее имеют отношение к подлым деяниям Запада — в частности, к неудачной внешней политике США. Французский философ Жан Бодрийяр особенно ярко выражает это мнение — он утверждает, что терроризм есть неизбежное последствие американской «гегемонии». Он даже договаривается до такой мысли: мы тайно надеялись, что нас постигнет подобная катастрофа:

В итоге они это сделали, но мы этого желали... Если всемирная власть монополизирует ситуацию в такой мере, когда все функции оказываются в руках технократической машины и когда не остается места для альтернативного мышления, — какой еще остается путь, кроме террористического ситуационного переноса? Система сама создала объективные условия для столь жестокого возмездия... Террор против террора — за этим больше не стоит никакой идеологии. Мы как нельзя дальше отошли от идеологии и политики... Как будто сила,

¹ См. *ibid.*, 108 «Хомейни окружил такого рода смерти священным ореолом — такая смерть масс по приказу Хомейни позволяла достичь наивысшей и прекраснейшей награды. По всему Ирану юноши желали участвовать в этом шествии по минным полям, чтобы стать мучениками, и в этом их поддерживали матери и члены семьи. Это было массовое самоубийство. Это была одна из самых жутких войн во всей истории человечества...»

² *Ibid.*

*поддерживавшая эти башни, внезапно истощилась, как будто самодовольная власть рухнула, потому что перенапрягла свои силы, стремясь всегда быть уникальной моделью для всего мира*¹.

Из сострадания кто-то мог бы предположить, что какая-то глубокая суть этих слов была утрачена в процессе перевода. Хотя, думаю, вероятнее, она просто не пережила перевода на французский язык. Если бы Бодрийяр вынужден был жить в Афганистане при талибах, стал бы он говорить, что ужасающее ограничение свободы в этой стране вызвано стремлением США «всегда быть уникальной моделью для всего мира»? Если бы он посетил обычное местное развлечение — публичные казни на футбольном поле, где подозреваемых в блуде, неверности и воровстве бросали на землю и убивали, — смог бы он подумать о «террористическом ситуационном переносе»? Может быть, сегодня мы далеко отошли от политики, но уж никак не отошли от идеологии. Идеология — вот главное оружие наших врагов².

Тем не менее, даже куда более трезвые мыслители, чем Бодрийяр, утверждают, что события 11 сентября — это последствие внешней политики США. Быть может, самый выдающийся из них — Ноам Хомский. Он внес значительный вклад в развитие лингвистики и психологии языка, а кроме того, на протяжении трех последних десятилетий постоянно критикует американскую внешнюю политику. К тому же, Хомский показал, что либеральная критика власти ничего не достигает. Похоже, политические взгляды этого утонченного моралиста мешают ему провести некоторые элементарные разграничительные линии нравственного порядка — отделить одни типы насилия от других и очертить границы между разными целями, стоящими за насилием.

В своей книге «9—11», написанной тогда, когда еще дымились руины Всемирного торгового центра, Хомский призывает нас не забывать о том, что «США сами являются ведущим террористическим государством». В подтверждение этого утверждения Хомский приводит список преступлений Америки, куда входят санкции, наложенные США на Ирак, что привело к смерти «быть может, полумиллиона детей», бомбежка фармацевтической фабрики Аль-Шифа в Судане, из-за чего десятки тысяч невинных людей погибли от туберкулеза, малярии и других излечимых болезней. Хомский прямо говорит о нашем нравственном тождестве с противником: «Впервые в современной истории Европа и ее «отпрыски» должны были на своей родной территории покориться той жестокости, которую раньше они сами повсеместно распространяли»³.

Прежде чем я поведу разговор о том, почему считаю мнение Хомского ошибочным, я хотел бы пойти ему на уступки и кое в чем с ним согласиться, хотя эти его замечания одновременно и ценны, и не имеют отношения к обсуждаемому вопросу. Действительно, Америка совершила немало дурного — как у себя, так и в других странах. В этом смысле мы можем более или менее согласиться с Хомским. Если говорить о нашей внутренней жизни, мы можем вспомнить об ужасном обращении с коренными американцами, которое почти равноценно геноциду, о двух столетиях рабовладения, о том, что мы отказывали в визах еврейским беженцам, спасавшимся от лагерей смерти Третьего рейха, о нашем тайном сотрудничестве с многочисленными деспотами недавнего времени и о том, как мы закрывали глаза на нарушение прав человека при их правлении, о бомбежках в Камбодже, о Документах Пентагона⁴ и, наконец, о том, как мы отказались подписать Киотский протокол о сокращении выброса парниковых газов, поддержать запрет на использование наземных мин и подчиниться решениям Международного уголовного суда. Все это — смерть, лицемерие и огненная сера.

¹ J. Baudrillard, *The Spirit of Terrorism*, trans. C. Turner (New York: Verso, 2002).

² Выражение «наши враги», брошенное мимоходом и без смущения, может показаться странным. Мне и самому странно писать такие слова. Но я уверен, что это верное слово (пусть читатель сам очертит границы, широкие или узкие, того «мы», к которому выражение «наши враги» относится). Ошибка либералов, которую я попытаюсь вам показать в данной главе, заключается в следующем представлении: мы сами создали этих врагов, а потому в нравственном смысле им тождественны. Это не так. Анализ их религиозной идеологии показывает, что эти люди, обладай они властью, предали бы нас мечу задолго до появления Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации.

³ N. Chomsky, 9—11 (New York: Seven Stories Press, 2001), 119.

⁴ Сборник «Американо-вьетнамские отношения, 1945—1967: Исследование» (United States-Vietnam Relations, 1945—1967: A Study). Его составление было начато в 1967 году по инициативе министра обороны США. Документы Пентагона предназначались только для внутреннего пользования. В 1971 году часть материалов была опубликована в прессе, что способствовало усилению антивоенных настроений в обществе. — Прим. ред.

Нет сомнений в том, что мы совершали ужасные деяния в прошлом. Несомненно, мы обречены совершать их и в будущем. В этой книге я не собираюсь отрицать эти факты или защищать такие действия государства, которые явно отвратительны. Есть много вещей, в которых Запад, включая США, должен признать свою вину. А если мы годами отказываемся ее признать, это подрывает доверие международного сообщества к нам. Мы можем со всем этим согласиться и даже разделить чувство негодования Хомского, но одновременно сказать, что его анализ нынешней ситуации в мире — это просто шедевр нравственной слепоты.

Возьмем упомянутую бомбежку фармацевтической фабрики Аль-Шифа; Хомский говорит, что теракты 11 сентября бледнеют по сравнению с тем, что администрация Клинтона совершила в августе 1998 года. А теперь зададим себе один наиважнейший вопрос, о котором, похоже, забыл Хомский: какую цель преследовало правительство США, когда оно направило крылатые ракеты на Судан? Разрушить то место, где Аль-Каида производит химическое оружие. Имела ли администрация Клинтона намерение погубить тысячи суданских детей? Нет. Ставили ли мы цель погубить как можно больше жителей Судана? Нет. Пытались ли мы убить хотя бы кого-то? Нет, разве что членов Аль-Каиды, которые собрались бы на фабрике ночью. Если же мы зададим подобные вопросы относительно Усамы бен Ладена и девятнадцати похитителей самолетов, мы поймем, что оказались в совершенно иной нравственной вселенной.

Если мы хотим, следуя за Хомским, ставить знак нравственного тождества между нами и террористами, игнорируя человеческие намерения, нам лучше вообще забыть о бомбежке фабрики Аль-Шифа, потому что многие из тех вещей, которые мы не сделали для Судана, имеют еще более серьезные последствия. Мы не посылали деньги и еду в Судан до 1998 года. Сколько детей мы погубили (то есть не спасли) из-за того, что просто жили в блаженном неведении относительно положения в этой стране? Действительно, если бы нас в первую очередь заботило поддержание жизни людей в Судане, мы могли бы спасти миллионы людей от того, что их убило. Мы могли бы послать в Хартум команды добрых людей, которые бы следили за тем, чтобы суданцы застегивали ремни безопасности. Винаваты ли мы во всех этих смертях, потому что не пошевелили пальцем, чтобы их предотвратить? Может быть, в каком-то смысле. Философ Питер Унгер убедительно показал, что каждый доллар, потраченный на что угодно, кроме самых жизненно необходимых вещей, запятнан кровью голодающего ребенка¹. Может быть, на нас лежит гораздо больше нравственной ответственности за то, что происходит в мире, чем мы привыкли думать. Однако Хомский строит свою аргументацию не на этом.

Арундати Рой, который восхищается Хомским, дал прекрасное краткое описание его позиции:

Правительство США не судит себя по тем моральным стандартам, по каким судит других... Оно изображает из себя благородного великана, который делает добрые дела, но злонамеренные местные жители иных стран его проклинают — а ведь добрый великан пытается сделать свободными их рынки, помочь им провести модернизацию, освободить их женщин, спасти их души... Правительство США оставляет за собой право без смущения убивать и уничтожать людей «ради их собственного блага»².

Однако мы во многом действительно представляем собой «доброе великана». И удивительно, что такие интеллектуалы, как Хомский и Рой, этого не видят. Чтобы дать им должный ответ, нам нужно найти определенный критерий, который бы позволил провести разграничительную черту между нравственностью таких людей, как Усама бен Ладен и Саддам Хусейн, и нравственностью таких людей, как Джордж Буш и Тони Блэр. И подобный критерий найти не слишком сложно. Он напрямую связан с тем, что я бы назвал «совершенным оружием».

СОВЕРШЕННОЕ ОРУЖИЕ И «СОПУТСТВУЮЩИЙ УЩЕРБ»

Во время войны в ходу эвфемизм «сопутствующий ущерб». Им описывают последствия несовершенства нашей техники по ее мощи и точности. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о наших недавних

¹ P. Unger, *Living High & Letting Die: Our Illusion of Innocence* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1996).

² A. Roy, *War Talk* (Cambridge, Mass.: South End Press, 2003), 84-85.

конфликтах и представить себе, как бы они выглядели, если бы мы обладали совершенным оружием — таким оружием, которое позволяло бы нам временно вывести из строя или убить определенного человека или группу людей с любого расстояния, не причиняя вреда никому другому или их собственности. Что бы мы делали, если бы владели таким оружием? Пацифисты призывали бы отказаться от его использования, несмотря на то, что наш мир населяют монстры: те, что убивают и пытаются детей и с садистской радостью участвуют в геноциде, — люди, которые из-за нехватки правильных генов, нужного воспитания или здравых идей не могут мирно жить вместе со всеми остальными из нас. В следующей главе мы еще поговорим о пацифизме — он кажется мне крайне аморальной позицией, которую маскирует призыв к наивысшей нравственности, — но большинство из нас не относится к пацифистам. Большинство из нас проголосовало бы за использование именно такого оружия. И если мы на минуту задумаемся об этом, мы поймем, что использование подобного оружия позволяет судить о нравственности того, кто стремится им пользоваться.

Сегодня Джорджа Буша легкомысленно сравнивают с Саддамом Хусейном (или с Усамой бен Ладеном, с Гитлером и т. д.) — это встречается на страницах книг таких авторов, как Рой и Хомский, в арабской прессе, в университетских аудиториях свободного мира. Но как бы Джордж Буш вел недавнюю войну с Ираком, если бы он обладал совершенным оружием? Направил бы он его на тысячи мирных иракцев, которые были изувечены или убиты нашими бомбами? Стал бы он выбивать глаза маленькой девочке или отрывать руки ее матери? Нравится вам или нет политика этого президента или он сам как человек, у нас нет никаких оснований думать, что он распорядился бы убить или покалечить хотя бы одного невинного человека. А что бы делали с таким оружием Саддам Хусейн или Усама бен Ладен? Или Гитлер? Эти люди использовали бы его совершенно иначе.

Нам следует открыто признать, что в нашем мире разные общества находятся на разных этапах нравственного развития. Да, конечно, это крайне невежливое заявление, но оно содержит столь же объективную истину, что и утверждение о существовании материального неравенства между разными странами мира. Мы даже можем говорить о нравственных отличиях на экономическом языке: не все общества обладают равными нравственными богатствами. Уровень такого богатства зависит от многих факторов. Политическая и экономическая стабильность, грамотность, определенный уровень социального равенства — когда этих вещей не хватает, люди находят массу весомых причин обращаться друг с другом плохо. Наша собственная недавняя история свидетельствует о том, что, когда развиваются эти вещи, меняется и нравственность. Если бы вы попали в Нью-Йорк, скажем, летом 1863 года, вы бы увидели, что на его улицах гангстеры постоянно сражаются между собой за власть и что черных, хотя они только что перестали быть рабами, постоянно линчуют и сжигают. Стоит ли нам сомневаться в том, что многие жители Нью-Йорка XIX века просто показались бы нам варварами? Если мы скажем, что другое общество отстает в своем социальном развитии от нашего на сто пятьдесят лет, это будут действительно ужасные слова, учитывая то, насколько далеко мы за это время продвинулись. А теперь представьте себе, что невежественные американцы 1863 года завладели химическим, биологическим и ядерным оружием. Примерно с такой ситуацией мы сегодня сталкиваемся, имея дело со многими странами развивающегося мира.

Вспомним о тех ужасах, которые американцы совершили еще совсем недавно, в 1968 году, в деревне Май Лай:

Рано утром вертолет с солдатами приземлился в деревне. Выскочив, многие из них открыли огонь по окружающим людям и животным. Здесь не было никаких признаков присутствия батальона Вьетконга и не прозвучало ни одного ответного выстрела со стороны вьетнамцев, но солдаты не останавливались. Они поджигали дом за домом. Они насиловали женщин и девушек, а затем их убивали. Они запихивали штыки во влагалища женщин, а других потрошили, отрезали им руки или снимали с них скальпы. Беременным рассекали животы и оставляли так умирать. Солдаты совершали групповые изнасилования и убивали жертв выстрелами или штыками. Они совершали массовые казни, убивая десятки людей, включая стариков, женщин и детей, пулеметными очередями в канаве. За четыре часа было убито около 500 жителей деревни¹.

¹ J. Glover, *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999), 58.

Это пример самого дурного поведения из того, на что способны люди. Однако нас от многих наших врагов отличает одна вещь: подобные акты насилия нас ужасают. Бойня в Май Лай стала позорным клеймом армии США. Даже в те времена американские солдаты были глубоко потрясены таким поведением своих соратников. Один пилот самолета¹, прибывший на место бойни, отдал своим подчиненным приказ стрелять из пулемета по американцам, если те не прекратят убивать мирное население². Как общество в целом мы уже не можем терпимо относиться к целенаправленным пыткам и убийствам невинных. Нам следует понять, что во многих частях мира подобные зверства пока еще не вызывают возмущения.

Когда появляются какие-то новые факты любого рода, не все люди открывают их одновременно или понимают их одинаково хорошо. И тогда мы приходим к мысли о существовании некоей иерархии — к мысли, которая совершенно неприемлема для либеральной ментальности. Если на важные вопросы можно дать верные или неверные ответы, значит, существуют разные ответы и разные способы их практического приложения, из которых одни лучше, чем другие. Возьмем, например, заботу о ребенке. Как оградить ребенка от заболеваний? Как вырастить из него счастливого и ответственного члена общества? Несомненно, на эти вопросы можно дать разные ответы, и одни из них будут лучше, а другие — хуже. Несомненно и то, что не все системы представлений и культуры в равной мере приспособлены для поиска наилучших ответов. Это не означает, что можно дать лишь один правильный ответ на данный вопрос или что существует единственный наилучший способ для достижения каждой определенной цели. Однако все в нашем мире достаточно конкретно, и потому спектр оптимальных решений каждой проблемы достаточно узок. Хотя не существует одного оптимального вида еды для всех, мы не едим камни — и если бы какая-то культура возвела поедание камней в ранг добродетели или объявила бы это религиозным долгом, принадлежащие к ней люди страдали бы от дурного питания (не говоря уже о том, что случилось бы с их зубами). И потому некоторые подходы к политике, экономике, науке или даже духовности и этике объективно лучше (как бы мы ни понимали слово «лучше») альтернативы, причем эти степени лучшего и худшего существенным образом влияют на счастье людей.

При систематическом подходе к этике или при исследовании тех основ, на которых стоит цивилизованное общество, нетрудно обнаружить, что многие мусульмане находятся на уровне вопиющего варварства XIV века. Разумеется, за этим стоят различные исторические и культурные причины и здесь можно найти много виноватых, но факт остается фактом: мы имеем дело с обществами, уровень политического и нравственного развития которых — в отношении к женщинам и детям, в ведении войны, в методах уголовного правосудия и в их критериях относительно жестокости поступков — стоит значительно ниже нашего. Это может показаться ненаучным и почти расистским высказыванием, но это не так. В моих словах нет ни капли расизма, поскольку вряд ли мы можем объяснить эти отличия биологическими причинами. Это кажется ненаучным лишь по той причине, что наука еще не приступила к систематическому изучению нравственной сферы. Если наука не сможет открыть какие-то важные закономерности этики, то через сто лет мы вернемся к тому, что будем жить в пещерах и убивать друг друга дубинками. Любой добросовестный человек, если он в курсе нынешнего положения вещей, должен признать, что военная сила цивилизованной демократии, при всех ее провалах и тому подобном, в нравственном смысле не тождественна деяниям вооруженных мусульман и даже мусульманских правительств. Похоже, Хомский не видит разницы между ними или если видит, то мы находимся в невыгодном положении.

Вспомним о недавнем конфликте в Ираке: если бы Ирак напал на США, чтобы сменить наш режим, можно ли думать, что Республиканская гвардия Ирака столь же сильно пыталась бы свести к минимуму число жертв среди мирного населения? Можно было бы представить себе, что противника могли остановить наши «живые щиты» (и можно ли представить, что мы использовали бы такую меру защиты?)? Можно ли было бы себе представить, что американское правительство призывает граждан добровольно взрывать себя среди врагов? Можно ли было бы представить, что иракские солдаты плакали бы, без необходимости уничтожив фургон с мирными гражданами на контрольно-пропускном пункте? Ваше воображение даст на все эти вопросы однообразный ряд ответов: «нет», «нет», «нет».

¹ Хью Томпсон. Он и двое его подчиненных, Колбурн и Андреотта, спустя 30 лет были награждены «Солдатским орденом» (последний — посмертно) за спасение мирного населения Май Лай. — Прим. ред.

² Ibid., 62.

В своих рассуждениях Хомский не видит разницы между намеренным убийством ребенка в надежде запугать его родителей (что мы называем словом «терроризм») и случайным убийством ребенка при попытке поймать или застрелить убийцу ребенка (что мы называем «сопутствующим ущербом»), В обоих случаях ребенок гибнет, в обоих случаях происходит трагедия. Но нравственное состояние того, кто это совершил (будь то отдельный человек или государство), в первом случае резко отличается от второго.

Хомский мог бы на это возразить, что подвергать жизнь ребенка опасности нельзя в каком бы то ни было случае, но, очевидно, этому принципу следовать невозможно. Так, изготовители «русских гор» знают, что, несмотря на все строжайшие меры безопасности, однажды где-то на этом аттракционе погибнет ребенок. Это же прекрасно понимают производители автомобилей, хоккейных клюшек, бейсбольных бит, пластиковых пакетов, ограждений из проволочной сетки и тысячи других вещей, которые потенциально могут послужить одной из причин гибели ребенка. Дети неизбежно погибают, катаясь на горных лыжах, но мы при этом не говорим о «лыжных зверствах». Но Хомский молчит о подобных вещах. Похоже, намерения для него ничего не значат, важно лишь то, что происходит с телом.

Сегодня мы живем в мире, который уже не хочет мириться с существованием злонамеренных режимов, оснащенных надежным оружием. «Сопутствующий ущерб» — когда погибают или остаются калеками невинные люди — при этом неизбежен, поскольку у нас нет совершенного оружия. Подобные бедствия происходят с другими невинными людьми в силу того, что у нас нет совершенных автомобилей, самолетов, антибиотиков, хирургических процедур и оконных стекол. Если мы хотим судить об этике данного человека или общества или пытаемся предсказать их поведение в определенных ситуациях, нам необходимо принимать в расчет человеческие намерения. Когда речь идет о нравственности, намерения значат все¹.

НАПРАСНАЯ ТРАТА ДРАГОЦЕННЫХ РЕСУРСОВ

Многие специалисты по Ближнему Востоку утверждают, что проблема мусульманского терроризма не сводится к вере набожных мусульман. Закария писал, что мусульмане прибегают к насилию не из-за учения ислама, но что корни этого явления лежат в недавней истории арабского Ближнего Востока. По его словам, еще пятьдесят лет назад арабский мир стоял на пороге современности, а затем, к сожалению, начал движение вспять. И потому истинная причина терроризма — это просто та тирания, под которой жило и живет большинство арабов. Проблема, как писал Закария, заключается «в богатстве, а не в бедности»². Как только появилась возможность выкачивать деньги непосредственно из-под земли, арабские правительства потеряли всякий интерес к нуждам своих народов, Оказывается, когда государственная власть не нуждается во взимании налогов, она быстро портится. В результате мы имеем богатых репрессивных властителей, возвышающихся над политическим и экономическим болотом. Когда блага, которые дает современность — фастфуд, телевидение и вооружение новейшей конструкции, — тонут в болоте, современность мало чего дает людям.

Закария пишет: «Одна из важнейших причин подъема исламского фундаментализма — это полное отсутствие работоспособных политических институтов в арабском мире»³. Возможно. Однако «подъем исламского фундаментализма» представляет собой проблему лишь в силу того, что сам фундамент ислама — проблема. Если бы произошел подъем фундаментализма среди джайнов, это никого не обеспокоило бы. Фактически широкое распространение джайнизма по всему миру в значительной степени бы улучшило ситуацию. Быть может, мы теряли бы больше урожая от вредителей (джайны обычно не убивают никаких живых существ, включая насекомых), но нас бы не окружали потенциальные террористы-смертники или общества, одобряющие их действия.

¹ Все ли зависит от намерений? Что мы можем сказать, например, о тех христианских миссионерах в Новом Свете, которые крестили индейских младенцев, а затем их тотчас же убивали, чтобы те точно попали на небеса? У них (несомненно) были благие намерения. Можно ли назвать их действия этичными? Да, в рамках их ограниченных представлений о мире. Средневековый аптекарь, дававший больным ртуть, действительно хотел им помочь. Он просто опирался на ошибочные представления о действии этого элемента на тело человека. Намерения важны, но их недостаточно.

² Zakaria, *Future of Freedom*, 138.

³ *Ibid.*, 143.

Закария говорит, что ислам в значительной степени противостоит авторитарности, потому что он предписывает оказывать послушание властителю лишь в том случае, если тот правит в соответствии с Божьим законом.

Однако идея послушания «Божьему закону», как мы видели, создает идеальную почву для развития тирании. Тем не менее, Закария уверяет, что какие-либо разговоры о религиозных реформах не имеют отношения к проблеме:

Если сказать правду, изучение Корана не даст нам ключа к истинной природе ислама... Когда люди вещают о «природе ислама», они забывают о том, что ислам, подобно любой другой религии, создан не книгой, но людьми. Забудьте о проповедях фундаменталистов — их меньшинство. Повседневная жизнь большинства мусульман не соответствует идее веры, которая по своей природе враждебна и Западу, и современности¹.

Закария считает, что арабскую проблему решит модернизация политики, экономики и социальной жизни — это заставит ислам примириться с путем либерализма, как это произошло с христианством на Западе. В подтверждение своей точки зрения он приводит в пример миллионы мусульман, живущих в США, Канаде и Европе, которые «научились сохранять верность своей традиции без обскурантизма и благочестие без приступов ярости»². Это наблюдение отчасти верно, однако, как мы наблюдали, Закария забывает о некоторых немаловажных деталях. Если, как я постоянно утверждаю в данной книге, все хорошее, что дает религия, можно получать и из других источников — если, например, можно жить духовной и нравственной жизнью и говорить об этих вещах без претензий на то, что мы знаем нечто такое, чего явно знать не можем, — в таком случае вся наша религиозная жизнь есть просто напрасная значимая трата времени и сил. Подумайте обо всех хороших вещах, которые люди не совершат в нашем мире завтра лишь потому, что они заняты строительством очередной церкви или мечети, либо предаются древней практике поста, либо печатают бесконечные тома толкований на произведения невежд с нарушенным мышлением. Сколько часов человеческого труда сегодня пропадает впустую, потому что тратится на воображаемого Бога? Подумайте об этом: если компьютерный вирус на пять минут выведет из строя всю телефонную систему США, это приведет к потере производительности, в результате чего теряются миллиарды долларов. Религии выводят из строя наши системы общения ежедневно, и это продолжается тысячелетиями. Я, конечно, не говорю, что ценность каждого действия человека измеряется его производительностью. Многие из того, что мы делаем, обесценилось бы в результате подобного подхода. Однако мы должны признать, что неизмеримое количество наших ресурсов (и финансовых, и ресурсов внимания) поглощает организованная религия. Вспомним о восстановлении Ирака. Что в первую очередь стали делать тысячи иракских шиитов после освобождения? Они занялись самобичеванием. Кровь капала на землю с их голов и спин, когда они шли многие километры по улицам, развороченным снарядами, и забросанным мусором аллеям, чтобы собраться в святом городе Кербеле, где находится гробница Хусейна, внука Пророка. Спросите себя, неужели это наилучший способ потратить свое время. Общественная жизнь развалилась. Людям не хватает свежей воды и электричества. Школы и больницы разграблены мародерами. Армия, оккупировавшая страну, пытается найти разумных людей, чтобы вместе с ними строить гражданское общество. Неужели это подходящее время, чтобы заниматься умерщвлением плоти и пением гимнов?

Проблема религии не только в том, что она поглощает наше время и ресурсы. Замечание Закарии о том, что на Западе вера стала довольно «ручной», справедливо — и это, несомненно, добрая вещь, — но он забыл о том, что у нее пока еще довольно длинные когти. Как мы увидим в следующей главе, даже самые мирные формы христианства в настоящее время являются непреодолимым препятствием на пути таких вещей, как профилактика СПИДа и планирование семьи в странах развивающегося мира, медицинские исследования и рациональная политика относительно наркотических средств. Это не только увеличивает меру страданий людей на земле, но и являет яркий пример торжества неразумия.

¹ Ibid., 123.

² Ibid., 150.

ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ С ИСЛАМОМ?

Когда мы думаем об исламе и о той угрозе, которую он представляет для Запада, нам стоит вспомнить о христианах XIV века. Можно ли было жить мирно рядом с ними — с людьми, которые ревностно преследовали такие преступления, как осквернение [гостии] или колдовство? Сегодня рядом с нами живет подобное прошлое. И крайне трудно привлечь таких людей к участию в конструктивном диалоге, убедить их в том, что у нас есть общие интересы, предложить им встать на путь демократии и вместе радоваться тому, что наши культуры такие разные.

Очевидно, на данном историческом этапе гражданское общество в глобальном масштабе уже перестало быть просто привлекательной идеей; оно просто жизненно важно для существования нашей цивилизации. Учитывая тот факт, что сегодня даже отсталые государства располагают достаточно мощными средствами, которые можно использовать для разрушения, мы уже не можем себе позволить мирно жить рядом со злонамеренными диктатурами или с армиями невежественных людей, собирающимися на других континентах.

Как устроено гражданское общество? Как минимум это место, где можно критиковать идеи любого рода без риска физического насилия. Если ты живешь в стране, где за некоторые высказывания о короле, или о воображаемом существе, или о некоторых книгах полагаются смертная казнь, пытки или тюремное заключение, значит, ты живешь не в гражданском обществе. Очевидно, наша первоочередная задача в странах развивающегося мира — способствовать повсеместному возникновению гражданского общества. Неясно, должны ли эти страны стать демократическими или нет. Закария убедительно говорит о том, что переход от тирании к либерализму вряд ли произойдет через плебисцит. Вероятнее всего, для такого перехода потребуется период «диктатуры для блага общества». И здесь ключевое выражение «для блага» — и если такая диктатура не может возникнуть изнутри государства, ее надо навязать извне. И для этого неизбежно придется использовать суровые средства, такие, как экономическая изоляция, военное вторжение (открытое или скрытое) либо комбинация первого и второго¹. Такая программа может показаться кому-то крайне возмутительной, но, похоже, у нас просто нет альтернативы. Мы не можем сидеть и спокойно ждать того момента, когда оружие массового уничтожения из стран бывшего Советского Союза (если взять один из возможных кошмарных сценариев) перейдет в руки фанатиков.

Как я считаю, нам следует видеть в деспотических режимах нечто подобное ситуациям с захватом заложников. Ким Чен Ир захватил тридцать миллионов заложников. У Саддама Хусейна в заложниках было двадцать пять миллионов. Еще семьдесят миллионов держат в плену религиозные лидеры Ирана. Многим заложникам так хорошо промыли мозги, что они будут сражаться до смерти против своих освободителей, но это неважно. Они стали узниками в двух смыслах — узниками тирании и узниками собственного невежества. Развивающийся мир каким-то образом должен их спасти. Джонатан Гловер справедливо говорит, что нам нужно «нечто вроде сильной и обладающей достаточными средствами силы ООН наряду с четкими критериями законного вмешательства и международного суда, который мог бы санкционировать такое вмешательство»². Можно выразить ту же самую мысль проще: нам нужно всемирное правительство. Только в этом случае война между США и Китаем будет столь же маловероятной, как и война между штатами Техас и Вермонт. Мы еще даже не начали думать о таком правительстве, не говоря уже о шагах по его созданию. Для этого потребуется такой уровень экономической, культурной и нравственной интеграции, который пока кажется недостижимым. И многообразие наших религиозных представлений создает важнейшее препятствие для этого процесса. Разные представления о Боге не позволят людям признать, что они в первую очередь просто люди, отказавшись от менее важных критериев идентичности. Нам придется слишком долго ждать создания всемирного правительства — но переживем ли мы этот период ожидания?

Совместим ли ислам с гражданским обществом? Вправе ли мы надеяться на то, что люди, считающие себя верными мусульманами и обладающие военной и экономической мощью, не будут препятствовать

¹ См.: Robert Kaplan, *Supremacy by Stealth*, Atlantic Monthly, Jan. 2003, p. 65—83, где автор убедительно показывает, что подобного рода вмешательства должны быть почти во всех случаях скрытыми и что в ближайшем будущем за них могут нести ответственность только США.

² Glover, *Humanity*, 140.

развитию гражданского общества? Думаю, на этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Если когда-либо между исламом и Западом установится прочный мир, это будет возможно лишь в том случае, если ислам изменится радикальным образом. И такую трансформацию могут произвести лишь сами мусульмане, иначе они с ней не согласятся. И потому не будет преувеличением сказать, что судьба нашей цивилизации находится в руках «умеренных» мусульман. Пока мусульмане не смогут создать из своей веры благожелательную по своей сути идеологию — или пока они не оставят эту веру вообще, — ислам обречен на непрестанную войну с Западом в самых различных формах. Коль скоро его уже изобрели, ядерное, биологическое и химическое оружие никуда не денется из нашего мира. По словам Мартина Риса, у нас нет оснований думать, что мы в силах остановить его распространение (хотя бы в ограниченном количестве), как мы не можем надеяться, что способны остановить распространение наркотиков¹. Если это замечание верно, скоро оружие массового уничтожения будет доступно любому желающему.

Быть может, Запад будет в состоянии облегчить такую трансформацию мусульманского мира с помощью внешнего давления. Но усилий США и некоторых европейских стран будет недостаточно, если прочие страны Европы и Азии будут продавать современное оружие и ядерные реакторы «двойного назначения» всем желающим. Чтобы оказывать необходимое экономическое воздействие и таким образом вести эту войну идей мирными средствами, нам нужно развивать технологии альтернативных источников энергии — это должно стать целью нового Манхэттенского проекта. Несомненно, этого требуют от нас экономика и забота об окружающей среде, но нельзя забывать и о политических причинах. Если нефть потеряет цену, отсталость ведущих мусульманских стран сразу станет всем очевидной. Тогда, быть может, мусульмане научатся смотреть на многие вещи скромнее. В противном случае нам придется защищать наши интересы в мире с помощью военной силы — и притом постоянно. При таком развитии событий наши газеты все больше и больше будут походить на книгу Откровение.

5. К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА

ВЕРУЮЩИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, НАУКА

На фоне теократических кошмаров средневековой Европы или тех, что мы сегодня наблюдаем во многих мусульманских странах, религия в западном мире кажется нам чем-то вполне мирным. Но нас не должно сбивать с толку это сравнение. Религиозные представления до сих пор влияют на решения правительств — и особенно это касается США — в такой степени, что это несет в себе большую опасность для каждого. Например, как стало многим известно, Рональд Рейган воспринимал катаклизмы на Ближнем Востоке в свете библейских пророчеств. Он дошел до того, что регулярно приглашал на совещания по национальной безопасности таких людей, как Джерри Фалвелл и Хэл Линдси². Надо ли говорить о том, что советниками президента по вопросам о развитии ядерного оружия были люди не самого трезвого ума? На протяжении многих лет политика США на Ближнем Востоке переживала влияние, хотя бы отчасти, христианских фундаменталистов, которых интересовало будущее еврейского государства. Христианская «поддержка Израиля» — это на самом деле яркий пример религиозного цинизма, причем такого запредельного цинизма, что его почти никто не замечал в политическом дискурсе. Христианские фундаменталисты поддерживали Израиль из-за своей веры в то, что консолидация власти евреев на Святой земле — и особенно восстановление Соломонова храма — ускорит Второе пришествие Христа и, одновременно, окончательное уничтожение евреев³. Такое радостное предвкушение геноцида окрашивало отношение к

¹ M. Rees, *Our Final Hour* (New York: Basic Books, 2003), 42.

² На обеде в 1971 году Рейган сказал калифорнийскому законодателю Джеймсу Миллсу, что «все готово к битве Армагеддона и Второму пришествию Христа». Президент позволял Джерри Фалвеллу посещать брифинги, где обсуждались проблемы национальной безопасности, и пригласил известного автора, который много говорил об Армагеддоне, Хэла Линдси выступить с речью о ядерной войне с Россией перед высшими чинами Пентагона. Цит. по E. Johnson, *Grace Halsell's Prophecy and Politics: Militant Evangelists on the Road to Nuclear War*, *Journal of Historical Review* 7, no. 4 (Winter 1986).

³ См. об этом подробнее в кн. G. Gorenberg, *The End of Days: Fundamentalism and the Struggle for the Temple Mount* (Oxford: Oxford Univ. Press, 2000).

еврейскому государству с первых дней его существования: британская Декларация Бальфура 1917 года — первый международный документ, поддерживавший возвращение евреев в Палестину, — была создана не без влияния библейских пророчеств¹. Такое участие эсхатологии в современной политике показывает, что религия на самом деле крайне опасна. Миллионы христиан и мусульман сегодня строят свою жизнь на основе пророчеств, для исполнения которых требуется, чтобы из Иерусалима потекли реки крови. И несложно понять, что пророчества о междоусобных войнах могут стать самоисполняющимися пророчествами.

ВЕЧНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Многие члены правительства США понимают свои профессиональные обязанности в свете религии. Вспомним случай Роя Мура, председателя Верховного суда Алабамы.

Обеспокоенный тем, что его штат занял шестое место в стране по количеству убийств, он нашел мудрое решение проблемы — установил на ротонде здания суда штата в Монтгомери монумент весом в две с половиной тонны, на котором начертаны Десять заповедей. Все понимали, что это было прямым нарушением духа (если не буквы) Первой поправки к Конституции США, где запрещается учреждать государственную религию. Когда федеральный суд предложил Муру убрать монумент, тот отказался. Не желая откровенно поддерживать отделение церкви от государства, Конгресс США здесь же издал финансовый законопроект, который запрещал использовать федеральные средства на демонтаж монумента². Генеральный прокурор Джон Эшкрофт, который по должности обязан следить за соблюдением законов, все это время хранил благочестивое молчание. И это не должно нас удивлять, если мы слышали его выступления. Он часто говорит что-нибудь вроде этого: «Мы — нация, призванная защищать свободу, и эта свобода исходит не от правительства или какого-либо документа, но она вверена нам самим Богом»³. Опрос Института Гэллага показывает, что Эшкрофт и Конгресс опирались на твердую почву поддержки населения, поскольку 78% опрошенных относились к демонтажу монумента неодобрительно www.gallup.com. Возникает естественный вопрос: желали бы Мур, Эшкрофт, Конгресс США и три четверти всех американцев, чтобы слова о наказании за нарушение священных заповедей также высекли на мраморе и поместили бы в зданиях судов? Какое наказание следует понести тому, кто произносит имя Господа всуе? Оказывается, это карается смертной казнью (Левит 24:16). А тому, кто работает в субботу? Тоже смерть (Исход 31:15). А если кто-то проклянет отца или мать? Смерть (Исход 21:17). За прелюбодеяние? Уже нетрудно догадаться (Левит 20:10). Сами заповеди запомнить достаточно сложно (тем более что в главах 20 и 34 Книги Исхода содержатся два разных набора заповедей), но наказание за их нарушение довольно простое.

Примеры влияния религии на умы наших нынешних политиков найти несложно. Многие ведущие республиканцы входят в Совет по национальной политике, таинственную христианскую группу давления, созданную фундаменталистом Тимом Ла Хэем (соавтором серии апокалиптических романов «Оставленные» (Left Behind)). Члены этой группы встречаются раз в три месяца, чтобы обсуждать какие-то загадочные вопросы. Джордж Буш выступил перед этим советом за закрытыми дверями в 1999 году, после чего правые христиане стали поддерживать его кандидатуру⁴. И действительно, из всех, проголосовавших за Буша, 40% составили белые христиане евангелического направления⁵. Буш не упускал случая отблагодарить своих сторонников начиная с того момента, как он назначил Джона Эшкрофта генеральным прокурором. Министерства юстиции, жилищного строительства и городского развития, здравоохранения и социального обеспечения, а также образования теперь регулярно получают директивы, которые не соответствуют принципу отделения церкви от государства⁶. По своей «инициативе, продиктованной верой», Буш направил десятки миллионов долларов налогоплательщиков непосредственно церковным группам, которые могут использовать эти средства более или менее по своему усмотрению⁷. Буш дал важный пост в Управлении по контролю за продуктами и лекарствами доктору Дэвиду Хейгеру, акушеру, ведущему борьбу против

¹ Ibid., p. 80.

² Justic Roy Moore's Lawless Battle, editorial to New York Times, Dec. 17, 2002.

³ Frank Rich, Religion for Dummies, New York Times, April 23, 2002.

⁴ Rich, Religion. See also F. Clarkson, Eternal Hostility: The Struggle between Theocracy and Democracy (Monroe, Maine: Common Courage Press, 1997).

⁵ E. Bumiller, Evangelicals Sway White House on Human Rights Issues Abroad, New York Times, Oct. 26, 2003.

⁶ C. Mooney, W. 's Christian Nation, American Prospect, June 1, 2003. См. также вебсайт движения Americans United for Separation of Church and State (www.au.org).

⁷ Одна из проблем федерального финансирования религиозных организаций заключается в том, что эти организации не подчиняются тем правилам обеспечения равных возможностей трудоустройства, которым следуют все прочие некоммерческие организации. Так, церковные группы могут отказать в приеме на работу гомосексуалистам, разведенным и вступившим в повторный брак и т. д., но при этом они продолжают получать федеральные средства. Они также могут найти хитроумные способы для того, чтобы тратить эти средства на прозелитизм. Распределяя эти средства, федеральное правительство фактически должно принимать решения о том, какую религию считать подлинной, а какую нет — и эта обязанность сама по себе чревата проблемами.

абортов, который публично заявляет, что сексуальные отношения до брака есть грех и что любая попытка отделить «христианскую истину» от «светской истины» «опасна»¹. Генерал-лейтенант Уильям Бойкин благодаря Бушу стал заместителем помощника министра обороны по разведке в Пентагоне. Этот обвешанный орденами офицер частей особого назначения разрабатывал стратегию поиска Усамы бен Ладена, Муллы Омара и других скрывающихся врагов Америки. Как выясняется, он также ревностно борется с сатаной. Анализируя фотографию города Могадишу после судьбоносного действия его боевых частей в 1993 году, Бойкин заметил на снимке некоторые тени и понял, что это — «силы тьмы... знак присутствия демонов в городе, тот враг, которого открыл мне Бог»². «Наш враг — это некто по имени сатана», — сказал он, выступая на тему войны против терроризма³. Хотя подобные замечания иногда вызывают споры в СМИ, большинство американцев принимает их как нечто само собой разумеющееся. В конце концов, 65% из них верят в существование сатаны⁴.

Люди, горящие желанием служить Господу, появились в других отделах федерального правительства. Лидер большинства в палате представителей Том Делей изрекает такие глубокомысленные вещи: «Только христианство указывает на путь жизни, соответствующий реалиям нашего мира. Только христианство». Он уверяет, что пришел в политику, чтобы «распространять библейское мировоззрение». Понимая, что это мировоззрение позволяет говорить любые глупости, он заявил, что стрельба в школе «Колумбайн» в Колорадо произошла из-за того, что в наших школах преподают теорию эволюции⁵. Остается удивляться, каким образом после столь неразумных речей Делея не сняли с его поста.

Можно приводить подобные факты и истории без конца — пока это не утомит читателя, да и автора. Ограничусь еще одним примером, на этот раз из сферы судебной власти. В январе 2002 года председатель Верховного суда Энтони Скалиа, ревностный католик, произнес речь перед учащимися Школы богословия Чикагского университета на тему смертной казни. Я приведу длинную цитату из его речи, поскольку его слова показывают, что наше общество недалеко от теократии:

Подчеркну: это не Ветхий Завет, но апостол Павел... По сути, он говорит о том, что правительство — как бы вы его ни понимали — получает свою моральную власть от Бога... И мне кажется, чем в большей степени страну можно назвать христианской, тем в меньшей степени здесь считают смертную казнь безнравственной... Я объясняю это тем, что для верующего христианина смерть не является слишком великим событием. Да, намеренное убийство невинного — это слишком важно: это великий грех, из-за которого человек может потерять душу. Но, теряя нынешнюю жизнь, мы получаем взамен жизнь новую... С точки же зрения неверующего, лишая человека нынешней жизни, мы лишаем его существования. Вот почему это кажется ужасным! Демократия склонна игнорировать божественный авторитет, стоящий за правительством. Верующие не должны с этим соглашаться, им следует решительно изо всех сил сражаться за истину. Мы именно так и поступали в этой стране (чего не было в континентальной Европе) — в нашей общественной жизни осталось множество напоминаний о том, что (я воспользуюсь словами, прозвучавшими в 1940-х в Верховном суде) «мы религиозный народ, и наши институты предполагают существование Верховного Существа»... Все это, надо сказать, выглядит совсем не так, как в Европе. И это объясняет, почему наш народ обычно понимает, как то понимал и апостол Павел, что правительство обладает мечом как «Божий слуга», «карающий гневом» делающего злое⁶.

Все это должно привести в ужас любого человека, который считает, что во внутреннем святилище власти на Западе должен царить разум. Скалиа справедливо утверждает, что представления человека о жизни после смерти определяют его взгляд на смерть — и потому его этику. Хотя Скалиа католик, он расходится с папой

¹ M. Dowd, Tribulation Worketh Patience, New York Times, April 9, 2003.

² W. M. Arkin, The Pentagon Unleashes a Holy Warrior, Los Angeles Times, Oct. 16, 2003.

³ J. Hendren, Religious Groups Want Outspoken General Punished, Los Angeles Times, Oct. 17, 2003.

⁴ G. H. Gallup Jr., Religion in America 1996 (Princeton: Princeton Religion Research Center, 1996).

⁵ Paul Krugman, «Gotta Have Faith», New York Times, April 27, 2002.

⁶ A. Scalia, «God's Justice and Ours», First Things, May 2002, pp. 17-21.

по вопросу смертной казни, зато его представления разделяет большинство (74%) американцев¹. Достоин внимания тот факт, что мы — последняя из цивилизованных стран, где «делающих злое» предают смерти, и председатель Верховного суда справедливо связывает это с нашей религиозностью. Здесь нам стоит остановиться и задать себе один вопрос: в самом ли деле наша уникальная позиция по этому вопросу отражает, как говорит Скалиа, наше нравственное преимущество? Так, мы знаем, что ни один человек не создает свои гены или свое раннее детство, тогда как мы знаем, что эти факторы определяют наш характер на протяжении всей жизни. И потому несложно сделать вывод о том, что люди, которых приговаривают к смерти, стали жертвами дурной генетической наследственности, плохих родителей, неверных идей или невезения. Можно ли сказать, что они несут ответственность за эти вещи? Когда мы оправдываем смертную казнь Библией, это не помогает нам примирить наше растущее понимание человеческого поведения с жадной возмездия перед лицом вопиющих преступлений. Несомненно, нам следует обсуждать вопрос о смертной казни на секулярном языке, но столь же очевидно, что при этом нам нужно опираться на источники, которые лучше понимают психику человека и современное общество, чем апостол Павел.

Люди, подобные Скалиа, — те, кто верит, что у нас уже есть соответствующие вечные постановления Бога, записанные на бумаге, — не способны испытывать сомнений об этом вопросе и надежно защищены от тех фактов, которые здесь предлагает наука. И не стоит удивляться тому, что президент Буш назначает в федеральные суды таких людей, как Скалиа[197]. Он предлагает применять смертную казнь даже в тех случаях, когда обвиняемый страдает умственной отсталостью[198]. Он также выступает за применение законов о содомии (в данном случае, несмотря на то, что их применяют исключительно и избирательно к гомосексуалистам)[199]. Разумеется, Скалиа находит *юридические* основания для защиты религиозного догматизма на заседаниях Верховного суда, но не стоит сомневаться в том, что он руководствуется здесь словами апостола Павла или даже варварскими указаниями автора Книги Левит.

ВОЙНА С ГРЕХОМ

В Соединенных Штатах Америки, как и в большинстве других стран мира, некоторые виды удовольствий противозаконны. Если ты предаешься таким удовольствиям даже у себя дома, к тебе в дверь могут постучаться вооруженные люди, которые тебя арестуют. Самое удивительное в такой ситуации то, что почти никто не находит это удивительным. Это подобно сновидению, где мышление подчинено иным законам и потому самые нелепые вещи кажутся вполне обычными.

Такие виды поведения, как прием наркотических средств, гомосексуализм или рассматривание непристойных картинок, называют теперь «преступлениями без жертв». Разумеется, общество становится жертвой многих других действий человека — скажем, люди шумят и производят вредные химические отходы, но подобные действия в определенных рамках не считаются преступлениями. Эти рамки устанавливают, оценивая риск потенциального вреда. Кто-то может сказать, что некоторые частные действия, например рассматривание жесткой порнографии, как минимум могут подтолкнуть кого-то на совершение настоящих преступлений против других людей². Так что между частной свободой и общественным спокойствием существует известное напряжение. Если бы существовали такой наркотик, или книга, или фильм, или сексуальная позиция, которые бы в 90% случаев приводили к тому, что человек выбегает на улицу и начинает убивать случайных прохожих, это бы поставило частное удовольствие в разряд вопросов безопасности общества. Мы можем также сказать, что не хотели бы видеть целое поколение детей, воспитанных на приеме амфетамина и чтении Маркиза де Сада. Общество в целом не может не беспокоиться о развитии детей, и частное поведение родителей, а также то, что нам транслируют СМИ, играет здесь важную роль. Но нам следует спросить себя: почему вообще нужно наказывать за такое поведение, которое не несет в себе значимого риска нанести ущерб другим? Самое удивительное в концепции «преступления без жертв» то, что даже если человек действительно никому не принес вреда, те,

¹ www.gallup.com/poli/releases/pi030519.asp.

² Так, знаменитый серийный убийца Тед Банди накануне казни уверял, что некоторые ужасные идеи ему внушила жесткая порнография. См. R. Shattuck, *Forbidden Knowledge: From Prometheus to Pornography* (New York: St. Martin's Press, 1996).

кто рад его наказывать, все равно считают его поведение преступным. И подобные случаи показывают нам, что именно стоит за многими нашими законами. Идея преступления без жертв есть не что иное, как юридическое выражение представлений христиан о грехе.

Верующие люди нередко выступают за ограничение свободы других, и это не случайность. Эта склонность объясняется не столько историей религии, сколько самой ее логикой, потому что сама идея частной жизни несовместима с существованием Бога. Если Бог все видит и все знает и столь мелочен, что его задевают некоторые формы сексуального поведения или определенные состояния мозга, тогда все, что люди делают за стенами своих жилищ, даже если это никак не отражается на их поведении в обществе, для верующих остается общественной проблемой¹.

Здесь несколько религиозных идей о пороке сходятся в одной точке — в частности, подозрительное отношение к сексуальной жизни, не связанной с продолжением рода, и представление об идолопоклонстве, — и в результате многим из нас кажется, что наказывать, иногда сурово, людей за их частное поведение, никому не делающее вреда, вполне нравственно. В большинстве самых ярких случаев, когда иррациональные запреты препятствуют счастью людей на протяжении многих поколений, религия, как несложно увидеть, играет решающую роль. Наши законы против «порока» не защищают людей от физического или психологического вреда, но направлены лишь на то, чтобы не прогневить Бога. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о том, что оральный и анальный секс между двумя взрослыми людьми по их обоюдному согласию в тринадцати штатах все еще считается уголовным преступлением. В четырех из этих штатов (в Техасе, Канзасе, Оклахоме и Миссури) подобные действия запрещены для людей одного пола, так что это фактически запрет на гомосексуализм. В других девяти штатах (Алабама, Флорида, Айдахо, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Южная Каролина, Юта и Виргиния) царит беспристрастие: здесь гомосексуальные отношения запрещены вообще². Не нужно обладать глубокими демографическими познаниями, чтобы увидеть явную закономерность: тенденция наказывать взрослых за сексуальные отношения, не связанные с продолжением рода, явно связана с уровнем религиозности населения.

Влияние веры на уголовные законы дорого нам обходится. Возьмем случай наркотических средств. Существует множество веществ — многие из них природного происхождения, — употребление которых вызывает у человека временное ощущение великого счастья. Иногда, конечно, эти же вещества вызывают временное ощущение несчастья, но это встречается гораздо реже, иначе у людей не было бы желания принимать такие вещества (а человечество знакомо с ними не одну тысячу лет). Проблема, конечно, заключается в том, что эти вещества вызывают удовольствие, а удовольствие никогда мирно не уживалось рядом с благочестием.

Наши законы, касающиеся наркотических средств — как и все законы, направленные на борьбу с пороками, — это законы об удовольствии: счастье опьянения, затмевающее радость от молитвы, или сексуальные отношения, которые дают радость, но не способствуют продолжению рода, ставятся вне закона. В частности, запрещается употреблять любое средство (ЛСД, мескалин, псилоцибин, ДМТ, экстази, марихуана и т. д.), которому приписывают духовное или религиозное значение. Это вовсе не отражает заботу о здоровье или чадородии граждан, о чем свидетельствует тот факт, что алкоголь и табак остаются совершенно легальными.

Тот факт, что людей судят и сажают в тюрьмы за употребление марихуаны, тогда как алкоголь остается банальным товаром в магазинах, ярко демонстрирует полную абсурдность того утверждения, что наши

¹ Я не стал здесь подробно рассматривать вопрос о том, чем общественные формы свободы отличаются от частных. Разумеется, существует масса вещей, которые совершенно невинны, если ты их делаешь дома, но неуместны на публике просто потому, что они могут раздражать других. Мы обычно не варим себе обед на тротуаре, не стрижем волосы в салоне самолета или не берем любимую домашнюю змею в кинотеатр — все это примеры ситуаций, когда частную свободу невозможно перенести в публичные места.

² К счастью, Верховный суд (см. материалы процесса *Lawrence and Gamer v. Texas*), похоже, признал эти законы неконституционными (см. www.cnn.com/2003/LAW/06/26/scotus.sodomy).

законы защищают людей, чтобы те не причинили вреда себе и другим¹. Алкоголь по всем показателям куда опаснее марихуаны. Он не применяется по медицинским показаниям, и человеку несложно принять его летальную дозу. Он играет огромную роль в автокатастрофах. Растормаживающее действие алкоголя делает его важным фактором таких явлений, как насилие, травматизм, незапланированная беременность и распространение венерических заболеваний. Алкоголь также вызывает зависимость. Если его потребляют в больших количествах на протяжении многих лет, он вызывает неврологические нарушения и цирроз печени и может стать причиной преждевременной смерти. Только в США ежегодно из-за потребления алкоголя умирает более 100 тысяч человек. Он также опаснее для плода, чем многие другие наркотические средства (часто дети со всевозможными проблемами — это результат воздействия алкоголя во внутриутробный период их жизни)². Ничего из перечисленного выше нельзя сказать о марихуане. Это средство уникально, поскольку может применяться в медицине для достижения различных целей и практически не приводит к смерти из-за передозировки. Из-за побочного действия таких лекарств, как аспирин или ибупрофен, в США ежегодно погибает около 7600 человек (и 76 тысяч больных госпитализируют), тогда как никто не погибает от марихуаны³. Раньше считали, что от марихуаны человек переходит к более серьезным наркотикам, но теперь в этом все больше сомневаются (и это никогда не могли доказать)⁴. На самом деле почти любой вид человеческой деятельности — вождение машины, перелет на самолете, удар по мячу в гольфе — куда опаснее, чем курение марихуаны в приватном пространстве собственного дома. Человек, который захочет доказать, что марихуану следует запретить из-за риска для людей, скоро убедится, что сил его ума для такой работы явно недостаточно.

И, однако, наше общество настолько далеко от тропы разума, что сегодня людей приговаривают к пожизненному заключению без возможности досрочного освобождения лишь за то, что они выращивают, продают, хранят или покупают обычное растение, которое встречается в природе⁵. Людей, страдающих раком или параличом, сажают в тюрьму на десятки лет за хранение марихуаны. Иногда за решетку отправляют владельцев магазинов для садоводов лишь потому, что их покупатели разводят марихуану. Чем объяснить такое удивительное пренебрежение к человеческой жизни и материальным ресурсам? Единственное объяснение заключается в том, что этот предмет никогда не обсуждался в рамках рационального подхода. Если при нынешнем законодательстве появится какое-то новое средство, которое совершенно не вредит здоровью, не вызывает зависимости и при его приеме в 100% случаев вызывает ощущение духовного блаженства, можно с полной уверенностью сказать, что оно станет запретным и что людей будут безжалостно наказывать просто за его употребление. Подобную жажду возмездия объясняет только страх перед библейским грехом идолопоклонства. Поскольку мы были воспитаны верой и научены заботиться о грехах наших ближних, мы привыкли снисходительно относиться к тому, что государство столь иррационально пользуется своей властью.

Из-за запретов на использование некоторых веществ тысячи работоспособных и во всем прочем законопослушных людей оказались в тюрьмах, где они часто проводят десятки лет или даже всю оставшуюся жизнь. Забота об их детях легла на государство. И что делает общую картину еще более ужасающей, преступников, совершивших акты насилия, — убийц, тех, кто издевался над женщинами или

¹ Если посмотреть на проблему борьбы с наркотиками с точки зрения здоровья, многие вещи становятся яснее. Наши законы запрещают раздавать зависимым чистые иглы, что увеличивает распространение СПИДа, гепатита С и других болезней, передающихся подобным путем. Поскольку потребляющий наркотики человек плохо себе представляет степень загрязнения и дозировку нелегально добытого вещества, это резко увеличивает риск отравления или передозировки (как это было с алкоголем, когда тот был запрещен). Парадоксальным образом запрет на наркотики привел к тому, что несовершеннолетним их стало легче приобрести, потому что здесь сформировался подпольный рынок. Законы, ограничивающие применение опиатов в медицине для обезболивания, просто увеличивают страдания умирающих в последние месяцы их жизни.

² L. Carroll, Fetal Brains Suffer Badly from the Effects of Alcohol, New York Times, Nov. 4, 2003.

³ www.drugwarfacts.com.

⁴ www.rand.org/publications/RB/RB6010/.

⁵ О подобных приговорах см.: E. Schlosser, Reefer Madness: Sex, Drugs, and Cheap Labor in the American Black Market (New York: Houghton Mifflin, 2003).

детьми, — очень часто освобождают досрочно, чтобы они вернулись в общество¹. Похоже, здесь мы видим уже не банальное зло, а его абсурдные глубины².

Последствия нашей иррациональности на этом фронте столь ужасны, что заслуживают более пристального изучения. Каждый год из-за законов о наркотиках в США арестовывают 1,5 миллиона человек. В данный момент где-то порядка 400 тысяч человек томятся в тюрьмах США из-за преступлений, связанных с наркотиками, но не сопровождавшихся актами насилия. Еще около миллиона людей осуждены условно³. Количество людей, не совершивших преступлений с актами насилия и сидящих в тюрьмах США из-за нарушения законов о наркотиках, превышает количество всех заключенных в странах Западной Европы (население которой больше). На эту борьбу только на федеральном уровне расходуется 20 миллиардов долларов ежегодно⁴. Суммарная стоимость применения законов против наркотиков, куда входят также все расходы на уровне штатов и на локальном уровне и средства, которые бы поступали в казну при официальной продаже наркотиков, вероятно, превышает 100 миллиардов долларов в год⁵. На войну с наркотиками тратится около 50% времени судебных заседаний, ее обслуживает армия офицеров полиции (при полной занятости) числом около 400 тысяч⁶. Эти ресурсы можно было бы направить на борьбу с уголовными преступлениями и терроризмом.

История должна была бы нам подсказать, что такая запретительная политика обернется неудачей. Всем известно, например, что вышло из попытки запретить алкоголь в США — только лишь трагикомедия с увеличением пьянства, усилением организованной преступности и коррупцией среди полицейских. Сегодня мало кто помнит, что этот запрет был связан с религией, его совместно породили Женский христианский союз трезвости и лоббирование со стороны некоторых ревностных протестантских миссионерских обществ.

Запрет какого-либо товара, который многим нужен, — это всегда потеря денег. По оценкам ООН, оборот наркоторговли составляет 400 миллиардов долларов в год. Это превышает ежегодный бюджет Министерства обороны США. Если эта цифра верна, продажи запрещенных наркотиков составляют 8% от всей международной торговли (где около 7,5% приходится на долю текстильных изделий, а 5,3% — на долю автомобилей)⁷. Однако сами запреты делают производство и продажу наркотиков столь выгодным бизнесом. Люди, которые этим зарабатывают себе на жизнь, получают от 5 до 20 тысяч процентов прибыли и притом не платят налогов. Все показатели торговли наркотиками — распространенность употребления

¹ Около 51 % людей из всех, совершивших акты насилия, выходят на свободу после или в течение двух первых лет отбывания срока наказания, 76% получает свободу в течение четырех лет и менее (www.wjpr.org). На федеральном уровне средний срок пребывания в тюрьме по делам, связанным с наркотиками, составляет 6 лет и 3 месяца (по данным Office of National Drug Control Policy [ONDCP] Drug Data Summary, www.whitehousedrugpolicy.gov).

² И это еще не полная картина. Во многих штатах у человека, которого просто подозревают в преступлении, связанном с наркотиками, могут конфисковать имущество, а тем, кто на него донес, могут вручить награду в размере четверти стоимости этого имущества. Остальные средства идут в отделения полиции, бюджет которых теперь зависит от подобных конфискации. Именно такая ситуация сделала инквизицию коррумпированной (если мы вправе говорить о «коррупции» этого института вообще). Обвиняемый, подобно еретикам, вынужден предать своих товарищей, чтобы ему сократили срок заключения. Если человек не может (или не хочет) назвать своих сообщников, срок наказания увеличивается до фантастических размеров. Подобного рода информация так высоко ценится, что ею начали торговать на особом черном рынке. Обвиняемые, которым некого выдать, вынуждены покупать сведения у профессиональных информаторов (и это стоит недешево). В итоге полицейские научились захватывать собственность, вместо того чтобы бороться с преступлениями. Конфискация и лишение права собственности совершаются даже в тех случаях, когда подозреваемого признают невиновным в каких-либо уголовно наказуемых преступлениях. Одно исследование национальных масштабов показало, что собственность конфискуют в 80% случаев всех уголовных процессов (www.drugwarfacts.com). В результате таких мудрых законов иногда восьмидесятилетние супруги навсегда теряют свои дома по той причине, что их внука застукали за курением травки. Больше подобных фактов см. в кн. Schlosser, *Reefer Madness*.

³ Данные ONDCP Drug Data Summary (March 2003). Война с наркотиками также стала великим инструментом расовой дискриминации: в США черные составляют лишь 12% населения и 13% от всех потребителей наркотиков, в то же время они составляют 38% арестованных и 59% осужденных по делам, связанным с наркотиками. Наше законодательство лишило массу черных семей отцов, а это опустошает наши города, а также повышает стоимость наркотиков и делает наркоторговлю более доходным бизнесом. (См.: www.drugwarfacts.com.)

⁴ Ibid.

⁵ M. S. Gazzaniga, *Legalizing Drugs: Just Say Yes*, National Review, July 10, 1995, pp. 26—37, где подсчет автора приводит примерно к таким же результатам. Разумеется, с каждым следующим годом эта цифра становится больше.

⁶ W. F. Buckley Jr., *The War on Drugs Is Lost*, National Review, Feb. 12, 1996.

⁷ www.lindesmith.oig.

наркотиков и борьба с их распространением, их стоимость, чистота тех средств, что можно купить на улице, — свидетельствуют о том, что правительство ничего не способно сделать, коль скоро наркотики приносят такую прибыль (и эта прибыль всегда порождает коррупцию в правоохранительных органах). Преступления наркоманов, которым приходится платить столь астрономические цены за необходимый товар, и преступления дилеров, защищающих свои территории сбыта и свое имущество, — также прямое последствие этих запретов¹. И еще одна парадоксальная и грустная вещь показывает, что здесь явно потрудился сатана: тот рынок, который создали наши законы против наркотиков, стал постоянным источником финансирования для таких организаций, как Аль-Каида, Исламский Джихад, Хэзболла, Светлый путь и подобных².

Даже если мы считаем, что для нашей социальной жизни важно искоренить употребление наркотических средств, как выглядят наши финансовые потери от войны с наркотиками на фоне других приоритетов? Скажем, чтобы защитить наши морские порты от контрабанды ядерного оружия, требуется за один раз израсходовать 2 миллиарда долларов. В настоящее время мы можем выделить на эту цель всего лишь 93 миллиона³. Как на этом фоне выглядит наш запрет на марихуану (который обходится нам ежегодно в 4 миллиарда долларов), если мы не способны обезопасить наши порты в Лос-Анджелесе? Или возьмем другой пример: правительство США может выделить на реконструкцию Афганистана лишь 2,3 миллиарда долларов в год. В настоящее время Талибан и Аль-Каида проводят перегруппировку. В сельской местности за пределами Кабула всем заправляют землевладельцы. Что важнее для нас: сделать эту часть мира цивилизованной или запрещать онкологическим больным в Беркли пользоваться марихуаной как средством от тошноты? Мы видим, что сегодня правительственные средства расходуются совершенно неправильно — если не безумным образом, — если думать о наших приоритетах. Из-за этих нелепостей разруха будет царить в Афганистане еще не одно десятилетие. А заодно у афганских фермеров не останется иной альтернативы, кроме как выращивать мак. Хотя в одном мы оказали им ценную услугу: благодаря нашим законам это очень выгодный бизнес⁴.

Когда человек верит в то, что Бог наблюдает за нами с небес, ему начинает казаться, что наказывать невинных людей за их частные удовольствия совершенно разумно. Мы живем в XXI веке. Возможно, нам пора найти более обоснованные причины для того, чтобы ограничивать свободу наших соседей под дулом пистолета. А если вспомнить о множестве реальных проблем, которые нам необходимо решать — терроризм, распространение ядерного оружия, инфекционные болезни, недостатки инфраструктуры, нехватка средств на образование и здравоохранение и т. д., — наша война с грехом кажется столь вопиющим неразумием, что это даже трудно обсуждать рационально. Почему мы так легко игнорируем наши собственные интересы? И каким образом мы могли принять столь странные законы без обсуждения сути вопроса?

¹ Когда последний раз кого-либо убили в конфликтах вокруг сбыта алкоголя или табака? Можно с уверенностью сказать, что нормальное положение вещей воцарилось бы и здесь, если бы государство регулировало торговлю наркотическими средствами. В самом начале нынешней «войны с наркотиками» экономист Милтон Фридман заметил, что «легализация наркотиков одновременно снизила бы количество преступлений и улучшила бы работу органов правопорядка». Далее он предложил читателю «придумать какую-либо еще меру, которая бы так сильно продвинула вперед закон и порядок» (Friedman, Prohibition and Drugs, Newsweek, May 1, 1972). Эти слова были справедливы тогда и остаются истиной сегодня, после трех десятилетий благочестивой анархии; преступления, окружающие торговлю наркотиками, — это неизбежное последствие самих наших законов против наркотиков,

² По данным правительства США, из двадцати восьми организаций, официально признанных террористическими, двадцать частично или полностью финансируют свою деятельность за счет торговли наркотиками. (См.: www.theantidrug.com/drugs_terror/terrotgroups.html.)

³ S. Weinberg, What Price Glory, New York Review of Books, Nov. 6, 2003, p. 55-60.

⁴ Все это безумие сохраняется, несмотря на то что легальная и регулируемая продажа наркотических средств эффективнее всего оберегла бы от них несовершеннолетних (вы слышали, чтобы кто-нибудь тайно продавал водку на школьном дворе?), подорвала бы основу существования преступных группировок, на десятки миллиардов долларов снизила бы расходы на правоохранительные органы, принесла бы другие миллиарды в виде налогов в казну и освободила бы сотни тысяч полицейских, чтобы они могли направить свои силы на борьбу с насильственными преступлениями и терроризмом. Но пойти на это мешает страх, что легализация наркотических средств вызовет эпидемию наркомании. Здравый смысл, а также опыт таких стран, как Голландия, показывает, что этот страх необоснован. Более 100 миллионов американцев из тех 108 миллионов, что принимали запрещенные наркотические средства, утверждают, что феномен зависимости не то же самое, что употребление, и нужная информация поможет потребителям наркотиков не впасть в зависимость. Зависимость, несомненно, следует лечить — для чего у нас на данный момент также не хватает средств.

БОГ МЕДИЦИНЫ

Хотя разум противоречит вере, мы увидим, что он не противоречит любви или духовности. Это утверждение основывается на простой мысли. Любой опыт человека предполагает разумное обсуждение причин и последствий этого опыта (или стремления игнорировать этот опыт). Хотя это открывает дорогу для многих экзотических вещей, для веры дверь остается закрытой. Возможно, у кого-то есть основания верить в парапсихологические явления, в существование инопланетян, в перевоплощение, в целительную силу молитвы и так далее — но такие представления должны опираться на доказательства и факты. Однако доктрина веры не может с этим согласиться. С точки зрения веры правильнее рабски подражать поведению предков, чем пытаться найти новые истины в настоящем.

Разумеется, кроме веры существуют и другие источники иррационализма, но все они обычно не определяют направление государственной политики. В Верховном суде не принято прославлять американцев за то, что они полагаются на астрологию, постоянно наблюдают за НЛО или верно следуют предрассудкам, которые, как это знают психологи, практически всегда встречаются у людей¹. Только религиозный догматизм находит неоправданную поддержку у правительства. Но религиозная вера игнорирует неопределенность там, где неопределенность явно присутствует, и позволяет неведомому, неправдоподобному или откровенно ложному господствовать над фактами.

Возьмем нынешнюю дискуссию об исследованиях стволовых клеток эмбриона человека. С точки зрения религии проблема проста: исследователи разрушают зародыш человека. Этот эмбрион выращивают *in vitro* (в лаборатории, а не в утробе женщины) в течение трех-пяти дней. На данном этапе развития его называют бластоцистой. Такой эмбрион состоит примерно из 150 клеток, образующих маленький круг. Внутри бластоцисты находится группа из примерно 30 эмбриональных стволовых клеток. Два свойства этих клеток привлекают к ним особое внимание ученых: во-первых, они могут оставаться неспециализированными и размножаться делением в течение продолжительного времени (популяция таких клеток, живущих в специальной среде, называется клеточной линией); во-вторых, они плюрипотентны, то есть потенциально могут стать любыми специализированными клетками тела — нейронами головного и спинного мозга, клетками поджелудочной железы, производящими инсулин, мышечными клетками сердца и т. д.

Вот что нам пока о них известно. И нам понятно, что исследование стволовых эмбриональных клеток поможет нам узнать много нового. Среди прочего мы можем лучше понять законы деления и дифференциации клеток. А это, в свою очередь, неизбежно прольет новый свет на наше понимание некоторых медицинских проблем, таких, как рак и врожденные дефекты развития, которые явно связаны с нарушениями процесса деления и дифференциации. Мы также знаем, что для исследования эмбриональных стволовых клеток необходимо разрушить эмбрион человека, состоящий из 150 клеток. У нас нет ни малейших оснований думать, что на этой стадии эмбрион может чувствовать боль, страдать или как-то еще ощущать, что у него отнимают жизнь. Зато мы знаем, что есть миллионы людей, обладающих такой способностью и страдающих из-за повреждений головного и спинного мозга. Другие миллионы страдают от паркинсонизма и болезни Альцгеймера. Миллионы страдают от инсультов и болезней сердца, от ожога, диабета, ревматоидного артрита, дегенерации клеток Пуркинье, мышечной дистрофии Дюшенна, от нарушений зрения и слуха. Мы знаем, что стволовые клетки могут стать источником обновления клеток тканей и органов, что в не столь уж далеком будущем поможет облегчить все эти страдания.

И здесь на нашем пути стоит вера. Мы живем в мире, где политики, получившие прекрасное образование, предлагают запретить подобные исследования, потому что их беспокоит судьба *одной-единственной* клетки. Их волнует то, что исследователи разрушат конгломерат из 150 клеток. Хуже того, они беспокоятся и о судьбе единственной человеческой зиготы (оплодотворенной яйцеклетки) и они призывают защищать ее так же, как защищают жизнь вполне сформировавшегося человека.

¹ См., например: D. Kahneman and A. Tversky, On the Reality of Cognitive Illusions, *Psychological Review* 103 (1996): 582—91.

Ведь эта яйцеклетка потенциально может *стать* таким человеком. Тем не менее, благодаря развитию биологии клонирования сегодня то же самое можно сказать практически о любой клетке тела человека. Если говорить о потенциале, то в тот момент, когда наш президент чешет свой нос, он совершает дьявольское убийство многих душ.

Встав на защиту не слишком ясно сформулированной христианской доктрины (в конце концов, Библия нигде не говорит, что убийство человеческого эмбриона или даже плода равносильно убийству человека), 27 февраля 2003 года Палата представителей США проголосовала за запрет исследования эмбриональных стволовых клеток.

Разумный подход к этике никогда бы не загнал нас в подобный тупик. Наша официальная позиция по вопросу стволовых клеток человека определяется представлениями, никак не связанными с разумными догадками о живых системах и их «переживаниях». С точки зрения неврологии мы причиняем больше страданий живым существам на земле, когда убиваем муху, чем когда убиваем бластоцисту человека, не говоря уже о зиготе (в конце концов, только в мозге мухи содержится 100 тысяч клеток). Конечно, вопрос о том, когда человек становится в полной мере человеком и о нашей способности страдать остается открытым. Но когда человек заявляет, что все это присуще клетке с момента оплодотворения, он не вносит в диалог ничего нового, кроме собственного невежества. Люди, которые по религиозным мотивам препятствуют исследованиям стволовых клеток в медицине, подобны сторонникам теории плоской земли — как с научной, так и с этической точки зрения. И нам следует принимать это во внимание, когда мы обсуждаем подобные проблемы. В этой сфере публичной политики наши уступки религии только во множество раз увеличивают страдания людей на протяжении грядущих десятилетий.

Влияние религии не ограничивается этой сферой. Президент Буш решил прекратить финансирование организаций, которые занимаются планированием семьи и предоставляют информацию об абортах. Как пишет *New York Times*, это «привело к тому, что 16 стран перестали получать презервативы, а еще 13 стали получать их меньше, причем в этих странах самые высокие показатели по распространенности СПИДа в мире»¹. Христианские представления о греховности сексуальной жизни вне брака заставили правительство США потребовать от фондов для борьбы со СПИДом в Африке, чтобы они учили местное население хранить воздержание, вместо того чтобы пользоваться презервативами. Можно без преувеличений сказать, что в результате только этого решения, принятого под воздействием религиозных доктрин, могут погибнуть миллионы людей. Как сказал Николас Кристоф, «секс убивает, и то же самое делает ханжество»².

Тем не менее, даже люди, которые понимают, насколько ужасно такое решение, воздерживаются от критики самой веры. Возьмем в качестве примера того же Кристофа: он показывает, что в мышлении членов правительства США господствуют идеи Средних веков и что их решение приведет к ужасающим последствиям в других странах, и здесь же смеется над теми, кто считает, что в этом повинны верующие с их представлениями о мире:

Я не могу достичь согласия с евангелическими христианами почти ни по одному конкретному вопросу, и я думаю, что на них следует нападать, указывая на плачевные последствия решений, принятых под влиянием религии. Так, христиане настороженно относятся к использованию презервативов и сексуальному просвещению, а из-за этого правительство принимает такие меры, которые повлекут за собой еще больше смертей от СПИДа в Америке и других странах, не говоря уже об увеличении числа беременностей и абортов.

Но, похоже, либеральными критиками нередко движет тот же «благородный гнев», что и политиками, которых поддерживают евангелические христиане. В чем-то этот гнев оправдан, но иногда он переходит в насмешки над самой верой консервативных христиан. Издеваться над самой верой непозволительно. И нередко либералов больше интересует религия Афганистана, чем Алабамы, и их больше привлекает чтение Упанишад, чем чтение книги Откровение»³.

¹ Misguided Faith on AIDS (editorial), *New York Times*, Oct. 15, 2003.

² N. Kristof, When Prudery Kills, *New York Times*, Oct. 8, 2003.

³ Ibid.

Это темная логика. Кристоф прямо говорит о «плачевных последствиях» веры, но прославляет сам источник этих последствий¹. В самом деле, негласные правила публичного дискурса требуют, чтобы Разум надевал на голову покрывало, когда на сцену выходит Вера. Но эти правила просто необходимо изменить.

Вера вбивает клин между этикой и страданиями. Некоторые действия никому не причиняют ни капли страдания, но религиозные догматики все равно считают их дурными и достойными наказания (гомосексуализм и некоторые формы полового акта, использование марихуаны, убийство бластоцисты и т. п.). В то же время вокруг нас полно страданий и смерти и иногда причины этих явлений верующие считают благими (сокращение средств на программы планирования семьи в третьем мире, преследование людей, которые не совершали актов насилия, за наркотики, запрет на исследование стволовых клеток и т. д.). Эта странная расстановка приоритетов ведет к страданиям невинных людей и напрасной трате ресурсов и, что еще хуже, совершенно искажает наши представления об этике. Настало время, когда нам нужен более разумный подход для ответа на вопрос, что правильно, а что нет.

6. НАУКА О ДОБРЕ И ЗЛЕ

РЕЛИГИЯ, ПСИХИКА, РАЗУМ, ИНТУИЦИЯ

Существует мнение, что отличие добра от зла зависит только от мнения людей, называющих одни явления «добром», а другие — «злом». Правда ли это? Вспомним, например, о том, что в XVI веке любимым развлечением парижан было сжигание кошек. На ярмарке в середине лета устроители зрелища собирали десятки кошек в клетку, которую поднимали на воздух и затем медленно опускали в костер. Это вызывало восторг зрителей, которые «хохотали во весь голос, наблюдая, как животные, визжащие от боли, обгорали, поджаривались и наконец, обугливались»². У большинства из нас такое зрелище вызвало бы только отвращение. Но значит ли это, что мы правы? Можем ли мы сказать, что есть этическая истина, которую не понимают люди, любующиеся мучениями кошек?

Многие люди думают, что этические истины, в отличие от истин научных, культурно обусловлены. В самом деле, принято думать, что секуляризм равнодушен к нравственным истинам, и это является одним из его главных недостатков. Проблема заключается в том, что когда мы отказываемся от веры в Бога, дающего нам правила поведения, вопрос о том, почему данное действие хорошо или плохо, становится предметом обсуждения. Большинство людей согласится с утверждением «убивать нехорошо», однако, похоже, это утверждение не опирается на факты или, во всяком случае, в меньшей мере связано с фактами, чем наши представления о планетах или молекулах. С философской точки зрения, эта проблема звучит так: какого рода «факты» (если они вообще существуют) лежат в основе наших представлений о нравственности?

Рациональный подход к этике станет реальностью, как только мы поймем, что вопрос о хорошем и дурном — это на самом деле вопрос о счастье и страдании тех существ, которые способны их чувствовать. Если мы можем давать счастье или причинять боль другим существам, мы несем за них нравственную ответственность³ — и иногда эта ответственность настолько серьезна, что она становится содержанием гражданских и уголовных законов. Сделав счастье и страдание отправной точкой всего остального, мы можем увидеть, что многие вопросы, которые люди относят к категории нравственных, на самом деле не

¹ Кроме того, Кристоф неверно понимает знаменитое изречение Эйнштейна: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа». Он считает, что Эйнштейн здесь с уважением относится к религиозной вере, не требующей доказательств. «Наука без религии хрома» означает просто, что «науку творит только тот, кто наполнен стремлением к истине и познанию. Однако источником такого рода чувства является религия». Религия же без науки слепа по той причине, что у нее нет доступа к истине — в понимании Эйнштейна она не более чем «источник чувства», то есть такого стремления к истине, которое невозможно обосновать научно. Таким образом, вера есть просто голод, а разум — сама пища.

² N. Davies, *Europe: A History* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1996).

³ Говоря о связи этики и счастья, мы не сводим все этические вопросы к утилитаризму. Многие моральные проблемы не поддаются утилитарному подходу, но остаются проблемами этики, что я намерен показать, лишь в той степени, в какой их решение может причинить кому-либо страдание. Я решил не пользоваться моральными категориями, которые обычно употребляют в любых разговорах об этике, — такими, например, как утилитаризм (или консеквентализм) и деонтология. Я не считаю, что эти категории действительно столь сильно отличаются одна от другой и столь ценны для понимания этики, как принято думать.

имеют к нравственности никакого отношения. Мы уже могли увидеть, что преступления без жертв — это все равно что долги без кредиторов. Таких вещей просто не существует¹. Если кто-то не может уснуть по той причине, что его беспокоят приватные удовольствия каких-то дееспособных взрослых людей, вероятно, у такого человека не просто слишком много свободного времени, но он опирается на недоказанные представления о добре и зле.

Нас не должен смущать тот факт, что в разных культурах существуют различные представления о некоторых этических вопросах. Это ничего не говорит о природе нравственной истины. Представьте себе, что вы встретились с несколькими величайшими мыслителями древности и задаете им элементарные научные вопросы: «Что такое огонь? Каким образом живые системы сами себя воспроизводят? Какова природа светил, которые мы видим на ночном небе?» Можно не сомневаться в том, что среди них не будет согласия относительно этих вещей. Хотя в древнем мире блестящих умов хватало, людям просто не доставало нужных инструментов и концепций, чтобы ответить на подобные вопросы. Их противоречивые мнения указывают на то, что они не знают некоторых истин о мире, но не на то, что таких истин не существует.

Если на этические вопросы можно давать верные и неверные ответы, эти ответы следует искать в нынешнем мире. Куда бы ни привел нас такой поиск — в глухую пещеру или в современную лабораторию, — это не меняет существования истин, которые мы стремимся понять. Если этика действительно представляет собой определенную сферу познания, значит, здесь потенциально возможен прогресс (как и регресс). Любые традиционные представления в этой сфере, как и во всех прочих, помогают нам исследовать эти вопросы сегодня. Когда традиции этому препятствуют, они просто порождают невежество. Широко распространенная идея о том, что самым глубоким источником наших представлений об этике является религия, просто абсурдна. Знание о том, что два плюс два равно четыре, мы получили не из учебников по арифметике, подобно этому наше представление о том, что жестокость дурна, получили не из Библии. Если у человека нет интуитивного ощущения, что жестокость плоха, он вряд ли усвоит это из книжки — и большинство священных текстов сами об этом однозначно свидетельствуют. У наших этических представлений должны существовать предтечи в природном мире, потому что хотя в природе хватает зубов и когтей, там действуют определенные законы. Даже обезьяны готовы терпеть значительные лишения, чтобы только не причинить вреда другим членам своего вида². Заботу о других придумали отнюдь не какие-либо пророки.

Если наши этические представления укоренены в биологии, значит, наши попытки положить в основание этики религиозные представления о «нравственном долге» только сбивают нас с пути. Назвать спасение тонущего ребенка нравственным долгом столь же глупо, как назвать понимание силлогизма логическим долгом. Мы можем жить нравственно и без помощи религиозных представлений. Как только мы глубоко поймем вопросы счастья и страданий, мы увидим, что наши религиозные традиции так же мало нужны нам для ответа на этические вопросы, как и для ответа на вопросы научные.

Антропоцентризм, который внутренне присущ любой вере, выглядит до невозможности нелепым — а потому просто невозможным — на фоне наших нынешних знаний о мире. Биологические истины невозможно совместить с представлениями о Боге Творце или хотя бы с представлениями о добром Боге. Ребенок, родившийся на свет без конечностей, слепая муха, исчезающие виды — все это произведения из гончарной мастерской Матери Природы, которая мнет свою глину и выкидывает неудачные образцы. Никакой совершенный Бог не создал бы такие противоречия. И надо вспомнить о том, что если Бог создал наш мир и все, что в нем есть, значит, он создал также оспу, чуму и глистов. Если бы какой-то человек намеренно принес на землю эти вещи, он считался бы великим преступником.

Божество, которое шествовало по пустыням Ближнего Востока — и, похоже, обрекло местных жителей на кровопролитную борьбу за свое имя, которая не утихает и сегодня, — не скажет нам ничего существенного об этике. Более того, если мы будем судить Бога по его делам, мы увидим, что они просто ужасны. Об этом

¹ Кто-то может возразить, что иные поступки делают «жертвами» других людей более тонким способом. Я никогда не встречал убедительных аргументов подобного рода. Разумеется, некоторые поступки могут повлиять на счастье того, кто их совершает, но это становится вопросом этики лишь в том случае, когда речь идет о счастье других.

² См. M. D. Hamer, *Swappable Minds*, in *The Next Fifty Years*, ed. J. Brockman (New York: Vintage, 2002).

уже давно говорил Бертран Рассел: «Даже если забыть о логических неувязках, мне кажутся подозрительными этические суждения людей, которые верят во всемогущее, вездесущее и благое Божество, которое миллионы лет готовило место жизни для человека среди необитаемых галактик только для того, чтобы в результате получить Гитлера, Сталина и водородную бомбу»¹. На эти горькие слова нечего возразить. Верующие люди, когда им указывают на неспособность Бога управлять миром, обычно говорят, что мы не можем прилагать земные стандарты к Творцу вселенной. Однако это возражение не имеет силы, потому что мы видим, что этот Творец, недоступный суду людей, постоянно обуреваем человеческими страстями — ревностью, гневом, подозрительностью и вожделием. При внимательном изучении священных книг Бог Авраама покажется нам странным существом — капризным, раздражительным и жестоким, — и завет с ним отнюдь не гарантирует человеку здоровья или счастья². Если Бог действительно таков, то худшие представители людей соответствуют его образу и подобию лучше всех прочих.

Проблема оправдания всемогущего и всеведущего Бога перед лицом зла (что традиционно именуют «теодицеей») неразрешима. Люди, утверждающие, что они нашли ее решение — с помощью представления о свободе воли и других нелогичных идей, — просто водружают дурную философию поверх дурной этики³. Несомненно, придет время, когда мы должны будем признать очевидное: богословие — это просто одна из ветвей древа человеческого невежества. Или, если вам так больше нравится, — это крылатое невежество.

ЭТИКА И НАУКА О ПСИХИКЕ

Хотя это далеко не все понимают, чтобы говорить об этике, необходимо научное понимание сознания, поскольку другие существа вызывают нравственные вопросы лишь в той мере, в какой мы приписываем им сознание (хотя бы потенциальное). Большинство из нас не испытывает нравственных обязательств перед камнями — мы не стараемся обращаться с ними ласково и не следим за тем, чтобы им не причинили излишних страданий, — и это объясняется тем, что для камня имеет значение, как ему быть камнем⁴. Хотя наука о сознании еще даже и не родилась, пока нам достаточно сказать, что для понимания нравственных обязанностей перед животными (а также перед людьми с повреждениями мозга, перед плодом человека, бластоцистой и т. д.) нам нужно лучше понимать отношения между психикой и материей. Страдает ли сверчок? Я считаю, что это верно поставленный вопрос и что на него существует правильный ответ, независимо от того, сумеет ли человечество этот ответ когда-либо найти.

Здесь наши представления о психике и материи прямо влияют на наши представления о добре и зле. Следует вспомнить, что практика вивисекции обрела новую жизнь вследствие некоторых ложных шагов философии — когда Декарт, находясь в плену и у христианских доктрин, и у механистической физики, объявил, что все животные суть просто заводные часы, лишённые души и потому нечувствительные к боли⁵. Вот как один из современников описывает, к каким последствиям тотчас же привели эти идеи:

¹ B. Russell, *Why I Am Not a Christian*, ed. P. Edwards (New York: Simon and Schuster, 1957), vi.

² Это утверждение занимает центральное место в знаменитом труде Карла Густава Юнга о Книге Иова: Carl Jung, *Answer to Job*, trans. R. F. C. Hull (Princeton: Princeton Univ. Press, 1958).

³ Представление о свободной воле человека стоит как за религиозной концепцией греха, так и за нашим «правосудием воздаяния». И потому проблема свободы воли должна интересовать не одних только философов. Если нет свободы воли, грешники есть просто дурно сделанные механизмы, и любое правосудие, которое должно нести воздаяние (а не реабилитацию или просто ограничение свободы), было бы чем-то совершенно нелогичным. К счастью, мы не можем сомневаться в том, что сам человек влияет на свои поступки или на то, совершает ли он такой-то поступок или нет, у нас есть надежные основания для этики и законодательства, и для этого нам не обязательно обращаться к иллюзорным схемам.

⁴ Мы можем чувствовать нравственную обязанность сохранить некоторые камни для будущих поколений, но эта обязанность относится к другим людям, а не к самим камням. Мысль о том, что сознание существа тождественно тому, что для него «имеет значение, как быть таким-то существом», принадлежит Т. Nagel, «What Is It like to Be a Bat», in *Mortal Questions* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979).

⁵ То есть не чувствуют боли в феноменальном смысле; даже Декарт мог видеть, что животные стремятся избегать воздействия некоторых стимулов, он просто считал, что для них «имеет значение, как быть животным». В его ошибке есть доля истины: иногда нам кажется, что нечто обладает сознанием, когда оно сознанием не обладает (скажем, тест Тьюринга не позволяет ответить на вопрос, обладает ли физическая система сознанием на самом деле, но скорее позволяет отбирать системы, которые мы могли бы

Ученые утверждали, что собак следует безжалостно бить, и смеялись над теми, кто жалел этих существ, думая, что им больно. Они утверждали, что животные подобны часам и что визг, который они издадут в ответ на удары, — это просто звук задетой пружинки, но тело животных ничего не чувствует. Они прибивали несчастных животных гвоздями к доскам за четыре лапы и резали их живыми, чтобы посмотреть, как в них циркулирует кровь, и это вызывало большие споры¹.

Когнитивный шовинизм такого рода был проблемой не только для животных. Испанские первооткрыватели сомневались, обладают ли индейцы Южной Америки «душой», и это, несомненно, увеличило жестокость завоевателей Нового Мира по отношению к аборигенам. Надо признать, что достаточно трудно ответить на вопрос, перед какими видами мы имеем нравственные обязанности. На наши догадки о наличии сознания у животных влияют многие факторы, многие из которых не имеют никакого отношения к вопросу. Скажем, животных, лишенных лицевой мимики — или лиц, — мы с большей легкостью исключаем из сферы нашей нравственной заботы. Похоже, пока мы не углубим понимание взаимоотношений между мозгом и психикой, наши суждения о страданиях животных будут достаточно неверными и достаточно догматичными².

Возможно, настанет время, когда мы лучше изучим природу человеческого счастья и этического суждения на уровне мозга человека³. Как дефект цветового зрения можно объяснить генами и нарушением развития, так и некоторые иные проблемы, несомненно, связаны с плохой работой структур мозга, отвечающих за этику и эмоции. Когда мы говорим, что такой-то человек страдает «цветовой слепотой» или «ахроматопсией», сегодня это утверждение указывает на состояние отделов его мозга, занимающихся обработкой зрительной информации, однако, когда мы говорим, что этот человек «опасный социопат» или «аморальный тип», это звучит совершенно ненаучно. Данная ситуация неизбежно должна измениться. Нам надо понять, каким загадочным образом люди делают друг друга счастливыми или несчастными, и это истины этики⁴. Научное понимание связи между намерениями человека, его взаимоотношениями с другими и счастьем помогут нам гораздо глубже познать добро и зло, а также то, как нам следует поступать с безнравственными поступками других людей. У нас есть все основания предполагать, что настойчивые исследования сферы нравственности приведут к конвергенции различных систем представлений, как это

заподозрить в наличии сознания). С точки зрения бихевиоризма то, что кажется нам сознанием, является сознанием. Если в этом утверждении и содержится зерно истины, я его пока еще не нашел.

¹ Цит. по: J. M. Masson and S. McCarthy, *When Elephants Weep: The Emotional Lives of Animals* (New York: Deiacorte Press, 1995), 18.

² Этот вопрос достаточно важен. Что значит «быть шимпанзе»? Если бы мы лучше понимали переживания шимпанзе, даже самое осторожное использование этих животных в исследованиях, быть может, показалось бы нам непростительной жестокостью. Если бы мы могли побыть «в шкуре» обезьяны, быть может, мы бы уже считали безнравственным разлучать братьев и сестер между собой, не говоря уже об экспериментах на их теле, которые удовлетворяют наше любопытство. Здесь уместно снова напомнить, что речь идет о сухих фактах — независимо от того, придумаем ли мы путь их нахождения или нет. Испытывает ли свинья перед тем, как ее забивают, нечто вроде ужаса? А что, если она действительно чувствует такую боль, которую ни один порядочный человек не захочет причинять другому безгласному существу? На данный момент мы ничего об этом не знаем. Но мы знаем (или должны знать), что ответ на этот вопрос может радикальным образом изменить наши привычные действия.

³ Обзор нынешнего положения дел в изучении нравственного суждения на уровне мозга — см.: W. D. Casebeer, *Moral Cognition and its Neural Constituents*, *Nature Reviews Neuroscience* 4 (2003): 840— 46. Очевидно, что на данном этапе исследований еще рано делать какие-либо убедительные выводы.

⁴ Существует богатая литература о нравственности и этике — для меня эти слова взаимозаменяемы, — но подобно большинству авторов, которые не слишком ценят метафизику, я нахожу в них мало ценного. Что же касается этики, я думаю, сначала нам надо использовать все возможные ресурсы здравого смысла и лишь после этого мы можем обратиться к древним философам. Я мыслю отнюдь не в кантовских категориях и потому хочу отложить в сторону и Канта, и всех других философов. Конечно, опираясь на «здравый смысл» там, где обычно опираются на туманные специальные термины, я рискую услышать множество разных вопросов от читателей. Действительно, что для одного человека здравый смысл, то для другого — первородный грех. Я также описываю сферу нравственности своими словами и потому не рассматриваю многие проблемы, которые люди считают существенно важными. Я полагаю, это не столько слабая, сколько сильная сторона моего подхода, поскольку я думаю, что нам следует создать совершенно новую карту неизведанной земли нравственности. Я также отложил в сторону сложные вопросы о взаимоотношениях между нравственностью, законом и политикой. Хотя эти сферы, несомненно, пересекаются, в настоящей книге нет места для разбора их взаимного влияния друг на друга, которое вызывает массу споров.

всегда происходило в других областях науки — то есть к сближению тех, кто адекватен этой задаче¹. Тот факт, что на данный момент в сфере этики достигнуто слишком мало согласия, объясняется тем, что в нашем распоряжении пока еще слишком мало фактов (более того, мы сначала должны договориться о тех критериях, которые позволяют считать какой-то этический факт фактом вообще). Столь многие темы еще не стали предметом обсуждения, столь многие догадки не были исследованы, столь многие утверждения не были доказаны. Это объясняется тем, что здесь мы полагаемся на религиозные догмы. Большинство наших религий поддерживает исследование нравственности не более, чем поддерживает научные исследования в целом. Чтобы решить эту проблему, нам нужно создать новые правила публичного дискурса. Когда кто-либо «без уважения» относится к недоказанным представлениям о физике или истории, такого человека не критикуют. Это же правило следует прилагать к этическим, духовным и религиозным представлениям. Кристофер Хитченс в одной краткой фразе выразил самую суть того подхода, который не дал бы нам упасть в бездну: «То, что можно утверждать без доказательств, можно также и отрицать без доказательств»². Будем надеяться, что вскоре с этим согласятся миллиарды людей.

ЭТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Концепция этического сообщества позволяет разрешить многие загадки парадоксального поведения человека. Каким образом охранники нацистских концлагерей с их крематориями могли вечером, вернувшись с работы, превращаться в любящих отцов для своих детей? Ответ на этот вопрос выглядит достаточно просто: евреи, которых такой охранник мучил и убивал в течение дня, не были предметом его нравственной заботы. Они не входили в его этическое сообщество, более того, они были антитезой для этой группы. Его представления о евреях защищали его от проявления естественной человеческой симпатии, которая не позволила бы ему делать то, что он делал.

К сожалению, религия в этом больше мешала, чем помогала людям. Вера обычно не толкала человека на поиск оснований для солидарности с другими, но предлагала ему иную солидарность племенного типа на фантастической основе, что увеличивало вражду между людьми. Как мы уже видели, религия ограничивает рамки нравственного поведения, поскольку большинство верующих отделяют себя, на нравственных основаниях, ото всех тех людей, кто не исповедует их веру. Ни одна другая идеология не ставит столь четких границ между разными этическими сообществами. Как только человек принимает те предпосылки, которые лежат в основе идентичности данной религии, он естественным образом отказывается от нравственных обязательств относительно тех, кто эти предпосылки не разделяет. Надо ли говорить, что страдания людей, обреченных гореть в аду, всегда менее важны, чем страдания праведных. Если какие-то люди не могут увидеть мудрости и святости моей религии, если их сердца настолько ослеплены грехом, что мне за дело до того, если кто-то с ними плохо обращается? Их уже проклял тот Бог, который сотворил мир и все, что в нем. Их стремление к счастью обречено окончиться неудачей с самого начала.

Если же мы пытаемся найти рациональные основы для этики, перед нами встают новые проблемы. Мы уже видели, как трудно в целом очертить границы нашей нравственной ответственности. Например, мы можем сказать, что способность чувствовать боль не может служить здесь единственным критерием. Как сказал Ричард Рорти, «если бы все сводилось к боли, защита кроликов от лисиц была бы столь же важным делом, как и защита евреев от нацистов»³. Каким образом мы пришли к заключению, что нам не следует защищать кроликов? Большинство из нас считает, что кролики не способны испытывать счастье и страдание в той же мере, что и человек. Несомненно, это представление может оказаться ошибочным. И если окажется, что мы неверно понимали субъективный мир кроликов, наша этическая позиция по отношению к ним, несомненно,

¹ Конечно, здесь таится опасность «циркулярного мышления»: только тех, у кого произойдет такая конвергенция взглядов, можно назвать «адекватными». Но подобная циркулярная логика не уникальна для сферы этики и не представляет собой проблемы. Обычно мы хотим убедиться в том, что данная группа людей глубоко понимает современные теории, и лишь потом начинаем принимать их представления всерьез — но это не значит, что в нашем представлении о мире нет места для радикальных переворотов.

² С. Hitchens, *Mommie Dearest*, Slate, Oct, 20, 2003, slate.msn.com.

³ R. Rorty, *Hope in Place of Knowledge: The Pragmatics Tradition in Philosophy* (Taipei: Institute of European and American Studies, Academia Sinica, 1999), 90—91.

изменится. Примерно так же может выглядеть рациональный ответ на проблему абортов. Многие из нас считают человеческий плод в первом триместре развития чем-то похожим на кролика: мы полагаем, что он не способен в полной мере испытывать счастье и страдание, а потому не обладает полноценным статусом в нашем нравственном сообществе. В настоящее время такое мнение выглядит вполне разумным. Только дальнейшие научные исследования могут заставить нас отказаться от этого представления.

Относительно конкретных критериев для включения в наше этическое сообщество у меня нет ясных ответов — за исключением того, что мы включаем в него те существа, которым приписываем субъективность, хотя бы потенциальную. Некоторые критерии здесь могут быть неверными. Мы не вправе просто сказать, что все люди входят в это сообщество, а все животные — нет. Какими критериями мы воспользуемся, чтобы отнести кого-либо к «людям»? ДНК? Должна ли единственная человеческая клетка заботить нас больше, чем стадо слонов? Проблема заключается в том, что какими бы способами мы ни пытались провести границу между людьми и животными — используя такие критерии, как разум, использование языка, нравственные чувства и так далее, — мы все время будем проводить разграничения и между самими людьми. Допустим, мы скажем, что люди для нас важнее орангутангов, потому что первые могут выражать свои желания, — но тогда почему мы не скажем, что люди, которые умело выражают свои желания, для нас еще важнее? А что мы скажем о несчастных людях, страдающих афазией? Похоже, мы исключили их из своего этического сообщества. Стоит нам найти орангутанга, который умеет жаловаться на свою семью на Борнео, и он вполне заменит собой отдельных людей, которых мы включили в группу.

ДЕМОН РЕЛЯТИВИЗМА

В главе 2 мы говорили о том, что наши представления могут действовать по законам логики лишь в том случае, если мы считаем, что они верно отражают картину мира — без этого они просто не будут представлениями. Это значит, что одни системы представлений отражают мир лучше, чем другие, то есть первые могут объяснить больше фактов и позволяют точнее предсказывать события в будущем. Тем не менее, некоторые интеллектуалы считают, что Запад на протяжении прошлого столетия пришел к тому, что все представления более или менее равнозначны одно другому. Ничьи представления о мире нельзя назвать правильными, они просто всегда отражают мнение группы, которая их разделяет. Нельзя сказать, что террорист-смертник неправ в абсолютном смысле, таковым его поведение кажется с точки зрения западной культуры. Если вспомнить об идеях Томаса Куна, можно прийти к выводу, что мы на самом деле не знаем, каков мир, поскольку каждое новое поколение ученых открывает иные законы природы, которые лучше соответствуют их вкусам. Мнения такого рода принято называть «релятивизмом», и на них ссылаются как на оправдание такой позиции, когда человек воздерживается от серьезной критики представлений других людей. Но большинство форм релятивизма — включая моральный релятивизм, который, похоже, особенно широко распространен, — это полная бессмыслица, к тому же несущая в себе опасность. Кто-то может думать: вопрос о том, действительно ли нацисты неправы в нравственном смысле или нам просто не нравится их стиль жизни, не слишком важен. Однако, по моему мнению, мысль о том, что одни представления действительно лучше, чем другие, требует поиска иных интеллектуальных и нравственных ресурсов. И эти ресурсы нам крайне нужны, чтобы сопротивляться господству невежества и обособленности отдельных групп в нашем мире и в итоге изменить положение вещей.

Нетрудно найти ключевую ошибку релятивизма, поскольку сами релятивисты противоречат своему главному тезису в тот самый момент, как его отстаивают. Рассмотрим для примера моральный релятивизм. Как правило, его сторонники считают, что все культуры достойны уважения, что варварские практики, существующие и сегодня в разных частях мира, нельзя судить по стандартам Запада и что людей прошлого нельзя судить по стандартам настоящего. Однако за этим подходом к нравственности кроется одна предпосылка, которая имеет не относительный, но абсолютный характер. Большинство нравственных релятивистов верит в то, что терпимое отношение к иным культурам лучше — в каком-то важном смысле, — чем фанатическая верность своей культуре. Это мнение может быть совершенно разумным, но оно опирается на всеобъемлющее представление о том, как должны жить люди. Таким образом, моральный релятивизм, когда он служит основанием для терпимого отношения к иному, заключает в себе внутреннее противоречие.

Существует и более утонченная версия релятивизма, с которой справиться сложнее. Обычно ее называют «прагматизмом», и ее самым ярким защитником, несомненно, следует признать Ричарда Рорти¹. Хотя Рорти носит не американскую фамилию, его труды оказали большое влияние на наши дискуссии и под их сенью укрываются многие приверженцы релятивизма. Если мы надеемся когда-либо достичь глобального консенсуса по вопросам этики — когда, скажем, большинство людей признает, что побивать женщину камнями за прелюбодеяние действительно неправильно в абсолютном смысле слова, — нам нужно найти убедительные аргументы против прагматизма. И тогда мы сможем выносить суждения, пересекая барьеры культур, о разумности различных систем представлений и о добре и зле. Прагматизм основан на идее о том, что, как бы мы ни старались, мы не сможем оценить стоимость валюты наших идей с помощью золотого стандарта реальности. Называя какое-либо утверждение «истинным», мы просто говорим, что оно хорошо работает в какой-то сфере дискурса, но ничего не говорим о его отношениях со вселенной в целом. С точки зрения прагматизма сама мысль о том, что наши представления могут «соответствовать реальности», абсурдна. Представления — это просто инструменты, которые позволяют нам прокладывать свой путь в мире. Соответствует ли молоток реальности? Нет. Мы можем только сказать, что он полезен при выполнении определенных задач. Так же, по словам релятивистов, обстоят дела с биологией, историей и прочими предметами. С точки зрения прагматизма полезность того или иного представления стоит превыше всего, она даже важнее заботы о целостности и непротиворечивости². Если буквальное понимание Библии помогает тебе лучше жить по воскресеньям, а агностицизм относительно существования Бога по понедельникам, нет нужды беспокоиться о противоречиях между тем и другим в рамках твоего мировоззрения. Это вовсе не противоречия, а просто разные типы разговоров, каждый из которых соответствует определенной ситуации.

Если все это кажется отвлеченной теорией, стоит вспомнить о том, что Саид Кутб, любимый философ Усамы бен Ладена, утверждал, что прагматизм принесет гибель американской цивилизации. Он считал, что этот подход (если воспользоваться выражением Бермана) «лишит Америку способности обороняться от врагов»³. Возможно, в таком выводе есть доля истины. В момент столкновения цивилизаций прагматизм не кажется слишком прагматичным. Когда ты не веришь в то, что можешь быть прав — в чем бы то ни было, — наступает хаос последних дней, о котором говорил Йейтс, когда «лучшие теряют все свои убеждения, а наихудшие полны страстной силы». Я подозреваю, что релятивизм и прагматизм уже сделали слишком расплывчатыми наши мысли о таких вещах, которые, среди прочего, имеют прямое отношение к выживанию цивилизации.

С философской точки зрения прагматизм прямо противоположен реализму. Реалист считает наши утверждения о мире «истинными» или «ложными» независимо от того, как они функционируют в хаотичном мире наших представлений, или от критериев определенной культуры, но просто в силу того, что реальность устроена определенным образом, что бы мы о ней ни думали⁴. Реалисты считают, что

¹ Отцом прагматизма принято считать Уильяма Джемса. Остается открытым вопрос о том, развивал ли он философию Чарлза Сандерса Пирса или полностью ее разрушил, — можно найти убедительные аргументы за обе точки зрения в трудах самого Джемса в зависимости от того, в каком настроении он писал. Несомненно, этот великий человек сам постоянно противоречил себе. Вот что сказал о его репутации Джордж Сантаяна: «В Америке принято, выразив восхищение гением Джемса, проходить мимо, и это оправдано: мы восхищаемся тем, как он начал, и не очень интересуемся тем, куда он пришел» (George Santayana, *Persons and Places* [Cambridge: MIT Press, 1963], 401). Что же касается прагматизма, то я в первую очередь обращался к трудам Ричарда Рорти, который описывает эту философскую позицию крайне ясно и последовательно — к радости и своих единомышленников, и своих критиков.

² Принцип полезности, которая важнее истины, легко выставить в виде карикатуры и неверно понять — что и происходило с тех самых пор, как Уильям Джемс впервые сформулировал принципы прагматизма на лекции перед членами Философского объединения Калифорнийского университета в 1898 году. Несмотря на насмешки Бертрانا Рассела в его «Истории западной философии», где упрямый прагматист нашел полезным думать, что каждого мужчину, попавшего в его поле зрения, зовут Эбенизером Уайлксом Смитом, прагматизм не абсурдная выдумка ума, выдающего желаемое за действительное. В своих утонченных формах он отражает разные грани здравого смысла. Углубляясь в этот подход, мы можем в течение одного часа пройти все стадии принятия успешной теории, описанные Джемсом: сначала она кажется нелепостью, затем банальной истиной, а в конце — чем-то столь важным, что хочется сказать: «Я всегда это знал».

³ P. Berman, *Terror and Liberalism* (New York: W. W. Norton, 2003), 171.

⁴ Следует заметить, что реализм — это эпистемологическая позиция, а не онтологическая. Непонимание этого постоянно вызывает путаницу в умах философов. Например, часто слышишь утверждения, что реализм противоположен различным формам идеализма и субъективизма, а также некоторым теориям физики (скажем, квантовой механике в понимании Бора), которые отводят субъекту важную роль в материальном мире. Но если луна не существует, пока кто-нибудь на нее не поглядит, это утверждение все

существуют истины об устройстве мира, которые мы, быть может, неспособны узнать, что есть факты, которые не зависят от того, замечаем мы их или нет. Быть этическим реалистом означает верить, что в этике, как и в физике, существуют истины, которые следует открывать, — и что наши представления об этих истинах могут быть верными и неверными¹.

Прагматисты, подобные Рорти, утверждают, что реализм несостоятелен по той причине, что мы лишены возможности сравнить наше описание реальности с неописанной реальностью. Как говорит Юрген Хабермас, «поскольку истинность данного представления или утверждения можно проверить лишь с помощью других представлений и утверждений, мы не можем вырваться на свободу из заколдованного круга нашей речи»². Это остроумный тезис. Но справедлив ли он? Тот факт, что речь играет роль посредника для представления и передачи наших знаний, ничего не говорит о возможности или невозможности непосредственного познания. Тот факт, что ни один опыт, когда о нем говорят, не может существовать без посредничества речи (это тавтология), не означает, что всякое познание — и потому всякое знание — сводится к интерпретации. Если бы мы могли познать какой-либо аспект реальности в совершенстве — скажем, если правы мистики, которые думали, что познали трансцендентные истины, — тогда прагматизм был бы совершенно, с реалистичной точки зрения, неверен. Проблема прагматизма заключается не в том, что слова этих мистиков могут быть верными. Его проблема в том, что верны или неверны слова мистиков, они должны быть верны или неверны с реалистичной точки зрения. Прагматизм, оспаривая идею о возможности непосредственного познания, косвенно противопоставляет ей реалистичное утверждение об ограниченности наших познавательных способностей. Прагматизм есть реалистичное отрицание возможности реализма. Тем самым прагматизм, подобно релятивизму, здесь же сам начинает себе противоречить. Развернутую аргументацию по этому вопросу я вынес в пространное примечание, чтобы не мучить обычного читателя скучными рассуждениями³.

Релятивисты и прагматисты верят, что истина — это просто продукт консенсуса. Тем не менее, очевидно, что хотя консенсус между людьми со сходным мышлением может оказаться окончательным арбитром истины, он не может создавать истину. Нам понятно, что люди могут с чем-то соглашаться, но при этом неверно понимать мир. Нам также понятно, что иногда бывает прав один человек, с которым никто не соглашается. С точки зрения реализма возможна ситуация (хотя и не слишком вероятна), когда один человек или определенная культура обладают монополией на истину.

Таким образом, мы вправе думать, что наши представления о мире могут соответствовать в большей или меньшей степени тому, каков мир есть, — даже если мы никогда не сможем убедиться в правильности наших представлений. Если же мы в принципе способны открыть истины о том, как сделать членов нашего биологического вида как можно более счастливыми, значит, существуют некоторые истины из сферы этики. Сказать, что мы никогда не достигнем согласия о любом этическом вопросе, — все равно, что сказать, что невозможно достичь согласия по каждому вопросу физики. Мы не знаем, куда нас приведут наши исследования, но это не означает, что за ними не стоят реальные факты или что одни ответы на этические

равно остается истиной (которая не зависит от того, знает ли кто-нибудь, как устроен мир, или нет). Утверждение о том, что реальность имеет определенный характер, не означает, что этот характер должен быть нам понятен или что он не может быть крайне переменчивым — или даже что сознание и мысль не могут играть важной роли в его определении. Если реальность меняет свой цвет каждый раз, когда физик моргает, это все равно будет реалистичной истиной.

¹ Существует наивная версия реализма, у которой сегодня немного защитников. Это представление о мире, которое мы наследуем вместе с десятью пальцами на руках и десятью на ногах и которое надежно защищено от философских сомнений. Для такого реализма мир более или менее соответствует идеям здравого смысла: столы и стулья действительно существуют в трехмерном физическом пространстве, трава зеленая, небо голубое, все состоит из атомов, а каждый атом — из мельчайших частиц. Наши чувства и их «расширение» — в виде телескопов, микроскопов и т. д. — просто передают нам факты о том мире, каков он есть. Такой реализм, несомненно, помогает нам ориентироваться в этом мире, однако современные научные и философские теории на него не опираются. И ни одна из форм философского реализма сегодня не развивает эту версию реализма.

² J. Habermas, *On the Pragmatics of Communication*, ed. M. Cooke (Cambridge: MIT Press, 1998), 357.

³ Чтобы представить себе главные черты модели познания в прагматизме, стоит рассмотреть одну работу Дональда Дэвидсона (Donald Davidson). Это влиятельный философ, на мысли которого о мышлении и смысле сегодня, похоже, опираются сторонники прагматизма Рорти. В своем неизданном труде «The Myth of the Subjective» Дэвидсон утверждает, что любое представление о мире, вместе с его концепциями и претензией на истинность, должно переводиться на язык любого другого представления:

вопросы не лучше, чем другие. Уважение к многообразию представлений о нравственности в лучшем случае обрекает нас на интеллектуальную скромность до того момента, пока мы не узнаем больше фактов.

НУЖНА ЛИ РАЗУМУ ИНТУИЦИЯ

В обсуждениях теории нравственности все время упоминается «нравственная интуиция», причем одни мыслители ее превозносят, а другие относятся к ней презрительно. Последнее объясняется тем, что термин «интуиция» всегда казался неадекватным в философских и научных дискуссиях. Его постоянно использовали в выражениях вроде «женская интуиция» (то есть парапсихологические способности) и подобных, где интуицию противопоставляли разуму, так что это слово стало отождествляться со всеми темными и иррациональными вещами, которым нет места в университетах. Единственным исключением из правила оставались математики, которые без малейшего стеснения говорили об интуиции — подобно путешественникам, посещающим экзотические места в третьем мире, которые за завтраком могут откровенно обсуждать состояние своего толстого кишечника. Но мы все знаем, что и математики путешествуют по экзотическим местам. Стоит также заметить, что многие из них не стесняются называть себя платониками, и при этом у них не возникает потребности посоветоваться об этой проблеме с опытным философом или экзорцистом.

Несмотря на свою репутацию, «интуиция» — это термин, без которого мы не можем обходиться, потому что это важнейшая составляющая нашей способности познавать мир. Это относится не только к этике, но и к науке. Когда мы стоим на границе познания и не можем сделать ни шагу дальше, нам остается совершить следующий прыжок с помощью интуиции. И поэтому противопоставлять интуицию разуму неверно: разум сам пропитан интуицией, поскольку многие суждения, которые кажутся «разумными» или «логичными», на самом деле стоят на интуиции. Иногда ученые и философы называют то или иное явление «грубым фактом» — чем-то таким, что не подлежит никакой редукции. Скажем, ни один ученый в мире не будет размышлять о том, почему у любого физического феномена должны быть какие-то причины. Это просто данность. Требовать объяснения этого основополагающего факта — все равно, что спрашивать, откуда мы знаем, что два плюс два равно четыре. Ученые признают правомерность таких «грубых фактов» — и не могут этого не делать.

И это, как я полагаю, достаточно очевидно: мы не можем выйти из мрака, если не сделаем первого шага. И разум должен загадочным образом понять эту аксиому, если он вообще хочет что-либо понять. Таким образом, слово «интуиция» не должно нас смущать при исследовании нравственной сферы, как оно не должно смущать физика. Все мы здесь идем одним и тем же путем.

Верно и другое: интуиция часто нас подводит. В самом деле, многие выводы разума вовсе не кажутся разумными с первого взгляда. Если нас спросят, какой толщины будет газетный лист, если его складывать вдвое сто раз подряд, большинство из нас ответит, что примерно в размер кирпича. Однако математика даст ответ, что он будет по толщине примерно равен известной нам вселенной. Главное, чему мы научились за последние две тысячи лет, — это не всегда считать разумным именно то, что нам кажется разумным.

Или представим себе необъятное море интуитивных представлений, которые можно кратко описать такой фразой: «Подобное порождает подобное», — куда входит, например, симпатическая магия и масса явно неразумных вещей. Стоит ли верить, как верит, похоже, множество китайцев, что вино из костей тигров увеличивает мужскую силу? Нет, не стоит. Может ли это представление стать разумным? Может. Для этого достаточно провести должным образом организованное контролируемое исследование корреляции между применением костей тигра и потенцией. Ожидает ли разумный человек, что такая корреляция будет выявлена? Скорее — нет. Но если ее найдут, разум должен будет поменять свою прежнюю позицию, отказавшись от мысли, что китайцы истребляют удивительный вид животных совершенно напрасно.

Но обратим внимание на то, что, критикуя интуитивные магические представления, мы неизбежно ссылаемся на интуитивные представления рационального мышления. «Контролируемое исследование»? «Корреляция»? Почему эти вещи должны нас убеждать? Разве не «очевидно», что, если мы не исключим

другие возможные причины увеличения потенции: эффект плацебо, иллюзии, факторы среды, различные состояния здоровья разных групп испытуемых и т. д. — мы не сможем прийти к выводу о влиянии костей тигра на состояние тела человека? Да, это совершенно очевидно. Но почему? Мы снова коснулись ногой самой основы вещей. Как говорил Витгенштейн, «наши пики биты».

Тот факт, что, отвечая на этические вопросы, мы должны полагаться на интуитивные представления, не означает, что этические истины расплывчаты, двусмысленны или определяются культурой. Как и в любой другой сфере знаний, в этике есть пространство для разумных споров о правильном и неправильном, но у этого пространства существуют границы. Люди, которые верят, что земля плоская, вышли за рамки географии; те, кто отрицает факт холокоста, вышли за рамки истории; те, кто верит, что Бог сотворил вселенную в 4004 году до н. э., вышли за рамки космологии; и мы увидим, что те, кто придерживается варварских обычаев вроде убийства за честь семьи, вышли за рамки этики.

ЭТИКА, ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И КОРЫСТНЫЙ ИНТЕРЕС

Хотя наши нравственные проблемы прямо связаны с представлением о том, что другие могут испытывать счастье и боль, этика не сводится к знанию о том, что ты не один живешь в этом мире. Чтобы этика что-то значила для нас, нужно, чтобы для нас что-то значили счастье и страдание других. И эти вещи для нас действительно важны, но почему?

Похоже, жесткий редукционизм не слишком поможет нам разобраться в этических вопросах. Разумеется, то же самое можно сказать и о других феноменах высшего порядка. Экономическое поведение, разумеется, вытекает из «поведения» атомов, но вряд ли изучение элементарных частиц поможет нам лучше понять экономику. Теория игр или эволюционная биология, например, отчасти помогают нам лучше понять корни того, что в научной литературе называют «альтруистическим поведением», но нам не стоит слишком полагаться на эти теории. Исследования, которые показывают, что сама природа занималась отбором наших интуитивных этических представлений, ценны для нас лишь потому, что они опровергают широко распространенную ложь о том, что эти представления породила религия. Но природа отобрала множество таких вещей, которые нам бы хотелось навсегда оставить где-нибудь в джунглях Африки. Так, практика изнасилования некогда, вероятно, давала преимущества некоторым видам животных — и насильники всех форм и размеров встречаются в естественном мире (дельфины, орангутанги, шимпанзе и т. д.). Должны ли мы в силу этого позитивнее относиться к изнасилованию в человеческом обществе? Даже если нам придется признать, что какое-то количество изнасилований в мире неизбежно, потому что некоторые люди их склонны совершать, это не отличается от утверждения о том, что какое-то количество заболеваний раком неизбежно. Мы все равно будем стремиться лечить рак.

Если мы называем какое-то явление «естественным» или говорим, что оно способствовало адаптации некоторых видов, это вовсе не значит, что оно «хорошее» — то есть не значит, что оно в настоящее время увеличивает счастье людей¹. Конечно, здесь можно спорить о критериях счастья и о том, какие формы счастья должны вытеснять другие, и это непростые вопросы — но таковы практически все проблемы, достойные обдумывания. Нам достаточно понять, что счастье и страдание чувствующих существ (включая нас самих) нас беспокоит и что сфера этого беспокойства есть сфера этики, и тогда мы поймем, что «естественные» явления человеческой природы не всегда «хороши». Разговоры о генетике и естественном отборе не ведут нас дальше, поскольку природа просто готовила нас к размножению. С точки зрения эволюции для человека главное оставить после себя как можно больше детей. Как говорит Стивен Пинкер, если бы мы оценивали свою жизнь с точки зрения генетики, «мужчины бы выстроились в очередь сдавать

¹ Такие вещи часто неудачно называют «ошибкой натурализма». По словам Дж. Э. Мура (G. E. Moore), настоящая ошибка натурализма имеет иной характер. Мур говорил, что наши суждения о благом нельзя свести к другим качествам, таким, как счастье. Он бы, несомненно, обвинил меня в ошибке натурализма из-за того, что я кладу счастье в основу определения этики. Мур опирался на свой «аргумент открытого вопроса»: похоже, при любом состоянии счастья мы вправе задать вопрос: «Хороша ли сама по себе данная форма счастья?» Поскольку этот вопрос всегда продолжает обладать смыслом, это значит, что счастье нельзя отождествить с добром. Я бы на это возразил, что на самом деле при этом мы задаем несколько иной вопрос: «Способствует ли (препятствует ли) эта форма счастья высшему счастью?» Этот вопрос также логичен, и он позволяет связать представления о благом с опытом существ, наделенных даром чувств.

свою сперму в специальные хранилища, а женщины умоляли бы, чтобы их зрелые яйцеклетки передали бездетным парам¹. В конце концов, если думать о моем наборе генов, что может меня порадовать больше сознания того, что я стал отцом тысячи детей, за которых не несу никакой финансовой ответственности? Однако большинство из нас не ищет счастья на таком пути.

И большинство из нас не законченные эгоисты — в узком смысле слова. Наш эгоизм распространяется на тех, с кем мы себя нравственно отождествляем: на друзей и членов семьи, на сотрудников и товарищей и — если мы стремимся к расширению — на людей и животных в целом. Джонатан Гловер говорил об этом так: «Наше участие в жизни близких людей несовместимо с банальным эгоизмом. Мужья, жены, возлюбленные, дети и друзья — все они размывают границы наших корыстных интересов. Фрэнсис Бэкон справедливо говорил, что люди с детьми «стали заложниками фортуны». Несомненно, дружба и любовь также делают нас заложниками... Это расшатывает наши узкие корыстные интересы»².

Нравственное отношение к другим — это забота об их счастье и сочувствие их страданиям. Это означает, по словам Канта, что мы относимся к другим как к самостоятельной ценности, а не как к средству для достижения какой-либо еще цели. Здесь сходятся в одной точке многие нравственные предписания — категорический императив Канта, золотое правило Иисуса, — но суть дела сводится к следующему: мы испытываем счастье и страдание; мы встречаемся с другими в мире и понимаем, что они также испытывают счастье и страдание; вскоре мы понимаем, что «любовь» — это в первую очередь желание, чтобы другие испытывали счастье, а не страдание; и наконец, многие из нас начинают видеть, что любовь в большей мере способствует счастью — нашему и других людей, — чем ненависть. Это связывает нас с другими людьми чем-то вроде обратной связи: мы хотим быть счастливыми; социальное чувство любви — один из величайших источников счастья; а любовь требует, чтобы мы заботились о счастье других. Мы открываем, что можем быть эгоистами вместе.

Это просто схема, но она показывает, что этика тесно связана с положительными эмоциями. Тот факт, что мы желаем счастья тем, кого любим, и что сама любовь, в свою очередь, делает нас счастливыми, — это просто эмпирическое наблюдение. Но на таких наблюдениях строится рождающаяся наука. А что мы можем сказать о людях, которые не любят других и не видят в этом смысла, но говорят, что они вполне счастливы? Существуют ли подобные люди вообще? Возможно, да. Это опрокидывает наши представления о реалистичной этике? Не в большей мере, чем неспособность понять теорию относительности опрокидывает представления современной физической науки. Некоторые люди не в состоянии понять, как течение времени может зависеть от системы отсчета. Это мешает им участвовать в обсуждении серьезных проблем физики. В таком же отношении к этике стоят люди, которые не видят связи между любовью и счастьем. Различие мнений здесь не создает проблемы для этического реализма.

Возьмем практику убийства за честь семьи, которая до сих пор встречается в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Мы живем в мире, где женщин и девушек постоянно убивают из-за того, что их поведение навлекает на семью бесчестие — иногда за то, что женщина просто поговорила с чужим мужчиной без разрешения или стала жертвой изнасилования. В западных СМИ при этом говорят о «племенных» обычаях, хотя почти всегда подобные вещи происходят именно в мусульманской среде. Но неважно, назовем мы те представления, что порождают подобные убийства, «племенными» или «религиозными», важно, что эту практику порождают представления мужчин о стыде и чести, о роли женщины и о женской сексуальности.

В частности, благодаря этим представлениям сексуальное насилие становится орудием войны. Разумеется, у бойцов могут существовать и более примитивные и не столь продуманные мотивы насилловать женщин в массовом порядке, но нельзя отрицать того, что именно мужские представления о «чести» сделали это великим инструментом психологического и культурного угнетения. Изнасилование позволяет изнутри разрушать запреты сообщества. Вспомним о боснийских женщинах, которые постоянно подвергались

¹ S. Pinker, *The Blank Slate* (New York: Viking, 2002), 53-54.

² J. Glover, *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999), 24.

изнасилчанию со стороны сербов. Конечно, можно подумать, что здесь все просто: раз боснийских мужчин могли убивать, женщин могли насиловать. Но подобные нарушения нравственных границ были бы невозможны, если бы они не опирались на недоказанные представления — в данном случае на представления о врожденной греховности женщин, о важности девства до вступления в брак и о том, что изнасилование покрывает его жертву бесчестьем. Надо ли говорить, что такое отсутствие сострадания уже давно возвращалось на христианском Западе. Так, Августин, размышляя о нравственном состоянии дев, изнасилованных готами, писал, что, быть может, они «слишком кичились своей чистотой, воздержанием и целомудрием». Может быть, у них были «невидимые пороки, которые породили бы в них гордыню и высокомерие, если бы их не подвергли такому унижению»¹. Иными словами, они этого заслужили².

Из-за своих представлений о «честь» отчаявшийся отец вынужден убить свою дочь, узнав, что ее изнасиловали. Подобное «сострадание» к жертве изнасилования может проявить ее родной брат. Подобные убийства не являются чем-то неслыханным в таких местах, как Иордания, Египет, Ливан, Пакистан, Ирак, сектор Газа и Западный берег³. В этих частях мира девушка любого возраста, если она стала жертвой изнасилования, покрывает позором всю свою семью. К счастью, этот семейный позор несложно смыть ее кровью. Последующие события осуществляются с помощью бесхитростной техники, поскольку ни в одной из этих стран не предусмотрены летальные инъекции за преступления, навлекающие бесчестье на семью. Девушке перерезают горло, или ее обливают бензином и поджигают, или ее убивают выстрелом. Преступник всегда отделяется недолгим сроком тюремного заключения, если дело доходит до суда вообще. Многие из них соседи чувствуют как героев.

Как мы должны расценивать подобные вещи? Можем ли мы сказать, что ближневосточные мужчины, одержимые идеей сексуальной чистоты женщин, на самом деле любят своих жен, дочерей и сестер меньше, чем американские или европейские мужчины? Конечно, можем. И самое странное в нашем общественном дискурсе то, что такое заявление не просто вызовет возражения, но во многих ситуациях его даже невозможно произнести.

Но где доказательство того, что эти люди любят меньше, чем другие? А какие бы нам понадобились доказательства, если бы подобное произошло в нашей стране? Где доказательство того, что убийца Кеннеди на самом деле его не любил? Мы найдем все нужные доказательства в наших библиотеках. Мы знаем, какой смысл имеет слово «любовь» в наших разговорах. Мы все испытывали любовь, страдали от недостатка любви, а иногда переживали нечто противоположное ей. Что бы мы ни думали об их идее «честь», мы можем вынести свое суждение о таких убийствах — и понимаем, что этим они отнюдь не выражают свою любовь к женщинам из своих семей. Разумеется, убийства «в защиту честь» — это лишь один узор в ужасном калейдоскопе дикого мужского воображения, а там есть и многое другое: убийства из-за приданого и сжигание невест, убийство младенцев-девочек, лица, изуродованные кислотой, операции на женских гениталиях, сексуальное рабство — подобные удовольствия поджидают несчастных женщин во многих частях мира. Нельзя сомневаться в том, что некоторые представления несовместимы с любовью, и среди них — идея «честь».

Что такое любовь? Мало кто из нас полезет в словарь, чтобы искать здесь ответ. Мы знаем, что хотим сделать счастливыми тех, кого любим. Мы сочувствуем их страданиям. И когда любовь в нас действительна — когда мы действительно ее чувствуем, а не просто мечтаем, — мы хотим разделить с любимыми и радость, и тревоги. Любовь заставляет нас, хотя бы в какой-то мере, забыть о самих себе — и, несомненно, именно

¹ Цит. по: O. Friedrich, *The End of the World: A History* (New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1982), 61.

² Христианское вероучение превратило сексуальный невроз в принцип культурного угнетения. Этот тезис нет нужды доказывать. Может быть, самыми шокирующими разоблачениями последних лет (на фоне тысяч раскрытых случаев педофилии среди священников США) были истории монахинь, которые руководили детскими домами в Ирландии в 1950-х и 1960-х годах. Одна из групп монахинь, по иронии судьбы носившая название Сестры милосердия, начинала мучить детей уже с возраста в одиннадцать месяцев (применяя бичевание, ошпаривание и невообразимую психологическую жестокость) за «грехи их родителей» (то есть за то, что эти дети — незаконнорожденные). Из-за древних представлений о женской сексуальности, первородном грехе, девственном рождении и т. д. таких детей тысячами отбирали у невенчаных матерей и отдавали на усыновление в другие страны.

³ Сведения о подобных убийствах постоянно поступают к нам из мусульманских стран. В качестве свежего примера см.: N. Baner-jee, *Rape (and Silence about It) Haunts Baghdad*, *New York Times*, July 16, 2003. На веб-сайте ЮНИСЕФ приводится такая статистика:

поэтому такое состояние доставляет нам столько удовольствия. Большинство из нас понимает, что перерезать горло девушке-подростку, которую изнасиловали, — это не самое удачное выражение любви.

Тут многие антропологи захотят напомнить нам о культурном контексте. Те убийцы не являются убийцами в обычном смысле слова. Это обычные и даже любящие мужчины, которые послушно следуют своим племенным обычаям. Если следовать подобной логике, разумно было бы сделать вывод, что любое поведение может совмещаться с любым состоянием психики. Быть может, есть культура, в которой ты в знак «любви» должен содрать кожу со своего новорожденного первенца. Тем не менее, это поведение просто несовместимо с тем, что мы понимаем под любовью — разве что в том обществе все люди мечтают, чтобы с них содрали кожу живьем. Золотое правило здесь действительно суммирует многие наши интуитивные представления. Мы обращаемся с теми, кого любим, примерно так же, как хотим, чтобы обращались с нами. Мужчины, совершающие убийства «чести», кажется, обычно не просят облить их бензином или изувечить.

Любая культура, которая учит мужчин и мальчиков убивать несчастных девушек, а не утешать их, неизбежно тормозит рост любви. Разумеется, в таких обществах людям забывают передать и другие важные навыки — скажем, умение читать. Неграмотность не есть альтернативный стиль грамотности, а неумение заботиться о другом не есть иной стиль нравственности. Это отсутствие нравственности.

Как можно помочь людям расширить сферу своих нравственных симпатий за пределы узкого круга близких? Как помочь им стать просто людьми, свободными от национальных, этнических и религиозных компонентов идентичности? Здесь нужен разум. По самой своей природе разум склонен смешивать горизонты познания и нравственности. Разум есть не что иное, как опекун любви.

НРАВСТВЕННОСТЬ И СЧАСТЬЕ

Похоже, между нравственностью и счастьем существует прямая связь, хотя для того, чтобы быть счастливым, недостаточно быть нравственным. У нас нет оснований думать, что человек, который никогда не лжет, не мошенничает и не крадет, непременно будет счастливее того, кто все это постоянно совершает. И все мы знаем, что самый сострадательный человек может быть глубоко несчастным, а многим жестоким людям как будто постоянно везет. Если рождается ребенок без функционирующей копии гена, ответственного за продукцию фермента гипоксантингуанинфосфорибозилтрансферазы, он будет страдать от ряда нарушений, которые называют синдромом Леша-Нихана. Он может причинять себе повреждения, что, вероятно, объясняется накоплением мочевой кислоты в его тканях. Если не ограничивать движений такого ребенка, он может кусать себе губы и пальцы или даже колоть свои глаза острыми предметами. Трудно понять, как обучение нравственности связано со счастьем такого человека. Такому ребенку нужны не лучшие моральные наставления и даже не более глубокая любовь родителей. Ему нужна гипоксантингуанинфосфорибозилтрансфераза.

Не отрицая того, что счастье складывается из многих компонентов — включая хорошие гены, достаточно надежную нервную систему и т. д., — мы можем предположить, что на каком бы уровне счастья ни находился человек, ему станет в целом лучше, если он будет испытывать больше любви и сострадания, а потому станет более нравственным. Это утверждение основано на эмпирических фактах, которые на протяжении тысячелетий изучали люди, занимавшиеся созерцанием, особенно в рамках традиции буддизма. Мы можем спросить: а не приведет ли безграничный рост любви и сострадания к снижению чувства благополучия, поскольку в такой ситуации человек может ощущать страдания других людей, как свои собственные? Только люди, которые культивировали эти состояния психики с невероятным упорством, могли бы дать ответ на такой вопрос, но в целом у нас нет причин сомневаться в том, что любовь и сострадание хороши и что они глубже связывают нас с другими людьми¹.

¹ В буддистской традиции, где подобные состояния культивируются наиболее систематичным образом, человек наряду с любовью и состраданием возвращает в себе невозмутимость и сочувственную радость (радость о счастье другого). Принято думать, что эти состояния должны взаимно уравновешивать одно другое.

Из всего этого следует, что человек может культивировать в себе любовь и сострадание по чисто эгоистическим соображениям. Это парадокс, поскольку эти качества по определению делают человека менее эгоистичным. Они также толкают на такие поступки, которые увеличивают счастье других. Эти состояния психики не сводятся к хорошему самочувствию, они строят такие социальные взаимоотношения, которые помогают людям чувствовать себя хорошо вместе с другими, что, в свою очередь, улучшает самочувствие каждого. Ненависть, зависть, вражда, презрение, стыд — эти вещи не ведут к счастью ни на личном, ни на социальном уровне. Любовь и сострадание к нему ведут. Как и в случае многих других вещей, которые мы знаем о самих себе, нет необходимости проверять подобные утверждения с помощью контролируемого исследования. Мы можем найти эволюционное объяснение тому, почему позитивные социальные эмоции вызывают у нас хорошее самочувствие, а негативные — плохое, но это нам ничего не даст. Для нас важно, что стремление принимать во внимание счастье других — то есть стремление жить нравственно — это рациональный путь к достижению своего собственного счастья. Как мы увидим в следующей главе, эта связь тем прочнее, чем более возвышенным становится наше счастье. Связь между духовностью — непосредственной культивацией счастья через усовершенствование своей способности внимания — и этикой достаточно очевидна. Некоторые установки и формы поведения способствуют созерцательному состоянию, тогда как другие — нет. Но это не такое утверждение, в которое следует только верить. Скорее это гипотеза, которую можно исследовать в лаборатории собственной жизни¹.

ЛАЗЕЙКА ДЛЯ ТОРКВЕМАДЫ?

Если мы смотрим на этику с точки зрения счастья и страдания, мы оказываемся на неизведанной территории. Рассмотрим, например, вопрос о пытках в процессе судебного разбирательства. На первый взгляд, это однозначное зло. Однако, впервые на нашей памяти, разумные люди в США публично заговорили о применении таких пыток. Интерес к данной теме пробудило интервью Элана Дершовица, ранее ревностного защитника прав людей, вина которых перед законом еще не доказана, в передаче «60 минут» на телеканале CBS². Перед миллионами зрителей, которые должны были думать, что такие пытки невозможно оправдать, Дершовиц представил свой пример бомбы с часовым механизмом.

Представим себе, что известный террорист оставил бомбу с заведенным часовым механизмом в центре города. Вам удалось его арестовать. Но он не говорит, где находится бомба, а лишь сообщает, что от ее взрыва погибнет множество людей. Учитывая все это — и особенно то, что трагедию пока еще можно предотвратить, — не смахнем ли мы пыль с пресловутой дыбы и не вернемся ли к забытой практике пыток?

Эта ситуация, по словам Дершовица, способна пробудить в каждом из нас великого инквизитора. Если же образ бомбы с часовым механизмом вас не трогает, представьте себе другую картину: ваша семилетняя дочь задыхается, лишенная воздуха, на складе в пяти минутах ходьбы, а вы арестовали человека, который знает, как ее найти и освободить. Если этого недостаточно, представьте себе, что какой-то гений зла по недосмотру правительства способен убить всех маленьких девочек на территории в тысячи километров — и этот монстр сидит перед вами в наручниках. Нежелание давать показания в этих случаях приводит к таким ужасающим последствиям, а виновность и злонамеренность арестанта столь очевидны, что даже самый отъявленный этический релятивист способен забыть о своих догмах.

¹ Не стоит сомневаться в том, что разные люди в разной мере одарены этическим мышлением. В частности, не все люди замечают связь между своими установками относительно других и своим собственным счастьем. Хотя идея об иерархии нравственного знания выглядит недемократично, мы знаем, что знания распределены в мире неравномерно. Это не значит, что человеку надо усвоить множество фактов, чтобы стать нравственным. Этика скорее похожа на игру в шахматы, чем на медицину — здесь не столь много фактов, которые следует усвоить, и даже твердо усвоенное нелегко использовать в жизни. Идея о том, что в сфере нравственности не существует «экспертов» — как часто думают и последователи Канта, и их противники, — подобна идее о том, что не существует экспертов в шахматах на том основании, что мы все в одинаковой мере умеем правильно переставлять фигуры. Нам не нужны эксперты, чтобы судить о положении вещей, и они не нужны нам, чтобы сделать вывод, что жестоким быть плохо. Но эксперты могут подсказать нам оптимальный ход в данной позиции, и можно не сомневаться в том, что нам нужны эксперты, которые сказали бы нам, что любовь ко всем людям, без различия, дает человеку больше счастья, чем избирательная любовь к близким людям (если у нас есть таковая).

² 60 Minutes, Sept. 26, 2002.

Принято думать, что самая великая этическая проблема возвращения к пыткам заключается в том, что мы неизбежно начнем применять это средство к невинным людям. Большинство из тех, кто рад был бы исполнить роль инквизитора в описанной выше ситуации, начинает колебаться, когда речь идет о более правдоподобных сценариях, когда остаются некоторые сомнения относительно виновности подозреваемого. И здесь мы можем столкнуться с немалым числом иных проблем. Скажем, какова достоверность показаний, добытых под пытками? Этот вопрос совершенно закономерен, ведь все мы знаем, что в реальном мире неспособны отличить преступника от невинного человека по их внешнему виду.

Похоже, здесь перед нами две ситуации, которые большинство здравомыслящих и достойных людей признали бы различными с этической точки зрения. В первом случае, описанном Дершовицем, кажется безумием беспокоиться о правах откровенного террориста, когда столько жизней невинных людей находятся под угрозой; в случае же более реалистичных ситуаций отсутствие полной уверенности в вине подозреваемого в целом заставило бы нас отказаться от применения пыток. Верно ли это описывает нашу этическую позицию? Не совсем.

Похоже, наше нежелание признавать законность пыток плохо сочетается с готовностью вести войну вообще. Что такое, в конце концов, «сопутствующий ущерб»? Это непреднамеренная пытка невинных мужчин, женщин и детей. Когда мы одобряем бомбежку, мы прекрасно понимаем, что при этом какое-то число детей потеряет зрение, лишится рук и ног, утратит способность двигаться, потеряет родителей или погибнет. Не странно ли, что наши лидеры с негодованием отвергнут предложение подвергнуть пыткам Усаму бен Ладена, но при этом их не возмущает ненамеренное (хотя и совершенно неизбежное) массовое убийство детей?

И тогда можно задать себе вопрос: если мы одобряем действия, непременно несущие бедствия и смерть значительному числу невинных детей, почему мы боимся причинить страдания подозреваемому в террористической деятельности? Чем ситуация бомбежки, которая обязательно обернется мучением для невинных людей, отличается от ситуации с террористом, когда на карте стоит жизнь еще большего числа невинных мужчин, женщин и детей? По логике вещей злоупотребление пытками должно было бы волновать нас меньше, чем «сопутствующий ущерб», ведь в тюрьме Гуантанамо, в конце концов, сидят не дети, но сомнительные молодые люди, многие из которых были схвачены в момент попытки убить наших солдат¹.

Когда человека пытаются, это даже не представляет значимой угрозы для его жизни и не наносит необратимого вреда его здоровью, тогда как «сопутствующий ущерб» — это по определению тяжелые повреждения и смерть. По логике вещей люди, поддерживающие бомбежку, должны были бы одобрить похищение самых дорогих и близких для подозреваемого в терроризме людей — его жены, матери и дочери, — и применение пытки к этим людям ради тех выгод, которые нам это принесет. Несомненно, такая этическая логика подводит к ужасающему заключению, которое нам не хочется принимать².

Здесь нам следует заметить, что на наше отношение к физическому насилию и на наши интуитивные представления о должном и недолжном влияют многие факторы. По словам Гловера, «в современной войне нас больше всего потрясают не те вещи, что наносят самый большой ущерб». Одно дело узнать, что твой дедушка в годы Второй мировой войны летал бомбить Дрезден, другое дело — что он убил лопатой пять девочек вместе с их матерью. Не стоит сомневаться в том, что, сбрасывая бомбы с высоты, он убил куда больше женщин и девочек и что их смерть была столь же ужасной, но степень его вины в первом и втором случаях разная. И мы интуитивно понимаем, что убийства второго типа совершают люди особого склада. Участие в двух этих разных типах насилия, как мы и могли ожидать, приводит к разным психологическим последствиям. Вот слова одного советского солдата в Афганистане: «Убивать страшно и мерзко, думаешь ты, но вскоре начинаешь понимать, что это касается только выстрела в упор. Убивать

¹ Конечно, этих людей задерживают на неопределенный срок, лишая их возможности обратиться к адвокату, и это должно нас беспокоить. См.: R. Dworkin, *Terror and the Attack on Civil Liberties*, *New York Review of Books*, Nov. 6, 2003, pp. 37—41, где содержится глубокий рапорт связанных с этим юридических и этических вопросов.

² На мой взгляд, мы можем избежать такого вывода с помощью рассуждений о «совершенном оружии», представленных в главе 4. В конце концов, целенаправленное причинение страдания невинным отличается от случайного. Включив членов семьи подозреваемого в терроризме в число тех, кого можно пытать, мы нарушили бы этот принцип.

людей скопом, группами, — это вызывает азарт, это, как я знаю по своему опыту, иногда даже забавно»¹. Хотя иные люди испытывают удовольствие, убивая других своими руками, в целом, как мы все знаем, для такого удовольствия нужно в необычной степени равнодушно относиться к чужим страданиям.

Возможно, мы просто не готовы справиться с этим противоречием — то есть прийти к тому, чтобы, по словам Гловера, степень нашего потрясения соответствовала степени ущерба. Этому можно найти биологические объяснения, поскольку миллионы лет, проведенные в степях Африки, не подготовили человечество методами естественного отбора к ужасам XXI века. И когда мы, люди с генами эпохи палеолита, овладели химическим, биологическим и ядерным оружием, это мало чем отличается от ситуации, если бы такое оружие попало в распоряжение шимпанзе. Мы должны были бы чувствовать, что убийство одного человека отличается от убийства тысячи, но у нас плохо развито такое понимание. Более того, во многих случаях, как это отмечал Гловер, первое может нас потрясти гораздо сильнее второго. Три миллиона живых людей гибнут от голода и насилия в Конго, но наши бдительные СМИ почти не обращают на это внимания. Но когда в автокатастрофе погибает принцесса, четверть населения земли переживает это как глубокое личное горе. Может быть, мы недостаточно чувствуем то, что должны чувствовать, дабы изменить наш мир.

Как мы себя чувствуем, наблюдая, как три тысячи мужчин, женщин и детей сгорают и превращаются в пепел за несколько секунд? Казалось бы, теперь это знает любой человек, который мог смотреть телевизор 11 сентября 2001 года. Но так ли это? Глядя на то, как самолеты врезаются в башни Всемирного торгового центра и как гибнут люди, многие испытывали, прежде всего, ощущение, что это неправда. Все ли у нас в порядке с нервной системой? Несомненно, существует какой-то предел тому, что может усвоить психика, когда видишь такое — хотя бы то, как здание, где, как ты понимаешь, находится множество людей, рушится у тебя на глазах. Может быть, эта ситуация изменится.

В любом случае, если вам кажется, что пытки невозможно приравнять к «сопутствующему ущербу», поскольку пытки есть нечто непосредственное и личное, а бомбежка нет, ваше воображение можно обвинить в двух ошибках. Во-первых, стоит вам поразмышлять об ужасе невинных афганцев и иракцев, на которых падают наши бомбы, и вы поймете, что они вполне сопоставимы с ужасами тюрем. Нам трудно сопоставить пытки с бомбежкой именно в силу того, о чем говорил Гловер: нас ужасает не то, что наносит людям наибольший ущерб. Кроме того, здесь нас одурманивают наши собственные эвфемизмы. Убивать людей с большого расстояния легче, но, возможно, это убийство не должно казаться нам столь легким.

Во-вторых, если наше интуитивное неприятие пыток связано с тем, что у нас вызывает отвращение вид людей, которых пытаются, то стоит заметить, что это легко исправить с помощью фармакологии: стоит ввести жертве парализующее средство, и человек под пытками не будет ни корчиться, ни кричать. И нам легко придумать такие методы пыток, когда палач имеет так же мало представления о страданиях жертвы, как и пилот, бросающий бомбы с высоты десять тысяч километров. Таким образом, наше естественное отвращение к картинам и звукам камеры пыток не служит надежным аргументом против их использования. Чтобы понять, какими абстрактными могут стать мучения истязаемых пытками, вообразим себе идеальную «таблетку для пытки» — средство, которое одновременно и осуществляет саму пытку, и устраняет ее неприятный внешний вид. Такая таблетка вызывает временный паралич и временное ощущение столь глубокого горя, что ни один человек на свете добровольно не согласится пережить подобное еще раз. Дав такую таблетку задержанному террористу, палач бы просто увидел, что тот как будто погружается в сон, но, встав, он начинает откровенно выкладывать все, что знает, о действиях своей организации. Не стали бы мы называть такое средство «таблеткой истины»?

Нет, видимые страдания под пытками и с этической точки зрения ничем не отличаются от видимых страданий жертв «сопутствующего ущерба».

¹ Цит. по: Glover, *Humanity*, 55.

В какую же сторону склоняется чаша весов? Если мы хотим занять целостную и непротиворечивую этическую позицию по данным вопросам, нам следует понять, что мы оказались в ситуации, где необходимо выбрать одно из двух: если мы готовы сбрасывать бомбы или даже случайно выстрелить в невинного человека, нам следует применять пытки к определенной категории подозреваемых и военнопленных; если же мы не согласны применять пытки, нам надо отказаться и от современной войны.

Противники пыток не упустят заметить, что показания, выбитые пытками, крайне ненадежны. Но если вспомнить, о чем мы говорили выше, этот аргумент не слишком весом. Думайте, что хотите о ненадежности таких показаний — нам достаточно того, что эти показания, по меньшей мере, принесут нам не меньше пользы, чем взрыв одной-единственной бомбы. Какова была вероятность того, что взрыв бомбы номер 117 в Кандагаре приведет к победе над Аль-Каидой? Близка к нулю. А теперь вспомним о нашем самом ценном пленнике войны с террором — о Халиде Шейхе Мохаммеде. Этот человек как будто взят из воображаемого примера Дершовица. Сейчас чиновники США пришли к выводу, что, скорее всего именно он обезглавил журналиста Wall Street Journal Дэниела Пэрла. Винават он в этом или нет, его членство в Аль-Каиде не позволяет считать его «невинным» по большому счету, а его высокое положение в этой организации предполагает, что он знает о многих готовящихся терактах. Часовой механизм бомбы уже отсчитывает время. На фоне того, что мы готовы мучить тела и психику невинных детей Афганистана и Ирака, наш отказ от применения пыток в случае Халида Шейха Мохаммеда кажется безумием. Если есть хотя бы один шанс из миллиона за то, что под пытками он выдаст какую-то информацию, которая поможет нам разоружить Аль-Каиду, похоже, мы должны использовать все доступные нам средства, чтобы заставить его говорить.

Вероятнее всего, начиная читать эту главу, вы считали (как и я, начиная ее писать), что пытки отвратительны и что наш отказ от этого средства свидетельствует о нашей мудрости — что мы цивилизованные люди именно потому, что не применяем пыток. Хотя нам трудно найти возражение Дершовицу с его тикающей бомбой, большинство из нас думает, хотя бы безотчетно, что подобные картинные примеры почти никогда не встречаются в реальной жизни. С этой точки зрения введение пыток в арсенал нашей системы правосудия было бы делом излишним и опасным, а по закону непредвиденных последствий это могло бы в один прекрасный день обернуться большой бедой. Но поскольку я полагаю, что логика представленных выше утверждений вполне надежна, я полагаю, что там, где мы согласны причинить «сопутствующий ущерб», мы должны согласиться и на применение пыток¹. Станным образом, этот логический вывод не делает для меня пытки более приемлемыми, и думаю, то же можно сказать о большинстве читателей. Думаю, здесь мы сталкиваемся с какой-то этической иллюзией — с аналогом иллюзий восприятия, которые вызывают великий интерес у ученых, исследующих обработку визуальной информации в мозге. Полная луна около линии горизонта не больше, чем полная луна над головой, но нам кажется, что она больше, и ученые, изучающие мозг, пока не могут сказать, почему так происходит. Если мы используем измерительный прибор, приложив его к небу, мы поймем то, что неспособны увидеть, даже когда понимаем, что глаза нас обманывают. Если бы нам предложили выбор: действовать на основании того, что нам кажется, или на основании показаний прибора, — большинство из нас пожелало бы отказаться от иллюзии, особенно если бы от наших дальнейших действий зависела жизнь нас самих и других. Думаю, что читатель, который следил за ходом моих рассуждений, оказался примерно в таком же положении в вопросе об этичности пыток. Учитывая неотложность войны с терроризмом, следует признать, что в некоторых ситуациях пытки не просто дозволительны, но и необходимы. Но это рассуждение не делает их более приемлемыми с нравственной точки зрения. Я уверен, что это объясняется тем же, чем и иллюзия о размерах луны — устройством нашей нервной системы. На самом деле некоторые данные научных

¹ Я подозреваю, что если бы наши СМИ не подвергали цензуре слишком откровенные образы войны, это бы исправило наши нравственные чувства в двух смыслах. Во-первых, мы бы острее почувствовали, какие ужасы готовы обрушить на нас враги: если бы мы, скажем, видели, как отрубает голову Дэниелу Пэрлу, вся страна исполнилась бы возмущения, которое могло бы нас мобилизовать. Во-вторых, если бы мы не скрывали от самих себя, как в реальности выглядит «сопутствующий ущерб», мы бы с меньшей охотой поддерживали применение неуправляемых, а, возможно, даже и управляемых бомб. Конечно, наши газеты и выпуски новостей вызывали бы ужас и отвращение, но я думаю, это дало бы нам почувствовать неотложность войны против терроризма и одновременно сделало бы нас более разумными в этой войне.

исследований уже сейчас указывают на то, что наши этические интуитивные представления зависят от близости и эмоциональной рельефности события, что примерно соответствует нашим рассуждениям¹. Очевидно, что подобные иллюзии ведут к ошибкам. В данном случае в результате нашей ошибки — когда мы не видим нравственного тождества там, где оно существует, — может погибнуть множество невинных людей. Возможно, настало время достать наши измерительные приборы и приложить их к небу².

ЛОЖНЫЙ ВЫБОР ПАЦИФИЗМА

Принято думать, что позиция пацифизма³ по вопросу насилия нравственно безупречна. Самое плохое, что о нем говорят, — это то, что такой позиции трудно придерживаться на практике. Его редко обвиняют в вопиющей безнравственности — я же полагаю, что это обвинение совершенно справедливо. Когда ставки невысоки, пацифизм может казаться достойной позицией, но в итоге это есть готовность умереть и позволить умереть другим ради торжества убийц. Достаточно заметить, что один психопат, вооруженный ножом, мог бы перерезать целый город, если бы там жили только пацифисты. А такие психопаты существуют, только вооружены они куда лучше. Я подумал, что приведенные выше размышления могут показаться кому-то весомым аргументом за пацифизм, и потому захотел кратко объяснить, почему нам надо признать тот факт, что применение насилия (или его угрозы) иногда является этической необходимостью.

Однажды я гулял поздно ночью по улицам Праги и здесь случайно оказался очевидцем схватки. Молодой мужчина, явно пьяный и разъяренный, пытался затащить женщину в машину. Она отчаянно сопротивлялась, но мужчина одной рукой держал ее руки, а другую занес над ее лицом — похоже, он ее уже ударил по лицу еще до того, как я здесь оказался. Задняя дверь машины была открыта, а впереди за рулем сидел сообщник. Рядом топтались еще какие-то мужчины, которые, похоже, с одобрением относились к происходящему.

Без какого-либо плана действий я моментально начал защищать женщину. Уровень адреналина в моей крови резко подскочил, а мужчина переключил свое внимание на меня, и здесь я понял, что он почти не говорит по-английски. Ему было так трудно меня понять, что это само по себе отвлекало его от женщины. Поскольку он не понимал мою речь, это предотвращало стремительное развитие конфликта. Если бы мы говорили на одном языке, мы бы моментально перешли к драке: я не придумал ничего более умного, чем потребовать, чтобы он отпустил женщину, а он, чтобы сохранить лицо, должен был бы сказать, чтобы я не лез не в свое дело. Поскольку я мог видеть как минимум двоих его друзей (и нескольких потенциальных сторонников), эта прогулка закончилась бы для меня не слишком удачно. И потому я решил, что мне надо оставаться для него непонятным, не провоцируя окружающих хулиганов, достаточно долго, чтобы дать женщине уйти.

— Простите, — сказал я. — Кажется, я потерял мой отель, мою комнату, место пребывания, где я могу лежать на спине, не лицом вниз. Помогите мне, пожалуйста. Где он? Где он?

— Секс? — спросил меня собеседник с явным раздражением, как будто я был его соперником и хотел завоевать любовь той женщины. И здесь мне пришло в голову, что та женщина, вероятно, была проституткой, а он — не слишком вежливым клиентом.

— Нет! Не секс! Я ищу одно здание. Там нет алюминиевой обшивки, нет витражей. Его можно наполнить марципаном. Вы не знаете, где оно? Это срочно!

¹ См.: J. D. Greene et al., An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment, *Science* 293 (Sept. 14, 2001): 2105—8; J. D. Greene, From Neural 'Is' to Moral 'Ought': What Are the Moral Implications of Neuroscientific Moral Psychology? *Nature Reviews Neuroscience* 4 (2003): 846—49.

² См.: M. Bowden, The Dark Art of Interrogation, *Atlantic Monthly*, March 2003, pp. 51—77, где глубоко рассматривается практика использования американцами и израильтянами «принуждения» на допросах.

³ В философской литературе пацифизм понимают по-разному, здесь я рассматриваю так называемый «абсолютный» пацифизм, то есть убеждение в том, что насилие с нравственной точки зрения неприемлемо ни при каких условиях — включая самозащиту или защиту других. Сторонником такого пацифизма был Ганди, и это единственная форма пацифизма, претендующая на нравственную безупречность.

Лицо мужчины моментально изменилось: его ярость совершенно пропала, сменившись глубоким недоумением. Пока он размышлял над моими словами, я незаметно поглядел в сторону женщины — которая, надо заметить, не слишком спешила убежать и обрести свою свободу.

Мужчина быстро заговорил по-чешски с товарищем. Я продолжал нести чепуху. Женщина при этом смотрела на меня как на полного идиота. Затем, подобно птице, которая долго не вылетает из открытой клетки, она поняла, что у нее есть шанс спастись, и быстро побежала по улице и исчезла в темноте. Человек, который только что ее бил, так глубоко погрузился в размышления, что этого почти не заметил.

Исполнив свою миссию, я поблагодарил собравшихся мужчин и пошел дальше.

Хотя мое поведение в этом инциденте обычно вызывает одобрение, я рассказал о нем потому, что вижу здесь пример нравственной ошибки. Во-первых, я лгал, причем лгал из страха. Я знал, как пройти к моему отелю, и не нуждался в помощи. Я прибег к такой тактике, потому что откровенно боялся бросить вызов нескольким пьяным мужчинам. Это можно назвать мудростью, но тогда мне казалось, что это просто трусость. Я не попытался заговорить с этими людьми, воззвать к тем крупнякам нравственности, что в них жили, или как-либо еще повлиять на них. Они не казались мне самостоятельной ценностью, существами, способными чувствовать, говорить, мириться или учиться, но просто слепой опасностью. Моя нравственная ошибка заключалась в том, что я никак не противостоял их действиям — в результате они не получили никакого урока. Они просто на время отвлеклись, что пошло на пользу одной женщине. Но когда они будут мучить следующую женщину, ей будет не за что сказать мне «спасибо». Даже если бы, защищая эту женщину, я получил травмы, это было бы ясным уроком: не все прохожие будут равнодушно смотреть на то, как вы бьете женщин и затаскиваете их в машину. Мои действия ничего такого им не сказали. Подозреваю, что даже та женщина так и не догадалась, что я ее защищал¹.

Ганди, вне сомнений, был одним из самых влиятельных пацифистов XX века. Поскольку Ганди удалось добиться того, что войска Британской империи покинули Индию, пацифизм перестал быть возвышенным религиозным идеалом и стал политической реальностью. Несомненно, такой пацифизм требовал большой смелости от его приверженцев, которые напрямую противостояли несправедливости. Эта позиция сама по себе обладала большей цельностью, чем изложенная мною выше программа. Тем не менее, очевидно, что ненасилие в версии Ганди можно приложить только к ограниченному спектру конфликтов между людьми. Нам стоит задуматься о решении проблемы холокоста, предложенном Ганди: он считал, что евреям следует совершать массовые самоубийства, потому что «это вызвало бы возмущение в мире и у немецкого народа против насилия Гитлера»². Стоит представить себе, что бы сделал весь мир с этим возмущением, если бы его наполняли только пацифисты — тоже бы прибег к самоубийству?

Конечно, Ганди мыслил в рамках религиозных доктрин, но его решение проблемы холокоста выглядит подозрительным с точки зрения этики, даже если принять во внимание метафизические предпосылки, на которые он опирался. Даже если мы примем закон кармы и перевоплощения, в которые верил Ганди, его пацифизм все равно покажется нам безнравственным. Забота о своем счастье (или даже счастье других) в следующей жизни за счет агонии детей в нынешнем мире все равно не похожа на нравственное поведение. Если бы люди следовали Ганди, миллионы бы погибли, прежде чем нацисты в один прекрасный день усомнились бы в правоте своего Третьего рейха. В нашем мире, когда у людей не хватает подобных сомнений, иногда сбрасывают бомбы. Это ужасный аспект войны в условиях этической асимметрии: когда

¹ Хочу ли я сказать, что нравственный долг требует противостоять злу открыто? Да, когда ставки высоки, это именно так. Кто-то может сказать, что в опасных ситуациях — когда открытое противостояние может стоить тебе жизни — лучше прибегнуть к скрытому противостоянию. Те замечательные люди, которые в годы Второй мировой войны укрывали у себя евреев или помогали им перебраться в безопасное место, являют хрестоматийный пример такого поведения. Несомненно, они сделали больше добра своими тайными делами, чем могли бы сделать, если бы в готовности умереть открыто протестовали против нацистов. Но они оказались в таком положении только потому, что лишь немногие люди были готовы сопротивляться нацизму. Если бы было такое сопротивление, самим нацистам пришлось бы прятаться в подвалах и вести там в дневниках разговоры с Богом, который их оставил, — им, а не маленьким невинным девочкам, которых ждал Освенцим. Таким образом, в качестве категорического императива лучшая позиция из возможных — это противостояние злу. В какой форме ему противостоять — это, конечно, открыто для обсуждений. Но просто игнорировать человеческое зло или уступать ему место — это не похоже на достойную этическую ПОЗИЦИЮ.

² G. Orwell, Reflections on Gandhi, in The Oxford Book of Essays, ed. J. Gross (Oxford: Oxford Univ. Press, 1949), 506.

твой противник не испытывает угрызений совести, твои собственные угрызения совести становятся оружием в его руках.

Пока еще нам неясно, что означает победа в нашей войне с «терроризмом», и даже неясно, удастся ли нам окончательно стереть с лица земли религиозное варварство наших врагов, — однако нам совершенно ясно, что означает наше поражение. Жизнь под властью Талибана — вот примерно, что хотели бы миллионы мусульман всего мира навязать всем остальным людям на земле. Они хотят создать такое общество, где — в достаточно хорошие времена — женщины станут покорными и незаметными, а любой сторонник духовной, интеллектуальной или сексуальной свободы будет казнен перед лицом толпы, состоящей из мрачных необразованных людей. Понятно, что этому необходимо сопротивляться. Наши сомнения относительно «сопутствующего ущерба» не должны нас останавливать, поскольку наши враги свободны от подобных угрызений совести. Они в первую очередь посылают на смерть детей, а мы утверждаем, что между ними и нами не существует нравственной разницы ~ и тем сами себя губим. Поскольку современное оружие распространяется по всему миру, мы уже не можем идти на войну с мечами. Не приходится сомневаться в том, что на протяжении многих последующих лет нам придется причинять «сопутствующий ущерб» в разных его формах.

7. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С СОЗНАНИЕМ

СЧАСТЬЕ, СОЗНАНИЕ, МИСТИКА, МЕДИТАЦИЯ

За каждой религией кроется одно совершенно справедливое утверждение о человеческой природе: каждый может радикальным образом изменить свое восприятие мира. Как правило, мы живем в рамках, связанных с привычным использованием внимания: мы просыпаемся, работаем, едим, смотрим телевизор, разговариваем, спим, мечтаем, однако большинство из нас знает, хотя бы смутно, что нам доступны и другие переживания, выходящие за рамки обыденности.

Проблема религии заключается в том, что эта истина в ней отравлена ядом неразумия. Возьмем для примера христианство: для верующего недостаточно того, что Иисус глубоко преобразил сам себя, так что из его сердца могла излиться Нагорная проповедь. Ему нужно видеть в Иисусе Сына Божия, рожденного от девы, который вернется на землю в облаках славы. Эта догма ставит Иисуса на недостижимую высоту. Тогда его учение — это уже не эмпирические утверждения о связи нравственности с духовными озарениями, но необоснованная детская сказка, притом сказка довольно страшная. Согласно христианскому вероучению, никто не может уподобиться Иисусу. Верующему остается только копаться в своих грехах, верить в невероятное и ожидать конца света.

Но мы можем глубже постичь наше бытие, и пример жизни Иисуса, наряду с бесконечным количеством других людей всех веков, об этом свидетельствует. Это ставит перед нами нелегкую задачу: нам нужно рассмотреть эти возможности с рациональной точки зрения.

СТРЕМЛЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

Хотя полевые лилии носят удивительные наряды, мы с вами вышли из утробы голыми и здесь же завопили. Что нам нужно для счастья? Почти все, что мы делаем, можно рассматривать как ответ на этот вопрос. Нам нужны пища, жилье и одежда. Нам нужно общество других людей. Затем нам надо освоить тысячи навыков, чтобы как можно лучше жить в этом обществе людей. Нам нужно найти работу, которая доставляет удовольствие, и нужно время для отдыха. Нам нужны многие вещи, и, похоже, мы просто обречены искать и хранить их, одну за другой, все дни нашей жизни.

Но достаточно ли этих вещей для счастья? Обязательно ли счастлив человек, обладающий крепким здоровьем, достатком и хорошей компанией людей? Очевидно, нет. Необходимы ли эти вещи для счастья?

Если да, то что мы скажем о тех индийских йогах, которые отказываются от имущества и семейных связей только ради того, чтобы десятилетиями заниматься медитацией в одиночестве, живя в пещере? Похоже, такие люди тоже могут испытывать счастье. Некоторые из них уверяют, что счастливы совершенно.

Трудно найти нужный термин для этого непосредственного стремления к счастью — к счастью такого рода, которое сияет даже на фоне неудовлетворенных обыденных желаний. Кажется, здесь не обойтись без слова «духовность» — которое я уже не один раз использовал в данной книге, — но оно обросло многими значениями, которые мешают его использовать. Слово «мистицизм» весомее, но оно тоже влечет за собой лишние ассоциации. Ни один термин не передает разумность и глубину той возможности, которую нам предстоит рассмотреть: что существует такая форма благополучия, которая превосходит все прочие и даже стоит выше всех превратностей судьбы. Я буду использовать взаимозаменяемые термины «духовность» и «мистицизм», потому что не знаю более подходящих слов, но читатель должен помнить, что я понимаю их в довольно узком смысле. Если вы зайдете в книжный магазин движения New Age, вы увидите, что современный человек понимает под «духовностью» самые разные вещи: от целебной силы кристаллов и раздраженного толстого кишечника до козней инопланетян. Мы же будем говорить только о таких вещах, которые прямо связаны с нашим стремлением к счастью.

Большинство духовных учителей единодушно говорят о том, что счастье не сводится к тому, чтобы быть продуктивным членом общества, наслаждаться законными удовольствиями и с энтузиазмом воспитывать детей, обучая их жить таким же образом. Более того, многие из них говорят, что само наше стремление к счастью — тяга к познанию и новым переживаниям, поиск признания, желание вступить в правильные романтические отношения и даже сама жажда духовного опыта — мешает нам найти то благополучие, которое присуще нашему сознанию в любой нынешний момент. Эта идея в той или иной форме присуща многим известным нам религиям, хотя ее нелегко отделить от других положений вероучения.

Хотя многие из нас за несколько десятилетий не проводят и одного дня в полном одиночестве, мы в каждый момент жизни живем в одиночестве собственной психики. Даже если мы окружены близкими людьми, наши удовольствия и страдания чувствуем только мы сами. Духовные практики — это самый разумный подход к ситуации нашей жизни. За ними стоит представление о том, что мы в состоянии понять нечто новое о природе нашего сознания — и это понимание сделает жизнь лучше. Опыт многочисленных созерцателей показывает, что сознание — то есть то состояние, в котором рождаются мысли, эмоции или ощущение своего Я — никогда не меняется под действием знания. Осознание радости не делает его радостным, а осознание печали — печальным. С точки зрения сознания мы просто осознаем зрительные образы, звуки, ощущения, настроения и мысли. Многие духовные учителя утверждают, что если мы отождествим себя с самим сознанием — с простым свидетелем всех явлений, — мы увидим, что освободились от причуд наших собственных переживаний.

Разумеется, у страдания есть и физический аспект. Тот факт, что прозак может устранить многие симптомы депрессии, говорит о том, что психические страдания не более бесплотны, чем маленькая зеленая таблетка. Но здесь мы можем наблюдать взаимное влияние разных аспектов друг на друга. Мы знаем, что наши идеи определяют то, как мы воспринимаем окружающий мир¹. Даже сильная физическая боль открыта для субъективной интерпретации. Возьмем боль родовых схваток: многим ли женщинам такая боль причинила психическую травму? Как правило, если роды проходят нормально, это радостное событие. Но если бы сумасшедший ученый пытал бы женщину, заставляя ее пережить ту же самую боль, картина была бы совершенно иной. Те же самые ощущения могли бы стать самым мрачным моментом ее жизни. Страдания при физической боли зависят отнюдь не только от болезненных ощущений. Наши духовные традиции говорят о том, что мы способны в достаточной мере изменить содержание нашего сознания и тем самым научиться воспринимать мир иначе. Об этом свидетельствует множество трудов, посвященных духовности².

¹ Я не отрицаю того, что сами мысли эквивалентны определенным состояниям мозга. Но на повседневном уровне существует большая разница между приемом лекарства и принятием новой идеи. И лекарство и идея способны менять наше восприятие — и это один из самых поразительных фактов о человеческом мозге.

² Подобных трудов настолько много, что я здесь не привожу из них цитат, но примеры многих таких текстов можно найти в библиографии в конце книги.

При этом от нас, очевидно, не требуется вера в недоказанные утверждения, чтобы мы могли с открытым умом рассмотреть эту возможность.

ТАЙНА СОЗНАНИЯ

Подобно Декарту, многие из нас начали этот поиск в качестве мыслителей, чтобы наша субъективность могла жить в мире, который мы воспринимаем как нечто, отличное от нас. Декарт придавал особое значение этой дихотомии, он провозгласил, что Божья вселенная состоит из двух вещей: материи и духа. Для большинства из нас подобный дуализм есть нечто само собой разумеющееся (разве что слово «дух» кажется нам чрезмерно возвышенным, когда мы вспоминаем о том, как действует наша психика). Однако наука о человеческой психике заставила нас поставить дуализм Декарта (вместе с соответствующей «народной психологией») под сомнение. На фоне несомненных успехов, достигнутых за три столетия изучения чисто материального мира, многие философы и ученые сегодня не согласны с Декартом: они считают, что Декарт отделял психику от тела и дух от материи под влиянием христианских идей, полагая, что они теперь лучше понимают связь между сознанием и физическим миром.

В предыдущей главе мы говорили о том, что наши представления о сознании имеют самое прямое отношение к нашей нравственности. Они также прямо связаны с нашим представлением о смерти. Большинство ученых считают себя «физикалистами», и потому, среди прочего, они полагают, что наша психическая и духовная жизнь полностью зависит от работы нашего мозга. С этой точки зрения со смертью клеток мозга прекращается и поток нашего существования. Когда загашены светильники активности нейронов, ничего не остается. Многие ученые лелеют это убеждение так, как если бы оно было каким-то священным таинством, которое может принять только человек, обладающий достаточной интеллектуальной честностью.

Но правда заключается в том, что мы просто ничего не знаем о событиях после смерти. Хотя можно найти много возражений в ответ на наивные представления о душе, не зависящей от мозга¹, вопрос о месте сознания в естественном мире во многом остается открытым. Представление о том, что мозг продуцирует сознание, — это нечто вроде догмата современного ученого, и у нас есть все основания думать, что методами науки мы никогда не сможем ни доказать, ни опровергнуть это положение.

Ученый неизбежно должен рассматривать сознание просто как атрибут некоторых животных с развитым головным мозгом. Но здесь мы сталкиваемся с важной проблемой: ничто в строении мозга, если его исследуют как материальную систему, не объясняет, почему мозг обладает этим удивительным внутренним измерением — сознанием, которое каждый из нас знает на собственном опыте. Любая парадигма для объяснения связи между сознанием и бессознательным, связи между материальными особенностями и феноменологией, опирается на отчеты субъекта о воздействии на него стимулов в условиях эксперимента².

¹ Что происходит после смерти и как сознание связано с материальным миром — эти вещи остаются тайной, но мы уже не можем сомневаться в том, что психическая деятельность человека зависит от работы его мозга — причем такая зависимость не соответствует нашим интуитивным представлениям. Рассмотрим одну общую особенность рассказов людей, переживших клиническую смерть: они нередко встречают любимых людей, которые раньше них отправились в мир иной. См.: A. Kellehear, *Experiences Near Death: Beyond Medicine and Religion* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1996). Однако нам известно, что для распознавания лиц у человека должна работать кора веретенообразной извилины, особенно правого полушария мозга. Если этот участок мозга поврежден, человек (среди прочего) лишается способности узнавать лица, что называется прозопагнозией. При этом зрение у человека совершенно нормально, он прекрасно различает цвета и формы. Он может распознать практически любой предмет в своем окружении, но не различает лиц даже своих ближайших друзей или членов семьи. Можем ли мы себе представить, что у человека при этом сохраняется неповрежденная душа, которая сохраняет способность узнавать близких? Похоже, это должно выглядеть именно так. Ведь если бы душа не могла сохранить все обычные способности мышления и восприятия, которыми обладает здоровый мозг, небеса бы населяли существа, страдающие от всевозможных неврологических проблем. Но что в таком случае мы можем сказать о состоянии живого человека, страдающего неврологическими нарушениями? Если человек, скажем, страдает афазией, его душа может говорить, читать и мыслить гладко? Если из-за церебральной атаксии у человека нарушена моторика, сохраняется ли у души координация движений руки и глаза? Это как если бы мы верили, что внутри разбитой машины живет новая машина, которая ждет своего момента, чтобы выйти на свободу.

² Когда предметом изучения становятся прайминг-эффекты и визуальное маскирование, «слепота к изменению» (D. J. Simons et al., *Evidence for Preserved Representations in Change Blindness, Consciousness and Cognition* 11, no. 1 [2002]: 78—97), ложная

Таким образом, в рабочее определение сознания входит тот факт, что субъект может дать отчет о своем сознании. Однако сознание и отчет о сознании — это две разные вещи. Обладает ли сознанием морская звезда? Никакой ученый, если он судит о сознании по отчетам субъекта, не сможет ответить на такой вопрос. Остается только исследовать сознание, опираясь на видимые его проявления. Но давать определение сознанию на основе внешних проявлений было бы ошибкой. В будущем усовершенствованные компьютеры смогут пройти тест Тьюринга¹ и будут давать нам самые разные отчеты — но значит ли это, что они обретут сознание? Если мы заранее этого не знаем, «красноречие» отчетов компьютера не поможет нам дать ответ на вопрос о сознании. Возможно, сознание представляет собой куда более элементарный феномен, чем живые существа с их нервной системой. И, похоже, мы не сможем опровергнуть этот тезис с помощью экспериментов².

Таким образом, хотя мы много знаем об анатомии, физиологии и эволюции человека, мы на данный момент не способны дать ответ на вопрос, почему мы переживаем то, что переживаем. Тот факт, что наше сознание проливает свет на вселенную и что наши мысли, настроения и ощущения имеют качественный характер, остается полной загадкой — с которой может соперничать разве что знаменитая загадка, сформулированная философом Шеллингом: почему во вселенной вообще есть что-то, а не пустота? Проблема заключается в том, что наш объективный опыт познания мозга как предмета внешнего мира буквально ничего не говорит нам о реальности сознания, тогда как субъективный опыт *нашего* мозга не говорит нам ни о чем другом, кроме этой реальности. Отсюда вытекает такой вывод: сфера нашего субъективного опыта — это вполне законная (и существенно важная) сфера исследования природы вселенной. Некоторые факты нам дает только сознание от первого лица, и мы не можем получить те же факты никаким иным способом.

Непосредственно исследование природы сознания с помощью систематической интроспекции — это просто другое название для духовной практики. Любые изменения характера ваших переживаний — после сорока дней и ночей в пустыне, после двадцати лет жизни в пещере или когда ваши синапсы испытывают воздействие антагониста серотонина, — это всегда изменения содержания вашего сознания. Каковы бы ни были переживания Иисуса, это был опыт сознания. Если он любил ближнего, как самого себя, это описание опыта Иисуса в ответ на присутствие других людей. История духовности человека — это история наших попыток изучать сознание и влиять на его содержание с помощью таких методов, как пост, песнопения, сенсорная депривация, молитва, медитация и использование психотропных средств растительного происхождения. Такого рода эксперименты могут проводиться совершенно рационально. Фактически у нас нет другого пути к пониманию того, в какой степени человек может целенаправленно менять характер своего существования. Это исследование становится иррациональным лишь тогда, когда человек принимает не доказанные эмпирическими фактами представления о мире.

гемиано-пия и нарушение зрительно-пространственного восприятия (G. Rees et al., Neural Correlates of Consciousness in Humans, *Nature Reviews Neuroscience* 3 [April 2002]: 261—70), «бинокулярное соревнование» и другие нарушения бистабильности восприятия (R. Blake and N. K. Logothetis, Visual Competition, *Nature Reviews Neuroscience* 3, no. 1 [2002]: 13—21; N. K. Logothetis, Vision: A Window on Consciousness, *Scientific American Special Edition* 12, no. 1 (2002) 18—25) или «сле-позрение» (L. Weiskrantz, Prime-sight and Blindsight, *Consciousness and Cognition* 11, no. 4 [2002]: 568—81), значение сознания остается тем же: субъект (будь то человек или обезьяна) просто сообщает нам, словами или через поведение, изменился или нет характер его восприятия.

¹ Математик Алан Тьюринг разработал тест, который показывает, насколько адекватно компьютер может симулировать ум человека (и с тех пор в литературе его стали называть тестом на наличие «сознания» у компьютера). В процессе тестирования человек задает вопросы то другому человеку, то компьютеру, не зная, кто есть кто. Если в конце эксперимента он не может с уверенностью отличить компьютер от человека, значит, компьютер «прошел» тест Тьюринга. — Прим. авт.

² Но почему мы не используем общий наркоз, чтобы отключить сознание? Достаточно наполнить сосуды мозга нужной дозой препарата — и сознания нет. Но проблема заключается в том, что мы, на самом деле, не можем с уверенностью сказать, что сознание у человека под наркозом отсутствует. Когда мы смешиваем сознание со способностью дать о нем отчет, мы не можем отличить подлинное прекращение сознания от простой амнезии. Что вы переживали этой ночью? Возможно, вам кажется, что ничего не переживали — вы находились в «бессознательном» состоянии. Но, быть может, вы просто забыли свои сновидения? А когда вы их видели, вы явно находились в сознании. Быть может, сознание продолжает работать во всех фазах сна. Мы не способны с уверенностью отбросить такую возможность, если опираемся только на отчет субъекта.

ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СВОИМ «Я»?

Наши духовные возможности во многом зависят от того, что мы называем своим «я»¹. С физической точки зрения каждый из нас — это система непрерывного обмена вещества и энергии с более масштабной системой вселенной. И каждая клетка нашего тела входит в систему взаимодействия с окружающим миром, и эта система мало поддается влиянию нашего сознания — хотя в какой-то мере мы можем влиять на нее косвенно, когда принимаем решение, скажем, задержать дыхание или достать еще один кусок пиццы из холодильника. Как физическая система человек зависит от природы в той же мере, в какой его печень зависит от других частей тела. Поскольку человек состоит из набора клеток, которые сами регулируют свое состояние и постоянно делятся, мы связаны с нашими генетическими предшественниками: с нашими родителями, их родителями и десятками миллионов поколений предков, которые на каком-то этапе напоминали уже не людей с плохими зубами, но болотную ряску. И потому с материальной точки зрения мы вправе сказать, что жизнь отдельного человека — это просто маленький водоворот на поверхности великой реки жизни.

И конечно, само тело человека есть среда, кишачая живыми существами, над которыми человек господствует лишь номинально. Если исследовать тело человека, его органы и ткани, клетки и кишечную флору (а в некоторых случаях, увы, там можно обнаружить и фауну), мы откроем целый мир, которым верховное сознание управляет не в большей мере, чем оно управляет вселенной. Когда мы изучаем функцию клеточной митохондрии или сокращение мышечных волокон руки, приводит ли это нас к мысли о существовании ума, который руководит всеми этими процессами с гордой мыслью: «Государство — это я»? И потому, когда мы пытаемся определить свое физическое Я как то, что очерчивают границы нашей кожи, мы опираемся на совершенно ненадежный критерий.

Не легче определить границы нашего психического Я: мемы, табу, нормы вежливости, лингвистические правила, предрассудки, идеалы, эстетические предпочтения, образы рекламы — все эти вещи, наполняющие наш ум, попали к нам из внешнего мира. Действительно ли желание быть в хорошей физической форме (или твой стиль одежды, чувство общности, ожидание взаимности от того, кому ты делаешь добро, твоя застенчивость, твоя учтивость, твои шутки на сексуальную тему и т. д.) родилось внутри тебя? Не правильнее ли думать, что оно поселилось в тебе? Эти вещи прямо связаны с тем, что ты живешь в мире определенных взаимоотношений и особой культуры (а также с твоими генами). Может оказаться, что в итоге многие из этих вещей не более «твои», чем правила языка, на котором ты говоришь.

Тем не менее, чувство своего Я нас никогда не покидает. При этом местоимение «я» явно указывает отнюдь не только на мое тело. Скорее многие из нас ощущают, что их Я живет внутри тела. Я говорю о «моем» теле примерно так же, как о «моей» машине потому, что само восприятие или осознание тела указывает на то, что познающий субъект не тождествен предмету познания. Мысль о моей машине предполагает, что я как субъект отличен от машины, объекта. Точно так же я (субъект) думаю о моей руке или моем чувстве (объекте). По этой причине Я невозможно отождествить с совокупностью всех психических процессов или с личностью в целом². Скорее Я — это та точка зрения, с которой мы смотрим на изменение состояний психики и тела. Что бы мы ни думали о взаимоотношениях между сознанием и телом, в нашем опыте тело есть такая вещь, которая находится в отношениях с сознательным Я. На каком этапе эволюции или развития появляется Я, мы пока не можем сказать, но нам очевидно одно: на определенном этапе раннего детства большинство людей открывает свое Я, вечный субъект, для которого все прочие явления, внутренние и внешние, становятся объектами — и потенциально можно познавать эти объекты. И можно сказать, что

¹ Далее намеренно оставлены два типа «я»: закавыченное местоимение со строчной буквы и существительное с заглавной как перевод self. — Прим. пер.

² Тем не менее, ученые и философы отождествляют Я именно с этими вещами. Недавно в Нью-Йоркской академии наук проходила конференция под названием «Человеческое Я: от души к мозгу». На этом мероприятии прозвучало немало интересных слов о работе мозга, но ни один из выступавших не дал четкого определения Я, все отождествляли Я с широкими концепциями — такими, как «психика человека» или «личность». Это как будто не имело никакого отношения к нашему ощущению своего Я.

каждый ученый, приступающий к исследованию мира, и каждый верующий, складывающий руки перед молитвой, опираются на это Я¹.

Похоже, чувство своего Я — это продукт мозга, который создает репрезентацию собственных актов репрезентации; если Я способно видеть мир, за этим стоит определенный образ того, кто видит. Важно заметить, что такое ощущение — чувство того, что мы не просто существуем, но чем-то владеем, — не является необходимым атрибутом сознания. Можно представить себе существо, которое может создавать репрезентации мира, не формируя репрезентацию самого себя в мире. И многие люди, занимавшиеся духовными практиками, уверяют, что способны воспринимать мир именно таким образом — избавившись от ощущения своего Я.

Нейрофизиология подтверждает, что такое в принципе возможно. Нейроны могут видеть, слышать, обонять, чувствовать вкус и прикосновение, ощущать и мыслить скорее не в силу того, какими они являются, а в силу того, что они делают. Как и все прочие функции, связанные с деятельностью мозга, чувство Я скорее всего представляет собой процесс. И тогда мы не должны удивляться тому, что это чувство можно утратить, поскольку любой процесс по определению может приостановиться. Опыт избавления от Я не говорит ничего о природе взаимоотношений между сознанием и материальным миром (как и о вопросе существования после смерти), но он важен для понимания психики, для нашего подхода к духовности и для создания концепции человеческого счастья.

Психический феномен утраты чувства Я встречается не так редко, как считают ученые, которые склонны игнорировать подобные явления. При этом как бы внезапно стирается граница между субъектом и объектом восприятия: переживания остаются, но человек уже не чувствует, что познающий отделен от познаваемого. Он может мыслить, но чувство субъекта мыслей исчезает. При этом переживания радикально меняют свой характер, и такая перемена — когда исчезает все, что можно было бы определенно назвать местоимением «я», — указывает на то, что раньше человек непрерывно переживал сознательный опыт своего Я, хотя нам очень трудно дать характеристики этого опыта.

Возьмем какой-нибудь физический объект, например книгу. Вы осознаете, что она есть. Вы ощущаете, что ваше сознание — скажем, тот источник особого света, который освещает предметы в вашем поле зрения, который расположен где-то за вашими глазами, — отличается от книги. Такой дуализм (субъект/объект) восприятия присущ нашему обычному опыту. Однако можно взглянуть на свое Я таким образом, чтобы поставить под сомнение дихотомию субъект/объект — или даже от нее избавиться.

Содержание сознания: зрительные образы, звуки, ощущения, мысли, чувства и т. д. — чем бы они ни являлись на уровне мозга, — есть просто проявления сознания на уровне наших переживаний. Нам кажется, что подобные вещи поступают в сознание извне, и потому у нас появляется и развивается чувство Я — чувство того, что познаваемые вещи определяют, меняют или даже мучают познающего, И в самом деле, родители знали, что мы лежим в детской кроватке, еще до того, как мы впервые осознали это сами, и движения их глаз или пальцев указывали на некий центр мышления, которого на самом деле не существует². Таким образом, общение с мамой в раннем детстве, которая удовлетворяет голод и жажду, а также начинает выражать одобрение или неодобрение в ответ на действия нашей воплощенной психики, строит в нас ощущение себя, которое мы в какой-то момент начинаем называть словом «я» — и это Я становится центром, вокруг которого непрерывно вращаются все вещи и события, приятные и неприятные.

¹ Некоторые философы, хотя они сами явно не переживали опыта исчезновения границ между субъектом и объектом, отреклись от этой дихотомии концептуально. Так, Сартр считал, что субъект есть не что иное, как один из объектов поля сознания, а потому он «сопоставим с Миром»:

² Это не означает, что все младенцы — мистики. Тем не менее чувство своего Я развивается и крепнет почти с момента рождения. См.: K. Wilber, *Sex, Ecology, Spirituality* (Boston: Shambhala, 1995), где автор критикует ошибочное отождествление того, что он называет дорациональным, с надрациональным. Он указывает на то, что у нас нет причин романтизировать духовность ребенка. В самом деле, если дети наследуют Царство Небесное, почему мы должны останавливаться на ребенке? С таким же успехом мы могли бы с завистью смотреть на духовность наших родственников приматов, которые — пока они не заняты прелестями каннибализма, групповых изнасилований и детоубийства, — похожи на самых радостных детей.

С субъективной точки зрения «поиск своего Я» парадоксален: мы ищем то самое явление, которое совершает такой поиск. Однако опыт людей многих тысячелетий показывает, что это выражение парадоксально только с виду, а на самом деле опыт своего Я можно найти и, что еще важнее, это Я исчезает, когда мы его настойчиво ищем.

Все, сказанное выше, было просто примечанием о феноменологии предмета, но оно уже может служить для нас отправной точкой. Основой всего здесь служит тот (по-моему, неоспоримый) факт, что почти каждый человек в какой-то мере ощущает отличие субъекта от объекта, и эта дихотомия накладывает отпечаток почти на все моменты нашей жизни. И можно без преувеличения сказать, что ощущение своего Я есть самая устойчивая и яркая характеристика человеческой жизни, и она властно влияет на наш мир, где шесть миллиардов Я преследуют разные цели, часто вступающие в конфликты, и это влияние не менее сильно, чем воздействие любого другого природного феномена. Очевидно, такая форма субъективности далека от оптимальной — если она вообще жизнеспособна. Почти каждая проблема в нашем мире связана с тем, что людей разделяет чувство собственной субъективности. Мы вправе предположить, что духовность, которая устранила такой дуализм — через созерцание своего сознания, — только улучшит положение вещей в мире. Вопрос о том, сможет ли значительное число людей приступить к исследованию этой территории, зависит от того, как мы обсуждаем религию. Самым величайшим препятствием для подлинно эмпирического подхода к духовному опыту сегодня являются представления о Боге.

Несомненно, сказанное выше может смутить иного читателя и показаться ему загадочными философскими построениями. Однако на самом деле здесь нет ни спекуляций, ни даже философии в узком смысле — хотя бы в том смысле, какой это слово обрело на Западе. Уже на протяжении нескольких тысячелетий любой западный философ полагает, что человек должен стремиться к счастью, миру или даже стать мудрецом, в обычном смысле этого слова, ищущим истину¹. Но философам кажется, что требовать от человека изменения или освобождения от иллюзии Я — это уже слишком много, а еще чаще они просто не рассматривают такую возможность. Поэтому многие западные люди теоретически не готовы понять смысл подобных призывов, которые опираются на факты.

В духовном смысле Восток отличается от Запада столь же разительно, как Север отличается от Юга в смысле материального богатства. Джаред Даймонд, если кратко суммировать его тезис, сказал, что Тропическая Африка не породила великой цивилизации по той причине, что невозможно оседлать носорога и ринуться на нем в битву². Мне бы хотелось найти столь же яркий образ для объяснения того, почему недуалистический эмпирический мистицизм появился именно в Азии, но у меня его нет. Но я думаю, все объясняется тем, что христиане, иудеи и мусульмане придают огромное значение самой вере. А вера подобна носорогу: она не помогает тебе решать реальные задачи, но когда ты рядом, она поглощает все твоё внимание.

Это не означает, что восточнее Босфора повсеместно царит духовность. Это, очевидно, не так. Кроме того, Азия нередко прославляла ложных пророков и шарлатанов, прикидывающихся святыми, тогда как Запад не был начисто лишен мудрости³. Тем не менее, если собрать вместе великих мистиков-философов Востока и

¹ Такой философ, как Хайдеггер, хотя он и печально знаменит тем, что восторгался Гитлером, заслуживает здесь нашего внимания, поскольку это не мешает считать его гигантом мысли Европы. Шопенгауэр, который, несомненно, был великим мыслителем, спустил с лестницы швею, после чего она навсегда осталась калекой (говорят, что философа раздражали звуки ее голоса). Можно вспомнить примеры и других выдающихся философов. Витгенштейн был, несомненно, трудным человеком, к тому же он с энтузиазмом прибегал к телесным наказаниям непослушных маленьких девочек. Это поразительный факт: ни один западный философ не может соперничать с великими философами-мистиками Востока. Кто-то может упомянуть Плотина как мистика, воспитанного в восточной части Запада. Однако сам Плотин признавал, что он лишь иногда на миг соприкасался с той полнотой, о которой все время писал. Члены какой-либо восточной школы созерцания в лучшем случае признали бы, что Плотин с энтузиазмом говорил о цели, к которой следует стремиться.

² Конечно, тезис Даймонда сложнее, но в целом он сводится к неравномерному распределению на планете животных, которых легко одомашнить, и продуктов питания, которые можно целенаправленно выращивать.

³ По меньшей мере — книжной. Тем не менее, западная философская традиция достаточно бесплодна. Здесь лишь отдельные счастливицы в самый решительный момент своего исследования — скажем, Шеллинг или Руссо, когда тот сидел в лодке на Женевском озере, — могли начать понимать недуалистическую природу сознания, тогда как философы Востока тысячелетиями формулировали свои догадки и опирались на них в своих созерцательных практиках, благодаря чему их опыт можно было воспроизвести и он постоянно проверялся консенсусом.

сравнить их с патриархами философской и богословской мысли Запада, мы увидим огромную разницу: мы не найдем в западном мире никого похожего на Будду, Шанкару, Падмасамбхаву, Нагарджуну, Лонгченпу и множество других людей, которые встречаются и в наше время. Похоже, в духовном смысле мы стоим на плечах карликов. Стоит ли удивляться тому, что глаза многих западных ученых видят не слишком прекрасный пейзаж?¹

Хотя я не пишу трактат о духовности Востока, здесь уместно обратить внимание читателя на разительное отличие восточных священных текстов от западных. Чтобы продемонстрировать это отличие, я приведу несколько случайных цитат из буддистской литературы. Я выбрал, почти не читая, из первых попавшихся под руку книг. Пусть читатель попытается вспомнить: видел ли он хотя бы отдаленное подобие этому у Библии или Коране?

В настоящий момент, когда (твой ум) предоставлен самому себе и ничего не создает,

Осознание данного момента достаточно обыденное.

И когда ты смотришь на себя обнаженным взглядом (без дискурсивных мыслей),

Поскольку существует лишь такое чистое наблюдение, можно найти глубокую ясность, где нет наблюдателя, Но есть только голое осознание

(Такое осознание) пусто и совершенно чисто, и никакая причина его не породила

Оно подлинно и неподдельно, оно чисто и пусто и лишено двойственности.

Оно непостоянно, однако ничто его не породило. Однако это не просто небытие или уничтожение, поскольку оно ясно и реально.

Это не единая вещь, потому что она реальна и ясна и ее много.

(С другой стороны), это не множество вещей, поскольку оно неразделимо и имеет единый вкус. Такое неустранимое самосознание не рождается от какой-либо причины вне его самого. Таково подлинное введение в реальное положение вещей. — Падмасамбхава².

Можно пробыть христианином, мусульманином или иудеем целую вечность и никогда не услышать чего-либо подобного о природе сознания. Случай ислама здесь особенно ярък, поскольку Падмасамбхава был

¹ Как может догадаться читатель, я многим обязан созерцательным традициям, родившимся в Индии. Эзотерическое учение буддизма (например, направление дзогчен в школе ваджраяны) и индуизма (например, адвайта веданта), а также долгие годы, посвященные различным техникам медитации, во многом определяют мои представления о духовных возможностях человека. Хотя в этих традициях нет цельной концепции природы ума или принципов духовной жизни, они, несомненно, отражают самую настойчивую попытку во всей истории понять эти вещи с помощью интроспекции. Скажем, буддизм глубоко изучил многие вопросы. Нет ни одной другой традиции, которая предлагала бы столько разных методов сделать из своего ума орудие, которое преобразует само себя. Внимательный читатель мог заметить, что я сурово критиковал религии, основанные на вере: иудаизм, христианство, ислам и даже индуизм, — но не обрушивал критики на буддизм. Это не случайно. Хотя буддизм тоже укреплял невежество и иногда порождал насилие, это не религия веры или даже вообще не религия в западном смысле слова. Конечно, существуют миллионы буддистов, которые об этом не подозревают — их можно встретить в храмах Юго-Восточной Азии и даже на Западе, где они поклоняются Будде как если бы он был таинственным воплощением Санта-Клауса. Несмотря на такое искажение традиции, эзотерическое учение буддизма дает нам наиболее полную методологию из всех доступных для открытия внутренней свободы сознания, не поработанного никакими догмами. Не будет преувеличением сказать, что встреча Далай-ламы с представителями христианских церквей, на которой ее участники воздают честь их разным религиозным традициям, подобна встрече физиков Кембриджа с кочевниками пустыни Калахари, участники которой прославляют их различные представления о материальной вселенной. Конечно, тибетский буддизм (как и физики) не свободен от некоторых догм, а кочевники способны понять концепцию атома. Любой человек, знакомый со священными текстами, прекрасно знает, что Библия не дает точных инструкций о духовной жизни, которые содержатся в буддистских текстах. Хотя в буддизме мне многое остается непонятым — и многое кажется неправдоподобным, — интеллектуальная честность требует признать, что как система духовных наставлений он стоит гораздо выше других религий.

² Padmasambhava, *Self-liberation through Seeing with Naked Awareness*, trans. J. M. Reynolds (New York: Station Hill Press, 1989), 12.

буквально современником Мохаммеда¹. Хотя смысл приведенного выше отрывка, быть может, не всем ясен — это малая часть трактата о природе ума, наполненная буддистским жаргоном («ясность», «пусто», «единый вкус») — это строго эмпирический текст, а не метафизические спекуляции. Даже современная литература о сознании, в которой встречаются философия, когнитивистика, психология и наука о мозге, не может сравниться с точными феноменологическими описаниями священных буддистских текстов. Хотя мы не должны привязываться к догматам любой духовной традиции, нам не следует думать, что все традиции в равной степени обладают мудростью или истиной. Это не так. Жизнеспособный мистицизм нуждается в прямых инструкциях, которые должны быть столь же однозначными и бесхитростными, как инструкция по эксплуатации газонокосилки². Некоторые традиции это поняли еще тысячу лет назад, другие — нет.

МЕДИТАЦИЯ

Большинство техник интроспекции для исследования подлинных свойств сознания называют медитацией. Когда мы говорим, что человек «погружен в медитацию», мы практически ничего не говорим о содержании его переживаний. Здесь под «медитацией» я понимаю любой метод, который позволяет устранить ощущение своего Я — тот дуализм субъекта и объекта в восприятии и мышлении, — в то время как сознание живо следит за потоком переживаний³.

Самым первым препятствием для медитации является, конечно, размышление. Поэтому многие люди считают, что цель медитации — достичь состояния, когда в голове нет мыслей. Действительно, некоторые переживания на время избавляют нас от мыслей, но в медитации важно избавиться не от мыслей, а от нашей идентификации с ними, чтобы мы могли понять, откуда рождаются сами мысли. Западные ученые и философы обычно считают, что размышление — высшее проявление сознательной жизни и что ум без мыслей такая же нелепость, как рука без пальцев. Однако большинство восточных духовных традиций опирается на иное представление: хотя на практике мыслить иногда необходимо, именно неспособность видеть в мыслях мысли в каждый момент жизни создает у каждого из нас ощущение своего Я, а к этому Я привязаны веревкой все страдания и разочарования⁴. Это представление основано на эмпирических фактах, оно не есть плод философских спекуляций. Стоит избавиться от чар мыслей — и ты избавишься от дуализма субъекта и объекта, а одновременно радикальным образом изменится твое отношение к счастью и страданию, как их понимают люди. Этот факт о природе ума большинство западных ученых даже не пыталось рассмотреть.

Именно поэтому практика медитации вполне разумна и необходима. Человеку необходимо постичь природу сознания, но это постижение не сводится к возникновению новых мыслей. Как и любое другое умение, медитация требует совершенствования способностей восприятия и мышления, и потому задачу постижения сознания вне дихотомии субъект/объект легче будет выполнить под руководством эксперта⁵. Тем не менее — хотя бы в принципе — этот опыт доступен каждому.

¹ Падмасамбхава — мистик VIII века, который, как принято считать, принес учение буддизма (а именно — танту и дзогчен) из Индии в Тибет.

² Далее упоминается восемь креветок — очищенных и нарезанных кубиками. Конечно, это символ восьми мирских забот, от которых должен отказаться каждый человек, взывающий к духовной жизни. Это слава и стыд, потеря и приобретение, удовольствие и боль, похвала и критика. Каждую из этих забот следует очистить, то есть лишить своего завораживающего действия, и сделать кубиками, которыми можно вымостить наш духовный путь.

³ Недавние научные исследования феноменологии буддистской медитации, где это слово употребляется примерно так же, как у меня, — см. В. А. Wallace, Intersubjectivity in Indo-Tibetan Buddhism, *Journal of Consciousness Studies* 8, nos. 5—7 (2001): 209—30. См.: также J. H. Austin, *Zen and the Brain* (Cambridge: MIT Press, 1998); and C. deCharms, *Two Views of Mind: Abhidharma and Brain Science* (Ithaca, N. Y.: Snow Lion Publications, 1998), где вопрос медитации подробно разбирают ученые, занимающиеся исследованием мозга.

⁴ Думаю, автором этой метафоры был Шри Нисаргадатта Махарадж, но не могу вспомнить, где именно в его многочисленных трудах я ее видел.

⁵ Часто говорят, что таким вещам не научишься из книг. В целом это совершенно справедливо. Я бы добавил, что и занятия с выдающимся специалистом по медитации не обязательно приводят к постижению свободы от дуализма, присущей сознанию. Для этого нужно создать подходящие условия: умелый учитель, который без сомнений указывает на то, что нужно постичь, и ученик,

Сейчас вы сидите и читаете эту книгу. Ваше прошлое — воспоминания. Ваше будущее — просто ожидания. И воспоминания, и ожидания могут войти в настоящий момент только в виде мыслей.

Разумеется, и само чтение — это особый вид размышления. Быть может, в уме вы слышите звук своего голоса, читающего эти слова. Однако вам не кажется, что данное предложение — это ваши мысли. Ваши мысли приходят без приглашения и отвлекают внимание от текста. Возможно, эти мысли связаны с прочитанным — скажем, вы думаете: «Разве автор не противоречит здесь сам себе?» — возможно, никак не связаны. Вы можете внезапно вспомнить о сегодняшнем ужине, о споре, произошедшем недавно, даже если ваши глаза смотрят на буквы. Всем нам знакома ситуация, когда мы прочли абзац или даже несколько страниц книги, не усвоив ни единого слова. Но немногие понимают, что в таком состоянии мы проводим большую часть жизни: мы воспринимаем настоящее — образы, звуки, вкус, ощущения данного момента — лишь смутно, через покрывало мысли. На протяжении всей жизни мы рассказываем себе истории о прошлом и будущем, мало интересуясь реальностью настоящего. Это значит, что мы живем, ничего не зная о свободе и простоте сознания, которое предшествует появлению мысли.

Ваше сознание, хотя оно остается загадкой для науки, обладает совершенной простотой, и это можно узнать на опыте. Оно просто стоит перед вами как вы сами и как все прочее, что вы замечаете. Вы видите эту книгу. Вы слышите множество разных звуков. Вы чувствуете положение своего тела в пространстве.

И иногда сюда на время вторгаются мысли о прошлом и будущем, а затем они снова уходят.

Если вы будете настойчивы в поиске субъекта вашего восприятия, вы явственно — хотя бы на миг — увидите, что его не существует. Все останется на месте — книга, ваши руки, — но иллюзорное разделение между познающим и познаваемым, между Я и миром, между внутренним и внешним исчезнет. Именно такой опыт на протяжении тысячелетий составлял самую суть духовности. Для его достижения нам не требуется верить во что бы то ни было. Нам достаточно пристально глядеть на то, что мы называем своим Я.

Когда человек хотя бы на миг увидел сознание, лишенное Я, целью духовной жизни становится все более полное освобождение внимания, чтобы это понимание становилось более устойчивым. И здесь духовность неразрывно связана с этикой. Во многих трудах по медитации говорится о том, что негативные социальные эмоции, такие, как ненависть, зависть и недоброжелательность, рождаются из дуалистического восприятия мира и поддерживают в нас этот дуализм. С другой же стороны, такие эмоции, как любовь и сострадание, готовят наш ум к медитации, так что под их влиянием нам становится намного легче концентрировать внимание. Нам легче освободить свое сознание от мыслей и просто пребывать в состоянии чистого осознания, если мы позитивно воспринимаем других людей и строим свои отношения на такой основе — в этом нет ничего удивительного. Судебные тяжбы, вражда, обманы или ситуация, когда тебя в наручниках доставляют на суд в Гаагу за преступления против человечности — все это не способствует регулярной медитации. Также всем известно, что чем меньше напряжения у человека вызывает собственное Я, тем менее вероятно, что в нем возникнут такие реакции, как страх или гнев. Ученые делают первые попытки проверить достоверность этого утверждения, однако любой человек, практикующий медитацию, уже проверил их на собственном опыте¹. Хотя многие ученые, исследующие медитацию, видят в ней всего-навсего методику снятия стресса, феномен устранения Я уже, несомненно, привлек к себе внимание ученых, занимающихся фактами и экспериментами².

способный в должной мере сконцентрировать ум, чтобы следовать инструкциям учителя и замечать то, что следует заметить. В этом смысле медитация, несомненно, умение, которое мы можем осваивать.

¹ Постигание природы сознания, лишенного дуализма, не поддается анализу с использованием слов. Когда человек, который знает только свои мысли, стремится все свести к языку, это не удивительно, и философские работы Витгенштейна и его последователей не столь глубоки, чтобы помочь нам лучше понять эту область. Возможно, интуитивную догадку об этом отражает знаменитое изречение Витгенштейна: «То, о чем мы не можем говорить, следует передать молчанию». Но даже если мы не можем говорить о подлинной тайне, мы можем ее постичь.

² Ученые исследуют медитацию уже не один год. См. подробный обзор соответствующих работ: J. Andresen, Meditation Meets Behavioral Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation, *Journal of Consciousness Studies* 7, nos. 11—12 (20(H)): 17—73. В большинстве исследований изучались электроэнцефалограммы и физиологические параметры испытуемых, при этом

Как это бывает и в других областях знаний, интуитивные представления о духовности могут проверяться с помощью консенсуса. Если математики способны с удовольствием говорить об абстрактных вещах, прекрасно понимая друг друга (хотя они не всегда согласятся с вещами, которые интуитивно кажутся нам «очевидными»), атлеты могут с интересом говорить о радостях спорта, то это относится и к мистикам, которые могут уточнять понимание своих данных с помощью консенсуса. Таким образом, настоящий мистицизм может быть «объективным» — в единственном возможном смысле этого слова, — и мистику не нужно связывать себя никакими догмами¹. Как предмет изучения духовный опыт ничем не уступает сновидениям, эмоциям, иллюзиям восприятия или даже самим мыслям².

Нас ожидает странное будущее: устройства, читающие мысли, настоящая виртуальная реальность, имплантация нейронов, более совершенные препараты — все это может поменять наш взгляд на самих себя и на наши духовные возможности. Наступает эпоха, когда наше генетическое наследие уже не будет необходимым условием нашего существования. Возможно также, ум человека соединится с искусственным интеллектом. Что будет означать для нас такое изменение привычных границ между Я и окружающим миром? Имеет ли оно какое-либо отношение к духовности, основанной на постижении недуалистической природы сознания?

Я полагаю, что вопрос о природе сознания важнее всех подобных достижений. Какие бы переживания ни готовило нам будущее — с помощью новых технологий или опыта существования после смерти, — сами переживания зависят от сознания и его содержимого. Стоит открыть, что сознание уже превосходит свое содержание, что оно уже наслаждается благополучием, которое Я обречено вечно искать, и ты окажешься выше логики переживаний. Несомненно, любой опыт потенциально способен нас изменить, но эти изменения всегда зависят от того, **что** именно мы осознаем в очередной момент, а не от природы самого сознания³.

Мистицизм — вполне рациональное занятие. Но это не относится к религии. Мистик постигает природу сознания, которое стоит вне мысли, и это постижение может стать предметом разумного обсуждения. Представления мистика имеют основу, причем эта основа эмпирическая. Нас завораживает тайна вселенной, и эту тайну можно анализировать с помощью концепций (таков путь науки) или переживать вне

исследователи не стремились найти изменения деятельности мозга. Большинство исследований, использующих современные методы нейровизуализации, не изучали медитацию с точки зрения ощущения своего Я. См.: A. B. Newberg et al., *The Measurement of Regional Cerebral Blood Flow during the Complex Cognitive Task of Meditation: A Preliminary SPECT Study*, *Psychiatry Research: Neuroimaging Section* 106 (2000 and 2001): 113—22, где приводятся результаты однофотонной эмиссионной компьютерной томографии. Я знаю только одну группу ученых, исследовавших медитацию, которая ведет к субъективной утрате чувства Я, предварительный отчет о результатах этих исследований можно найти в следующей книге: D. Goleman, *Destructive Emotions: A Scientific Dialogue with the Dalai Lama* (New York: Bantam, 2003).

¹ В статье F. Varela, «*Neurophenomenology*», *Journal of Consciousness Studies* 3, no. 4 (1996): 330—49, автор утверждает примерно то же самое, говоря о научной ценности «субъективных» данных: «Граница, отделяющая научную строгость от ее отсутствия, пролегает не между отчетами от первого и от третьего лица, скорее ее определяет наличие или отсутствие методологической основы для оценки с помощью консенсуса и знаний разных людей».

² Здесь я хотел бы кратко рассмотреть одно возможное возражение. Кто-то может сказать, что опыт исчезновения дуализма при медитации имеет чисто приватный характер и потому недоступен для независимой верификации. Почему мы должны верить словам тех, кто занимается медитацией? Но представляет ли это для нас проблему?

³ Фактически в этом отношении будущее подобно прошлому. Возможно, мы станем свидетелями усовершенствования техник визионерского направления традиционного мистицизма: шаманизма (сибирского или южноамериканского), гностицизма, каббалы, герметизма и его версии эпохи Ренессанса (герметизма) и других византийских школ, в рамках которых человек всем своим существом стремился к Другому. Но за всеми подобными подходами к духовности стоит жажда эзотерического знания и желание перерыть визионерские пласты психики — в сновидении, в состоянии транса или психоделического экстаза — в поисках священного. Хотя я не сомневаюсь в том, что на всех этих окольных путях нас могут ждать значимые переживания, тот факт, что сознание предопределяет контекст и качество любого визионерского переживания, остается отрезвляющей истиной, которая заставляет сделать вывод, что все подобные экскурсии, по сути, не являются чем-то необходимым. Пиротехника эзотерики не совершенствует сознание — не освобождает его от Я, не делает более непостижимым, трансцендентальным и т. д. ~ и об этом факте свидетельствует опыт созерцателей самых разных школ.

концепций (путь мистицизма)¹. Религия — это просто набор дурных концепций, который всегда вытесняет здоровые концепции. Это отрицание — окрашенное как надеждой, так и страхом, — того факта, что невежество причиняет человечеству невероятный вред.

Религия содержит крупицу истины, поскольку духовный опыт, нравственное поведение и крепкие сообщества людей крайне важны для человеческого счастья. Но наши религиозные традиции убивают мысль и разрушительно действуют в политике. Духовный опыт есть просто способность, присущая нашей психике, и для его достижения нам не нужно верить в недоказанные вещи. Несомненно, разум, духовность и нравственность могут вступить в союз в нашем мире. Это будет началом рационального поиска ответов на наши самые глубинные вопросы. И это положит конец вере.

Эпилог

Я написал данную книгу, чтобы помочь читателю избавиться от определенного типа иррациональности. Религиозная вера есть одна из областей человеческого невежества, закрытая даже для самой возможности корректировки, но при этом она надежно защищена от критики во всех сферах нашего общества. Отказавшись от всех ценных источников информации (как духовной, так и земной), религии держатся за древние запреты и донаучные фантазии, как если бы они обладали наивысшей метафизической ценностью. Книги, в которых содержится узкий набор представлений о политике, морали, науке и духовности — книги, которые уже в силу своей древности мало что могут сказать нам о нынешнем мире, — все еще почитаются как окончательные истины о предметах, которые для нас чрезвычайно важны. В лучшем случае вера лишает благонамеренных людей возможности мыслить рационально о многих важнейших проблемах, в худшем случае — постоянно порождает насилие. Даже и сейчас за поступками многих из нас стоит не подлинное знание, а фантазии, которые нам нравятся. Многие люди готовы отказаться от счастья, сострадания и справедливости в этом мире ради сказки о мире ином. Эти разрушительные явления сулят нам одни лишь бедствия. Мы не знаем, как верность определенной религии влияет на жизнь в грядущем мире, но в этом мире она играет вполне определенную роль — готовит жизнь, в которой царствуют невежество и насилие.

Мы живем в мире, где свободу все еще ограничивают религиозные законы и где всем угрожает религиозное насилие. Что в нас самих и особенно в нашем публичном дискурсе позволяет этому поразительному злу спокойно существовать в нашем мире? Мы уже видели, что образование и благосостояние не обязательно делают человека рациональным. И действительно, даже на Западе образованные люди все еще цепляются за пропитанное кровью наследие прежних веков. Для решения этой проблемы нам недостаточно просто обуздать немногочисленных религиозных экстремистов, но нам нужно найти новые подходы к этике и духовности, свободные от религиозной веры, и передать это знание всем людям.

Кому-то может показаться, что эта проблема просто неразрешима. Что может заставить миллионы людей отказаться от своих религиозных представлений? И, тем не менее, такой радикальный переворот в мышлении могло бы совершить всего одно поколение: для этого достаточно того, чтобы родители и учителя давали честные ответы на вопросы каждого ребенка. Если нам кажется, что этот замысел неосуществим, нам стоит вспомнить о том, насколько он важен, потому что религиозные представления рано или поздно обернутся гибелью для человечества.

Представьте себе наших потомков, которые стали свидетелями конца цивилизации. Представьте себе, что пренебрежение разумом приведет к тому, что самые мощные бомбы начнут падать на самые крупные города, а за этим будет стоять религия. Что несчастные люди, которые останутся в живых, скажут о глупости человечества, которая привела его в пропасть? Оглядываясь на нас на фоне конца света, они скажут, что мы — шесть миллиардов нынешнего населения планеты — во многом собственными руками подготовили такой Апокалипсис.

¹ Предполагает ли мистицизм выход за рамки любых концепций? Этот вопрос остается открытым. Здесь я просто хотел сказать, что мистик отбрасывает все те концепции, которые поддерживают в нас дуалистическое восприятие мира.

Наш мир буквально охвачен пламенем дурных идей. В некоторых странах людей до сих пор казнят за воображаемые преступления — вроде богохульства — и здесь образование большинства детей сводится к умению читать вслух древние произведения из жанра религиозной фантастики. Есть страны, где женщина лишена почти всех свобод, кроме свободы воспроизводить потомство. И эти же самые страны стремятся как можно быстрее завладеть современным оружием. Если мы не сможем призвать развивающийся мир, а в частности мусульманские страны, стремиться к таким целям, которые совместимы с существованием глобальной цивилизации, всех нас ожидает крайне мрачное будущее.

Соревнование между нашими религиями — это игра с нулевой суммой. В нас все еще живет религиозное насилие, потому что наши религии по самой своей сути враждебно относятся одна к другой. Если они не кажутся таковыми, это объясняется лишь тем, что секулярные интересы сдерживают в них убийственную неадекватность вероучений. Нам пора признать, что священные тексты христиан, мусульман, иудеев и других верующих не содержат никаких оснований для веротерпимости и многообразия религий.

Если когда-либо наступит такая эпоха, когда религиозные войны станут чем-то невообразимым, как невообразимы для нас сегодня каннибализм или рабовладение, это будет значить, что мы отбросили догматы веры. Если на смену нашей межплеменной вражде придет более широкая нравственная идентичность, наши религиозные представления уже не будут ограждены от подлинного исследования и здоровой критики. И тогда мы поймем, насколько опасно видеть знания там, где царит только благочестивая надежда. Там, где сила убеждений растет в обратной пропорции к их обоснованности, уже нет самой основы для сотрудничества между людьми. Когда мы можем обосновать наши представления, мы уже не нуждаемся в вере, когда же у нас нет таких обоснований, мы теряем связь и с внешним миром, и друг с другом. Люди, которые опираются на крепкие убеждения, лишены доказательств, должны находиться на краю общества, а не заседать в правительстве. Мы можем относиться с уважением лишь к одной стороне веры любого человека — к его стремлению улучшить жизнь **в этом** мире, его представления об ином мире такого уважения не заслуживают.

Нет ничего священнее фактов. И потому ни один человек не должен получать преимущества в наших дебатах лишь потому, что он обманывает сам себя. Лакмусовая бумажка, определяющая разумность, очевидна: любой человек, желающий узнать устройство мира, с физической или духовной точек зрения, должен быть открыт к новым фактам. Люди обычно подчиняются этому принципу, если чувствуют, что этого с них требуют. Это станет проблемой для религии. Та самая рука, которая поддерживает веру, будет расшатывать ее основания.

Мы еще не способны четко определить, что означает быть человеком, потому что каждый аспект нашей культуры — и даже сама биология — остаются открытыми для новшеств и догадок. Мы не знаем, какими станем через тысячу лет — или **чем** мы станем на фоне смертоносной нелепости многих наших представлений, — но как бы мы ни изменились, одна вещь, вероятно, сохранится: пока нам доступны переживания, нас будет беспокоить вопрос счастья и страдания. И потому нам нужно постичь эти явления на уровне биохимии, поведения, этики, политики, экономики и духовности — и понять, чем одно отличается от другого. Мы еще далеки от окончательного их понимания, но достаточно много знаем, чтобы отбросить ложные объяснения. И на сегодняшний момент мы знаем достаточно, чтобы сказать: Бог Авраама не может сравниться с беспредельной вселенной и даже недостойно стоять рядом с человеком.

Мы не знаем, что нас ждет после смерти, но знаем, что мы умрем. И, несомненно, мы можем жить нравственно — проявляя искреннюю заботу о счастье других чувствующих существ, — не претендуя на знание того, о чем мы явно ничего не знаем. Вспомните о том, что каждый человек, которого вы встретили, каждый прохожий, которого вы сегодня видели на улице, когда-нибудь умрет. Если человек живет достаточно долго, он обязательно теряет друзей и членов семьи. Каждый когда-нибудь потеряет все, что он любит в этом мире. Как же мы можем не желать другим людям добра, пока мы живы?

Мы привязаны друг к другу. Тот факт, что наши этические представления связаны с нашей биологией, не означает, что мы должны свести нравственные вопросы к биологическим. В итоге лишь мы сами судим о том, что есть добро, и сами судим о том, где содержится логика. Все наши диалоги с другими людьми еще не завершены. Нам не нужна идея о наградах и наказании за рамками этой жизни, чтобы оправдать наши

нравственные убеждения или эффективно применять их на практике в этом мире. В качестве ангелов мы можем призвать на помощь лучшие стороны нашей природы: разум, честность и любовь. Демоны, которых мы должны опасаться, есть такие явления, что присущи каждому человеку: невежество, ненависть, жадность и вера, которую явно вложил в нас дьявол.

Человека явно не стоит называть мерой всех вещей. Наша вселенная пронизана тайной. Сам факт ее — как и нашего — существования представляет собой абсолютную тайну, это единственное чудо, достойное такого названия. И центральное место в этой тайне занимает наше сознание — основа любого опыта, который мы можем назвать «духовным». Нам не нужны никакие мифы, чтобы вступить в отношения с этой тайной. Чтобы жить, изумляясь красоте и масштабности творения, нам не нужно поклоняться никакому Богу. Нам не нужно вспоминать о каких-то племенных интересах, чтобы в один прекрасный день мы могли понять, что действительно любим ближних, что наше счастье неотделимо от их счастья и что нам надо заботиться о благополучии всех людей, потому что все мы зависим друг от друга. Религии осталось жить недолго. И от того, как скоро мы это поймем, быть может, зависит срок жизни нашей цивилизации.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Душа человека страдает от двух великих болезней: от стремления продолжать мстить на протяжении жизни поколений и от стремления навешивать ярлычки на группы людей, вместо того чтобы увидеть в них отдельные живые существа. Авраамические религии оправдывают и первое, и второе — из чего получается взрывоопасная смесь. Только человек, который нарочно закрывает себе глаза, может не заметить, что за большинством — если не за всеми ними — конфликтов в современном мире стоит религия. Это, без сомнения, самый важный рассадник вражды на Ближнем Востоке. Те из нас, кто годами из вежливости скрывал свое презрение к этой опасной форме коллективного бреда, должны встать и назвать вещи своими именами. Сегодня иная ситуация, чем раньше. «Все поменялось, и поменялось радикально».

Ричард Докинз

Прошел почти год с того момента, как книга «Конец веры» впервые вышла в США. После этого я постоянно получал письма от читателей и тех, кто не прочел эту книгу, с широким набором откликов — от восторженной поддержки до убийственного осуждения. Тысячи людей прочли эту книгу, и миллионы слышали разговоры о ней в СМИ. Я получал письма и емейлы от ученых и врачей, знаменитых и скромных, от солдат, сражающихся в Ираке, от христианских священнослужителей, утративших веру (или никогда ее не имевших), от мусульман, которые соглашались с моей безжалостной критикой ислама, и от тех, которые приглашали меня зайти в ближайшую мечеть, чтобы мне там помогли лучше понять волю Божию. Я также получал отзывы от сотен активных вольнодумцев, живущих среди консервативных американцев. По их словам, центральная часть США по глупости ее обитателей быстро догоняет пустыни Афганистана. Может быть, слишком наивно надеяться на то, что призывы разумных людей изменят положение вещей.

По данным недавнего опроса, 22% американцев уверены в том, что Иисус вернется на землю в течение ближайших пятидесяти лет. Другие 22% полагают, что, вероятно, так и произойдет. Скорее всего, именно эти 44% ходят в церковь раз в неделю или чаще, верят в то, что Бог в буквальном смысле обещал евреям территорию Израиля и выступают за то, чтобы в школах их детям не рассказывали об эволюции. Такого рода верующие составляют самую сплоченную и энергичную часть американского электората. Следовательно, их представления и предрассудки влияют на все решения национального значения. Похоже, либералы извлекли из этого неверный урок и теперь задумчиво листают Библию, пытаясь понять, как снискать расположение армии избирателей, которые в основном голосуют так, как им подсказывают религиозные догматы. Более 50% американцев «негативно» или «крайне негативно» относятся к тем, кто не верит в Бога; 70% считают, что важной чертой кандидата в президенты должна быть «глубокая религиозность». Поскольку в нашем обществе существует табу на критику религиозных представлений, политические дискуссии о важных для общества вопросах (таких, как исследования стволовых клеток, этика самоубийства при помощи врача и эвтаназии, непристойность и свободная речь, гомосексуальные браки и т. д.) обычно обсуждаются на языке теократии. Неразумие в США сегодня набирает силу — в наших школах, в судах, во

всех ветвях федерального правительства. Лишь 28% американцев верят в эволюцию; 72% верят в ангелов. Такая высокая степень невежества, на всех уровнях пронизывающего сверхдержаву, сегодня становится проблемой для всего мира.

Я мог наблюдать, как мои аргументы против веры обсуждают, критикуют, восхваляют или неверно понимают в различных блогах по всему миру, и потому хочу использовать возможность в этом новом издании ответить на самые распространенные возражения или недоразумения. Не я придумал все эти аргументы, они принадлежат реальным людям (в том числе — писавшим рецензии на мою книгу), которые думали, что им удалось решительно опровергнуть мой главный тезис:

1. Иногда религия действительно породила насилие, но самые великие преступления XX века совершили атеисты. Безбожие — о чем красноречиво свидетельствуют режимы Гитлера, Сталина, Мао, Пол Пота и Ким Чен Ира — наиболее опасное состояние людей из всех нам известных.

Подобные возражения я встречаю чаще всего. Они же приводят меня в уныние, поскольку, предвидя этот аргумент, я уже дал на него ответ в книге. Хотя некоторые из самых мерзких политических движений в истории не называли себя религиозными, они не отличались рациональностью. Официальные представители этих режимов бесконечно повторяли бредовые идеи — о расе, экономике, национальной идентичности, марше истории, нравственной опасности интеллектуализма. Освенцим, ГУЛАГ и массовые убийства свидетельствуют не о том, что случается с человеком при слишком критичном отношении к неоправданному представлению, но, напротив, об опасности отсутствия критического мышления в отношении некоторых секулярных идеологий. Надо ли говорить, что, борясь с религией, я вовсе не призываю людей принять атеизм как догму? В настоящей книге я поднял проблему догматических убеждений — которые свойственны любой религии. Я не знаю ни одного общества в истории, которое бы пострадало из-за того, что его члены были слишком разумными.

Как я утверждаю на протяжении всей книги, уверенность в недоказанных вещах всегда вызывает разделения и делает людей бесчеловечными. Фактически, именно уважительное отношение к фактам и разумным аргументам делает мирное сотрудничество возможным. Перед каждым человеком постоянно возникает выбор: прибегнуть к насилию или вступить в диалог. Что еще кроме глубокого желания быть разумным может помешать гарантировать, что мы будем разговаривать друг с другом?

2. Нам нужна вера, чтобы выполнить почти любое действие. Мысль о том, что мы можем обойтись без нее, просто абсурдна.

Я получил одно электронное письмо на эту тему, которое начиналось так: «Мне нравится ваш слог, но вы идиот». Достаточно откровенно. Ниже мой корреспондент, подобно многим другим, говорит, что каждый из нас встает утром с постели и проживает свою жизнь в условиях неопределенности и в условиях ужасающей определенности — например, неизбежности смерти. И позитивное расположение духа, готовность идти по жизни безо всяких гарантий, иногда называют «верой». Так, мы можем посоветовать отчаявшемуся другу «обрести веру в себя». Подобные выражения мы редко произносим с насмешкой, даже если они срываются с ядовитого языка атеиста. Торжественно заявляю, что я не вижу в такого рода «вере» ничего дурного.

Но религия предлагает нам не такую веру. Любопытно понять, почему позитивная установка перед лицом неопределенности неизбежно приводит к нелепым убеждениям о божественном происхождении некоторых книг, к причудливым культурным табу, к презрительной ненависти к гомосексуалистам и к принижению женщин. Если ваши представления чересчур позитивны, вы вскоре увидите, что архитекторы и инженеры направляют летящие самолеты на здания.

В данной книге я пытался как можно яснее выразить мысль о том, что религиозная вера — это вера в исторические и метафизические утверждения, лишённые достаточных доказательств. Когда какая-то религиозная идея почти или совсем не имеет доказательств, или существуют убедительные опровергающие ее факты, люди говорят о вере. В противном случае они просто ссылаются на разум (например, говоря: «Новый Завет подтверждает правоту ветхозаветных пророчеств», «Я видел лицо Иисуса в окне», «Мы помолились, и у дочери остановилось развитие опухоли»). Обычно подобные доводы неадекватны, но они

лучше отсутствия всяких доводов. Сами верующие понимают, что разум важнее, и пытаются опираться на разум, когда есть такая возможность. Вера же есть просто позволение, которое они дают сами себе, **продолжать держаться за убеждение, когда доводов в его пользу не существует**. Когда разумное исследование поддерживает догму, его прославляют, когда же оно ставит догму под вопрос, над ним смеются — иногда верующие переходят от одного к другому в одном предложении. Вера — это известка для замазывания трещин в доказательствах и пробелов в логике, и потому именно вера сохраняет все это опасное для людей здание религиозной определенности в нашем мире.

3. Ислам склонен к насилию не более, чем любая другая религия. Насилие в мусульманском мире объясняется политическими и экономическими причинами, а вовсе не верой.

На обманчивость этого аргумента проливают свет теракты со взрывами. Почему мы не видим, как себя взрывают палестинские христиане? Они тоже ежедневно страдают под гнетом израильской оккупации. Почему мы не видим террористов-смертников из числа буддистов Тибета? Они пережили куда более жестокую и циничную оккупацию, чем любая группа мусульман, когда-либо подвергавшаяся давлению со стороны США или Израиля. Где же толпы жителей Тибета, которые мечтали бы убить себя вместе с группой мирных китайских граждан? Там подобных людей не существует. Чем же объясняются такие отличия? Особым вероучением ислама. Это не значит, что буддизм неспособен вдохновить людей на акты насилия с самоубийством. Он может это сделать, и подобные вещи происходили (Япония в годы Второй мировой войны). Но это нисколько не обеляет ислам. Буддисту приходится много трудиться, чтобы оправдать подобное варварство. Для мусульманина пойти на это гораздо проще.

Недавние события в Ираке также подтверждают мою точку зрения. Несомненно, население Ирака десятилетиями страдало от войн и репрессий. Но войны и репрессии не помогают объяснить действия террористов-смертников против Красного Креста, ООН, иностранных рабочих или мирных жителей Ирака. Войны и репрессии не помогают понять, почему в эту страну устремились иностранные боевики, которые готовы отдать свою жизнь просто ради того, чтобы увеличить хаос в стране. Действия иракских мятежников нельзя объяснить протестом против политической или экономической несправедливости. Конечно, у них есть ощущение несправедливости, но ради политики и экономики человек не станет взрывать себя в толпе детей и его мать не будет прославлять сына как героя. Для такого рода подвигов нужна религиозная вера.

Конечно, здесь действуют и другие факторы — государственная поддержка терроризма, принуждение в тех случаях, когда террорист испытывает колебания, — но они не должны заслонять от нас действия веры, которая все здесь охватывает и делает людей безумцами. Нам пора признать истину: ислам содержит особые доктрины мученичества и джихада, которые сегодня служат источником вдохновения для мусульманских террористов. Если мусульмане всего мира не смогут отказаться от богословия, превращающего ислам в культ смерти, подобное разрушительное поведение в итоге распространится по всему миру. Там, где будут происходить подобные трагедии, мусульмане будут стоять на стороне своих единоверцев, какие бы жестокости те ни вытворяли. Подобная злокачественная солидарность — продукт религии. Люди, находящиеся в здравом уме, должны перестать оправдывать ислам. А мусульмане — и особенно мусульманки — должны понять, что сильнее всего от ислама страдают они сами.

4. «Конец веры» — это на самом деле вовсе не атеистическое произведение. Эта книга неявно проповедует буддизм, мистицизм движения New Age и другие формы иррационализма.

Поскольку почти каждая страница моей книги посвящена разбору проблем религиозной веры, мне странно наблюдать, как яростнее всего ее критикуют атеисты, которые чувствуют, что я их предал, когда заговорил о второстепенных вопросах. Я не знаю, существует ли какая-либо другая книга, которая бы с такой же силой сокрушала основы религии. Это не значит, что у моей книги нет недостатков — но я определенно не старался умиротворить сторонников религиозной иррациональности.

Тем не менее, атеисты остались во многом недовольны этой книгой, особенно ее последней главой, где я попытался указать на рациональную основу медитации и «духовности». «Медитация» в моем понимании требует от человека лишь одного — с пристальным вниманием наблюдать за потоком своих переживаний.

В этом занятии нет ничего иррационального. На самом же деле оно является единственной рациональной основой для исследования природы нашей субъективности.

Медитация позволяет человеку наблюдать за потоком своих переживаний с удивительной ясностью, и иногда это приводит к разнообразным открытиям, которые обладают достоверностью и в то же время могут менять личность. Как я говорил в последней главе моей книги, одно из таких открытий заключается в том, что чувство своего Я — ощущение, что я думаю такие-то мысли или переживаю такой-то опыт, — может исчезнуть в тот момент, когда ты систематически за ним наблюдаешь. В это утверждение не обязательно верить, это плод эмпирического наблюдения, подобного тому, которое позволяет человеку обнаружить у себя слепые пятна. Большинство людей никогда не обращает внимания на эти слепые пятна (их происхождение объясняется тем, что зрительный нерв, входя в глаз, закрывает часть сетчатки), но их наличие несложно продемонстрировать любому человеку. Отсутствие Я также можно открыть, приложив надлежащие усилия, но для этого открытия требуется гораздо больше подготовки и учителя, и ученика. Для того чтобы проделать такое исследование, нужен единственный тип веры — вера в научную гипотезу. Эта гипотеза звучит так; при определенном использовании внимания произойдет определенное событие, которое можно воспроизвести. Конечно, все, что случается (или не случается) на пути «духовной» практики, можно интерпретировать в свете самых разных концептуальных систем, и все эти данные должны быть открыты для рационального обсуждения.

Атеисты также критиковали некоторые мои замечания о природе сознания. Большинство атеистов твердо уверены в том, что сознание целиком зависит от работы мозга (и сводится к ней). В последней главе данной книги я попытался кратко показать, почему такая уверенность неоправданна. На самом же деле ученые все еще плохо понимают природу отношений между сознанием и материей. Я не предлагаю делать из моей неопределенности религию или вообще что-либо с ней делать. И уж, разумеется, таинственная природа сознания нисколько не делает представления традиционных религий о божестве и рае более правдоподобными.

После выхода в свет книги «Конец веры» можно было наблюдать события, которые подтверждают ее центральный тезис. В некоторые дни почти каждый заголовок утренней газеты свидетельствовал о том, что религиозная вера дорого обходится нашему обществу, а вечерние выпуски новостей порой напоминали фантастические передачи из XIV века. За одной эпидемией религиозной истерии вскоре следовала другая. Вслед за лицемерной вспышкой эмоций по поводу смерти папы (человека, который активно боролся против использования презервативов в Африке и скрывал педофилов в рясах от светского суда) последовал массовый приступ религиозного бреда. Пока я пишу эти строки, мусульмане в нескольких странах бурно выражают свое возмущение, узнав о том, что следователи американской тюрьмы осквернили Коран. Семнадцать человек убиты и есть сотни раненых. Ответ правительства США также наполнен безумием. Сама госпожа генеральный секретарь заверила возмущенных варваров в том, что «правительство США не потерпит проявлений неуважения к священному Корану». Как именно наше правительство будет проявлять эту нетерпимость, она не объяснила. Скоро я услышу стук в мою дверь?

На фоне этих карнавалов неразумия можно было наблюдать за более привычными преступлениями веры, такими, как ежедневные «благочестивые» убийства в Ираке, выступление евангелических христиан против светского правосудия, случаи религиозного принуждения, широко распространенные в ВВС США, попытка переменить определение науки, чтобы включить туда сверхъестественное объяснение происхождения жизни (это происходило как минимум в двадцати штатах), отказ верующих фармакологов отпускать по рецепту противозачаточные пилюли, отказ кинотеатров демонстрировать документальные фильмы, в которых говорится об истинном возрасте земли, и так далее, и тому подобное... Как будто бы ты оказался в XV веке.

Для того, кто имеет глаза, чтобы видеть, уже совершенно очевидно, что религиозная вера остается постоянным источником конфликтов между людьми. Религия вынуждает неглупых людей отказаться от размышлений о важнейших вопросах для нашей цивилизации — или подсовывает им нелепые мысли. При этом критика религии в нашем обществе остается под запретом и ты не вправе даже сказать, что одна религия меньше проникнута состраданием и терпимостью, чем другая. Самая худшая сторона человечества (откровенный бред) защищена от критики, а его лучшие стороны (разум и интеллектуальная честность)

приходится скрывать из опасения оскорбить чьи-либо чувства. «Конец веры» — это моя первая попытка призвать всех обратить внимание на то, сколь опасна и сколь абсурдна эта ситуация. Я искренне надеюсь, что читатель найдет эту книгу полезной.

Сэм Харрис Нью-Йорк Май 2005

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Я начал работу над этой книгой 12 сентября 2001 года. Многие друзья прочли мое длинное эссе, написанное в первые недели всеобщей скорби и оцепенения, и оставили мне свои замечания. Этот текст стал основой данной книги. Я очень благодарен тем, кто дал свои отзывы на то эссе. Я также в долгу у моих коллег и консультантов, которые терпеливо дожидались, когда я вернусь к моей научной работе (и приду в себя). Некоторые из них прочли две главы, где говорится о человеческом мозге, которым не нашлось места в данной книге. Их замечания были для меня очень важными. Одна моя подруга исследовала мой текст на каждой стадии работы, нашла для меня литературного агента и помогла написать черновик заявки. Она знает, кому позвонить в том случае, если ей вдруг понадобится орган для пересадки. Мой отчим также прочел всю рукопись, хотя у него на это было слишком мало времени, и сделал немало ценных замечаний.

Мой агент и издатель оба помогли придать данной книге ее нынешнюю форму и сопровождали ее до печатного станка и далее. Работа с помощником издателя в процессе написания и редактирования книги была для меня настоящим удовольствием. Моя корректор в Norton совершила настоящий акт экзорцизма над моей книгой, вооружившись всего лишь красным карандашом.

Я особо признателен моей матери и моей невесте, которые помогали мне писать эту книгу и во всем остальном. Обе они так верно участвовали в моей работе, что это невозможно объяснить ни генетикой, ни теорией взаимных интересов. Их мудрые и своевременные акты помощи вселили в добрых людей из Norton благоговейный ужас. Хотя их не следует винить в недостатках моей книги, без них она явно была бы хуже.

Радикальная атака на святая святых либералов — на концепцию толерантности... Аргументированный и страстный призыв к более жесткой секуляризации общества.

Стефани Мэррит, газета The Observer

Харрис умело показывает, что вера — слепая, глухая, немая и неразумная — угрожает самому нашему существованию. Неразумие веры, описанное в книге — от фанатизма исламских террористов до секулярного фанатизма Ноама Хомского, — призывает нас, живущих в век терроризма, разумно обсудить этот вопрос. Автор демонстрирует, как совершенная тирания религиозного и светского тоталитаризма портит несовершенную демократию таких, например, стран, как США или Израиль. Эту книгу должен прочесть каждый разумный читатель.

Элан Дершовиц, профессор права Гарвардского университета, автор книги «Америка под судом»

Харрис пишет необычайно ярко, в его книге немало озарений, с которыми трудно будет поспорить даже скептически относящемуся к ней читателю.

Дэниел Блю, газета San Francisco Chronicle

Наконец-то появилась книга, которая показывает, как исламский терроризм связан с иррационализмом любой религиозной веры. Она бросает вызов не только мусульманам, но в равной мере и христианам, иудеям или индуистам.

Питер Сингер, писатель

Когда Харрис кратко разбирает феномен интуиции или представления о так называемом нравственном сообществе, он делает это не **хуже**, чем известные мне другие авторы, писавшие об этих предметах.

Джон Дэрбайгар, газета New York Sun

Хотя можно спорить с некоторыми выводами и аргументами Харриса, несомненно одно: верующим либералам пора пробудиться и действовать.

Джозеф Хог-младший, ректор Богословской семинарии Юнион